
3 3433 07919863 0

ВѢСТНИКЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

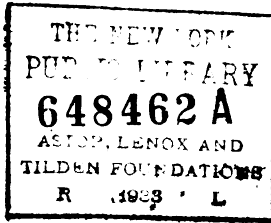
АВГУСТЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

КІЕВЪ.
Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1862.

Печатать дозволяется. Кіевъ 13-го Августа 1862 года.

Испр. д. Цензора, В. Чеховичъ.

I.

№ 5.

УНИВЕРСАЛЪ

Сигизмунда Августа о присоединении Земли Волынской къ коронѣ Польской, въ которомъ король, подъ угрозою конфискаціи имѣній, повелѣваетъ дворянамъ согласиться на соединеніе и подтвердить согласіе присягою. 1569, мая 25.

(Книга Гродская Луцкая 1569 г., листъ 252—259, перед. изъ I. т. Акт. Южн. Росс.)

Року Божего нароженя 1569, месеца июня, осмого дня.

Пришедши передъ урядъ кгродский Луцкий, до мене Петра Хомека, подстаростего Луцкаго, въ небытности его милости, князя Богуша Корецкого, старосты Луцкого, Браславского и Вѣницкого, коморникъ а комисаръ его кролевское милости, урожоный панъ Станиславъ Молский, показалъ и подалъ ми универсалъ, то есть листъ его кролевское милости, въ которомъ есть написано, абы вси дикгнитаре, княжата, панята, урядники земские, старостове, подстаростии и вси стану рыцерского люде, такъ тежъ бурмистры, райцы и иные уряды местские, обыватели земли Волынское повету Луцкого, присегу повинную его кролевское милости и короне Полской, на часъ въ немъ описаный, учинили. Который универсалъ, за росказанемъ его королевское милости, до актъ кгродскихъ Луцкихъ есть вписанъ, и такъ ся въ собе маетъ:

Жикгимонтъ Августъ, Божею милостию Король Полский, Великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецький, Жомоитский etc. панъ и дедичъ.

Вшемъ вобецъ и кождому зособна: дикгнитаромъ, княжатомъ, панятомъ, урядникомъ земскимъ, старостамъ нашимъ и ихъ

подстаростимъ и всимъ стану рыцерского людемъ, бурмистромъ, райцомъ и инымъ урядомъ местскимъ земли Волынское, обывателомъ, вернымъ намъ милымъ, ласку нашу королевскую, верные, намъ милые! Вырозумелисмо досыть зъ универсаловъ нашихъ первъшихъ, якъ есмо Волынскую землю, которая здавна до короны належала, ку тойже короне зась привернули; где при томъ дигнитаромъ, княжатомъ, панятомъ и урядникомъ, черезъ листы наши, росказали есмо были, абы вси, для учиненя присеги, намъ и короне Полской повинное, тутъ ся, на кветную неделю близко прошлую, ставили подъ унию, въ тамътыхъ универселахъ описаную. Которого часу, на жадане всихъ становъ тоежъ земли Волынское, на четвертыйнадцать день мая помкнули есмо. На который рокъ, яко завитый, ачъ переднейшие панове и рады, княжата, панята и рыцерского стану не мало людей тутъ передъ нами ставилися и присегу повинную намъ, яко королеви Полскому, и короне нашой учинили: вшакожъ, ижъ есть речь потребна и повинна, абы не толко преднейшие люди, але тежъ вси обыватели земли Волынское, такъ рыцерского, яко тежъ и местского стану, такую жъ присегу намъ и короне нашой учинили. А ижъ ся намъ не здало, абы для учиненя тое повинности тутъ вси приехати мели: про то, фолкгуючи въ томъ и речамъ и потребамъ людскимъ, всимъ тымъ, которые повинности своей тутъ передъ нами не учинили, часъ ку учиненю присеги въ повете власномъ, на день шостыйнадцать месеца июня, складаемъ и назначаемъ, росказуючи, абы каждый, на день предреченый передъ комисаремъ нашимъ, старостою або подстаростимъ и инеми дикгнитарми и врядники повету своего, которые бы на тотъ часъ зъехатися могли, до местечокъ кгродовыхъ стали, а тамъ присегу, намъ и короне Полской повинную, въ тые слова учинили: «Я N. N. присегаю пану Богу вшехмогучому, же отъ того часу напотомъ верный буду королеви его милости, на тотъ часъ и напотомъ будучому, и короне Пол-

ской, справуючи ся во всей повинности своей, верне и статечне стоечи при королю его милости и короне Полской, а николи ся отъ нее не отрываючи, и вшелякого небезпеченства и шкоды водле можности моей, остерегати яко на вернаго подданаго належитъ, такъ ми, панъ Богъ, рачъ помочи и его светая Еванелия.« Тое присеги хтобы ся колвекъ учинити зборонялъ, таковому, яко непослушному зверхности нашой права посполитого, именя его, которые бы мелъ на Волыни, конфишковать будемъ. А такъ старостамъ нашимъ росказуемъ, абы тотъ универсалъ нашъ, кождый въ старостве своемъ, безъ омешканя обявлати росказали, а потомъ, абы имена всихъ, которые тую повинную присегу учинятъ, и которые бы ее на день назначоный не учинили, въ акта кгродские вписати казали, а ексътракты того вписаня, съ книгъ кгродскихъ, до насъ, черезъ тогожъ комисара нашего, намъ послали, абысь мы оттоль ведати могли, противъ которымъ, яко непослушнымъ, правомъ поступовати бысмо мели. Данъ зъ Люблина, на сойме волномъ коронномъ, дня двадцатого пятого мая, року Божего тисечного пятсотного шестдесятъ девятого, крролованя нашего року чотырнадесятого. На власное короля его милости росказане. А такъ я тотъ универсалъ, за росказанемъ его королевское милости, до актъ кгродскихъ, слово отъ слова, спочатку ажъ до конца, записати росказалъ, съ котораго заразомъ копѣи списавши, подъ печатю кгродскою, ведле обычаю стародавного, въ поветъ розосланъ.

(За тѣмъ слѣдуютъ подписи дворянъ присягнувшихъ и отказавшихся отъ присяги. Подписи первыхъ, по недостатку здѣсь мѣста, пропускаются, а помѣщаются только подписи послѣднихъ).

Тые, которые въ повете Луцкомъ оселости свое маютъ, а въ кгороде Луцкомъ присеги, передъ комисаремъ его кролевское милости не чинили:

Князь Костентинъ Острозкий, воевода Киевский.

Князь Александро Чорторыский, воевода Волынский.

Князь Богушъ Корецкий, староста Луцкий.
Князь Романъ Сангушко, воевода Браславский.
Панъ Олбрыхтъ Лаский, воевода Сырадский.
Князь Левъ Сангушко-Кошерский.
Михайло Мышка-Варковский. староста Гомейский.
Князь Янушъ Четвертенский.
Петръ Загоровский, маршалокъ его королевское милости.
Михайло Малинский, маршалокъ его королевское милости.
Олизаръ Кирдий Мылский, маршалокъ его корол. мил.
Михайло Сербинъ, подкоморий Луцкий.
Александро Семашко, подкоморий Володимерский.
Иванъ Чапличъ Шпановский, войский Луцкий.
Василей Гулевичъ, войский Володимерский.
Гаврило Бокий, судя земский Луцкий.
Князь Остафей Соколский, подсудокъ земский Луцкий.
Михайло Коритенский писарь земский Луцкий.
Ярошъ Семашко, старостичъ Кремянецкий.
Иванъ Кирдий—Мылский.
Ярофей Гостский.
Кнегиня Ивановая Чорторыская.
Михайлевая Козинская, кашталяновая Луцкая.
Григорей Еловичъ-Букоемский.
Андрей Русинъ.
Богданъ Хринницкий.
Хведоръ Гурко.
Яско Гурко.
Семенъ Богуринский.
Князь Богданъ Масалский.
Левко Верховский.
Иванъ Холоневский.
Марко Холоневский.

Еръмогенъ Ясениницкий.
Иванъ Ворзобогатый Красенский зъ Рыканъ.
Андрей Куневский.
Жданъ Бронницкий.
Богданъ Хорошко.
Марко Збранный.
Янъ Крутовскій.
Семенъ Дрозденскій.
Криштофъ Закревский.
Иванъ Кошъка.
Олехно Мощеницкий.
Михалъ Дчалынский, подкоморий Хелменский зъ Берест.

№ 6.
ДОКУМЕНТЫ,
относящіеся къ монографіи Іосафата Кунцевича, полотскаго уніятскаго архіепископа.

(Смотри I кн. Отд. II. стр. 50. Кн. II. отд. II. стр. 75).

I.

(Подлинникъ).

ODPIS
Lwa Sapiehy Kancl. Litew. na List Arcybiskupa Połockiego Józafata Kuncewicza z r. 1622 *).

Przewielebny arcypasterzu Połocki! Nie radbym z Waszą Przewielebnością wdawać się w listowanie i spory; lecz widząc, jak upornie trwacie w zdaniu swojém

(Переводъ).

ОТВѢТЪ
Льва Сапѣги Кан. Лит. на письмо полотскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, 1622 г.

Преосвященный архипастырь полоцкій! Не хотѣлъ бы я вступать съ вашимъ преосвященствомъ въ переписку и споры; но видя упорство, съ какимъ вы отстаиваете свои убѣжденія, не внимая никакимъ

*) Перепечатано изъ VIII тома Исторіи Литературы Польской Вишневскаго, стр. 498—503, изд. въ Варшавѣ.

i że żadne uwagi odprowadzić Was od niego niepotrafią, znajduję się mimowolnie zmuszonym na bezzasadne pismo Wasze odpowiedzieć. Nie zaprzeczam, że ja sam przykładałem starania koło Unii i porzucić go byłoby rzeczą nierozumną; lecz nigdy mi na myśl nie przyszło, żeby Wasza przewielebność miała zamyślić ludzi do niéj przywodzić tak gwałtownemi sposobami. Najwyższy przywołuje do siebie wszystkich łagodnie: ,,Przychodźcie do mnie wszyscy i t. d.” lecz niewolników gwałtem przywleczonych mieć nie chce i nie przyjmuje. Wyście tą nieprzezorną gwałtownością poduszczyli, i że tak rzekę, przymusili naród Ruski do opierania się i do odrzucenia uczynionej Jego Królewskiéj Mości przysięgi (ściąga się to do odpadnienia Moskwy od obranego przez siebie na króla Władysława). Trudno Wam zaprzeć się tego, bo Was przekonywają podane od nich na pismie najwyższym urzędnikóm Polskim i Litewskim skargi. Chyba Wam niewiadomém iest mruczenie ludu

резонамъ, нахожу себя вынужденнымъ отвѣчать, вопреки моему желанію, на неосновательное письмо ваше. Признаюсь, что и я заботился о дѣлѣ уніи и что былобы неблагоразумно оставить это дѣло; но мнѣ никогда и на умъ не приходило того, что В. П. будете присоединять къ ней столь насильственными мѣрами. Всевышній зоветъ къ себѣ кротко: *пріидите ко мнѣ вси* и проч......, а не хочетъ и не пріемлетъ рабовъ влекомыхъ насильно. А вы своимъ неосмотрительнымъ насиліемъ подстрекнули и, такъ сказать, принудили народъ русскій къ сопротивленію и нарушенію присяги, данной его королевскому величеству (разумѣемъ здѣсь отпаденіе Москвы отъ избраннаго ею въ короли Владислава). Вамъ трудно въ этомъ запереться, когда васъ уличаютъ жалобы, поданныя русскими начальникамъ польскимъ и литовскимъ. Развѣ вамъ не извѣстенъ ропотъ неразсудительнаго народа, выразившійся желаніемъ его принять турецкое подданство, чѣмъ терпѣть такое притѣсненіе

nierozważnego, który się daje słyszéć z tem, iż wolą być w poddaństwie Tureckiém, niż cierpiéć taki ucisk wiary i nabożeństwa swego. Podług Waszych wyrazów są to tylko niektóre mnichy z eparchii Boreckiego (Metropolity Kijowskiego) i Smotryckiego (Arcybiskupa Połockiégo), i kilku z szlachty Kijowskiej, co się Unii sprzeciwiają. Lecz prośba Królowi podana nie jest od kilku czerńców, ale od całégo wojska Zaporozkiego; z żądaniem, żeby Boreckiego i Smotryckiego w ich eparchijach potwierdzić, a was wraz z drugimi oddalić. Biada temu, kto jest lekkowiernym; okoliczności te wcale inaczéj się pokazują w wyżéj wspomnionych skargach. Na sejmach zaś, czyż mało odbiéramy w téy mierze skarg od całéj Ukrainy i od całéj Rusi, nie od niektórych tylko czerńców? Niedosyć na tém, że Kozacy oczekują w Kijowie rozstrzygnienia w téj rzeczy naznaczonéj od Króla Komisyi; lecz o to idzie, czy ta się też i uda pomyślnie! Skutki rozstrzygnienia téj Komi-

своей вѣры и благочестія? По вашимъ словамъ противятся уніи нѣкоторые только монахи изъ епархій Борецкого (митроп. кіев.) и Смотрицкаго (полотск. архіеп.) и нѣсколько лицъ изъ кіевской шляхты; но прошеніе королю о томъ, чтобы онъ утвердилъ въ сихъ епархіяхъ Борецкаго и Смотрицкаго, а васъ съ прочими удалилъ, подано не нѣсколькими монахами, а всѣмъ запорожскимъ войскомъ. Горе тому, кто легковѣренъ! Въ этомъ прошеніи обстоятельства унíи являются совсемъ въ новомъ видѣ. А мало ли получаемъ мы жалобъ на сеймахъ не отъ монаховъ только, но отъ всей Украйны и Руси? Мало того, что козаки ожидаютъ рѣшенія назначенной по этому предмету комиссіи; дѣло въ томъ — принесетъ ли она пользу! Результатъ засѣданій этой комиссіи сулитъ намъ только надежду неизвѣстнаго блага; а потому безразсудно былобы пагубнымъ насиліемъ нарушать вожделѣнное согласіе и подобающее королю повинованіе. Руководясь не столько любовію къ

syi pokazują nam tylko nadzieję nieznanego dotąd jeszcze dobra; nierozsądkiem zatém jest przerywać grubym gwałtem tyle pożądaną zgodę, a tém samém i należące się Królowi posłuszeństwo. Wy nadużyciem swojéy władzy i swojemi postępkami, powodowani raczéj próżnością i prywatną nienawiścią, aniżeli miłością ku bliźniemu, w brew świętéj woli, a nawet w brew zakazu Rzpltej, byliście przyczyną i podżogą tych niebezpiecznych iskier, które wszystkim nam zagrażają, pożarem bądź bardzo zgubnym, bądź też wszystko trawiącym. Wy piszecie, że i polityka ma ku nim obróconą uwagę; a ja dodaję, że nie tylko polityka, lecz i rząd: bo z ich posłuszeństwa większe dla kraju wynikają pożytki, aniżeli z Waszéj Unii. Zaczém powinniście wy władzę swoję i powinność swoję pastérską stosować do woli Królewskiéj i do zamiarów Rządowych, wiedząc, że władza Wasza jest ograniczoną, i że pokuszenie się Wasze na to, co spokojności i pożytkowi społe-

ближнему, сколько суетою и личными выгодами, вы злоупотребленіемъ своей власти, своими поступками, противными священной волѣ и приказаніямъ рѣчи посполитой, зажгли тѣ опасныя искры, которыя всѣмъ намъ угрожаютъ пагубнымъ и всеистребляющимъ пожаромъ. Вы пишете,« что и политика обращаетъ на нихъ (?) вниманіе» а я прибавлю: не только политика но и правительство; ибо отъ повиновенія ихъ (православныхъ) больше пользы для края, нежели отъ вашей уніи. По этому вы должны соображать власть свою и обязанности пастыря съ волею короля, и намѣреніями правительства,— помня, что власть ваша ограниченна и что затѣи ваши, противныя спокойствію и общей пользѣ, будутъ сочтены оскорбленіемъ величества. Еслибы вы осмѣлились сдѣлать что нибудь подобное въ Римѣ или Венеціи, васъ бы тамъ научили уваженію къ постановленіямъ и политическимъ намѣреніямъ правительства. Вы пишете »объ обращеніи одщепенцовъ« и проч.

czeństwa jest przeciwném, sprawiedliwie może być poczytaném za naruszenie Majestatu Gdybyście Wy się odważyli na co podobnego w Rzymie abo w Wenecyi, zapewneby Was tam nauczyli, ile trzeba baczności mieć na położenie lub zamiary polityczne rządu. — Piszecie o nawracaniu do wiary odszczepieńców i t. d.; w samej rzeczy trzeba pomyśleć o ich nawracaniu, starając się o to, żeby była jedna owczarnia i jeden pastérz; lecz w tém trzeba postępować rozsądnie, stosując się do okoliczności czasu; ile w rzeczy zawisłej od swobodnego przyzwolenia, zwłaszcza w ojczyznie naszéj, gdzie bynajmniéj nie służy owa sentencya: „przymuszaj ich wchodzić, *coge intrare*". Trzeba żeby ta nasza gorliwość i żądanie powszechnego zjednoczenia, zasadzały się na prawidłach miłości, podług wyrazów Św. Pawła; lecz widać żeście się Wy oddalili od nauki tego apostoła: zaczém téż i nie dziw, że pod władzą Waszą zozostający wyszli z należącego się

нужно заботиться объ ихъ обращеніи и о томъ, чтобы было *едино стадо и единъ пастырь;* но нужно это дѣлать благоразумно и сообразно съ обстоятельствами времени, какъ дѣло, зависящее отъ свободнаго согласія,— особенно въ нашемъ отечествѣ, въ которомъ рѣшительно не примѣнима сентенція: »понуди внити.« Согласно ученію св. писанія, нужно заботиться, чтобы наша ревность и желаніе единовѣрія основывались на правилахъ любви; но вы уклонились отъ наставленія сего Апостола, а потому неудивительно, что подвластные вамъ вышли изъ повиновенія. Что касается опасностей, угрожающихъ вашей жизни, на это можно сказать: каждый самъ бываетъ причиною своего несчастія. Нужно умѣть пользоваться благопріятными обстоятельствами, а не предаваться безразсуднымъ увлеченіямъ,—особенно, когда дѣло касается перемѣны вѣры, начальники подвергаются безчисленнымъ опасностямъ. »Я обязанъ, говорите вы, подражать еписко-

Wam posłuszeństwa.—Co się tyczy niebezpieczeństwa życia Waszego, można powiedzieć: każdy sam przyczyną biédy swojéj. Trzeba korzystać z pomyślnych okoliczności, lecz nie poddać się nierozsądnemu uniesieniu; osobliwie kiedy idzie o wyznanie wiary, wtedy naczelnicy bywają narażone na niezliczone niebezpieczeństwa.— Ja obowiązany jestem, mówicie, naśladować biskupów i t. d.; naśladować świętych biskupów w cierpieniu, w chwale Bożéj np. Złotoustego (Chryzostoma), i innych wielkich pastérzów, jest rzeczą chwalebną; lecz naśladować ich także trzeba i w pobożności, w nauce, w cierpliwości i w dawaniu dobrych przykładów. Przeczytajcież żywoty wszystkich pobożnych biskupów, przeczytajcież wszystkie dzieła Złotoustego, nie znajdziecie w nich ani skarg, ani prostetacyi, ani jednéj wzmianki procesów, zatargów abo świadectw sądowych, ani pozwów do sądu Antyocheńskiego lub Carogrodzkiego, o prześladowanie, o osobiste (z urzędu) zrzucenie, o pozba-

пам» и проч. Подражать св. епископамъ въ терпѣніи, славословіи Бога, подражать напр., Златоустому и другимъ великимъ іерархамъ, — дѣло похвальное; но нужно подражать имъ и въ благочестіи, учительствѣ, долготерпѣніи и примѣрной жизни. Прочитайте житіе всѣхъ благочестивыхъ епископовъ, прочитайте творенія Златоустаго,— вы не найдете въ нихъ ни жалобъ, ни протестовъ, ни процессовъ, ни затѣй, ни судебныхъ объявленій, ни *позвовъ* къ суду антиохійскому или константинопольскому — о гоненіяхъ, низверженіи, о казни благочестивыхъ священниковъ,— а найдете только то, что способствуетъ къ умноженію славы Божіей, назиданію душъ человѣческихъ и умилостивленію разгнѣванной на служителей церкви Евдокіи. Теперь обратимся къ дѣяніямъ в. п.: вы наполнили земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископскія канцеляріи позывами, тяжбами, доносами, чѣмъ нетолько нельзя распространить уніи, но можно рас

wienie życia pobożnych duchownych; znajdziecie tam tylko to, co pomnaża chwałę Bożą, zbudowanie dusz ludzkich, i ułaskawienie Eudoksii rozgniéwanéj na służebników cierkwi. Obróćmyż się teraz do czynów Waszéj Przewielebności: u Was pełne ziemskie sądy, pełne magistraty, pełne trybunały, pełne ratusze, pełne biskupie kancelarye pozwów, processów, protestacyj; czém nie tylko Unii utwierdzić niepodobna; lecz nawet i ostani w społeczeństwie związek miłości się rostarga, i sejmy i wszelkie urzędy napełniają się niezgodą i kłótniami. — Piszecie: że oni (apostołowie i gorliwcy bozi) nie uważali ani na Króla, ani na Cesarza i t. d. J owszem! uważać ich trzeba podług Wszechmocnego Boga: „kto się sprzeciwia władzy, sprzeciwia się Bożemu rozkazowi: bo wszelka władza od Boga jest". Dla tego i Chrystus powiedział: »Dajcie Cesarzowi co jest Cesarza, Bogu co jest Boga. Przytém tak Wy, jak i każdy pamiętać powinniście, że każdy naród zachowując za-

торгнуть и послѣдній союзъ любви въ обществѣ и наполнить сеймы и управы разладомъ и ссорами. Пишете »что они (т. е. апостолы *и другіе* ревнители Божіе) не взирали ни на царя, ни на кесаря и проч." Нѣтъ! Всемогущій Богъ велитъ уважать ихъ; ***противляйся власти. Божію вельнію противляется***; ***нѣсть власть аще не отъ Бога***, говоритъ Онъ. Для того и Христосъ сказалъ: ***воздайте Божія Богови, и кесарева кесареви***. По этому вы и каждый должны помнить, что всѣ люди, исполняющіе законъ Божій, должны повиноваться волѣ своего повелителя. Снова пишете: »если неправовѣрные нападаютъ на меня, то я по неволѣ долженъ защищаться« и проч. Не такъ (поступать) учитъ насъ Христосъ! Ведомый, ***яко овча, на заколеніе***, имѣвшій для своей защиты ***легіоны ангеловъ***, Онъ молился за враговъ своихъ; такъ нужно поступать и В. П. Мудрый человѣкъ долженъ употребить всѣ мѣры благоразумія, прежде — чѣмъ воз-

kon Boży, winien posłuszeństwo woli Panującego.—,,Lecz jeżeli, piszecie, nieprawowierni na mnie zuchale następują, to ja mimowolnie przymuszony jestem bronić się i t. d.'', zaiste nie tak uczył nas Chrystus; on prowadzony jak owca na zabicie, mając do obrony swojéj orszak aniołów, modlił się za swoich prześladowców; tak i Waszéj Przewielebności należy postępować. Powinnością mądrego jest wprzód używać wszystkich sposobów rostropności, niż chwycić się oręża: nie pisać uszczypliwych listów do naczelnictwa jego Król. Mości, nie odpowiedziéć z groźbami, tak jak Wy czynicie; apostołowie i inni swięci nigdy tak nie postępowali.— Dodajecie ,,że wam wolno Uniatów topić, głowy im rąbać i t. d'',, nie tak z nimi postępować należy się, dla tego, że ewanielija Pańska srogi daje wszystkim mścicielom zakaz, który i do was się ściąga: «Moja jest zemsta, mówi Pan, ja będę nagradzał''. Iluż apostołów, iluż nauczycielów Pańskich iluż chrześcian, co życiem swo-

мется за оружіе,– не писать колкихъ писемъ къ начальству его корол. величества, не отвѣчать ему угрозами, какъ это дѣлаете вы. Апостолы и другіе святые никогда такъ не поступали. Продолжаете, »что вамъ вольно топить уніатовъ, рубить имъ головы« и проч. Нѣтъ! не должно такъ поступать съ ними; потому— что божественное евангеліе строго внушаетъ всѣмъ мстителямъ, въ томъ числѣ и вамъ: *мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ*. Сколько апостоловъ, учениковъ Господнихъ, сколько христіанъ запечатлѣло своею жизнію славу распятаго Господа, претерпѣло ради его жесточайшія муки! и однако нигдѣ нѣтъ въ св. писаніяхъ ни одной ихъ жалобы или протестовъ на Нероновъ, Тиверіевъ, Діоклеціановъ, но «*идяху радующееся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти*.»
На сеймахъ, продолжаете вы, поднимаются голоса не только вредные для уніи, но для всего правовѣрнаго духовенства

ém zapieczętowali cześć Ukrzyżowanego Pana, co za nią najokropniejsze męki ucierpieli! jednak ani na Neronów, ani na Tyberyuszów, ani na Dyoklecyanów, niemasz w świętych pismach ani jednéj z ich strony skargi lub sądowych protestacyj; tylko jest: «odszedłem radując się od oblicza sądu, jako godnym uznany nieczęść przyjąć na imie Pana Jezusa''.

«Jeszcze piszecie: «na sejmach podnoszą głosy szkodliwe nie tylko Unii, ale całemu prawowiernemu Rzymskiemu duchowieństwu i t. d.;» któż temu winien? jedna Unia przyczyną jest wszystkich tych nieszczęść. Kiedy gwałt czynicie sumieniom ludzkim, kiedy zamykacie cerkwie, żeby ludzie bez nabożeństwa, bez obrządków chrześcijańskich, bez świętości zginęli jak niewierni, kiedy samowolnie

римскаго« и проч. Ктоже тому причиною? Одна унія— виновница всѣхъ этихъ несчастій! Когда вы дѣлали насиліе совѣсти человѣческой, запирали церкви, для того — чтобы люди погибали безъ богослуженія, безъ христіанскихъ обрядовъ и таинствъ, какъ невѣрные; когда злоупотребляете милостями и преимуществами королевскими, вы обходились безъ насъ; а когда нужно усмирять смуты, возбужденныя въ народѣ вашимъ безпутствомъ, вы хотите нами запирать двери. Оттого противная сторона думаетъ, что мы съ вами составили заговоръ, направленный къ насилію совѣсти и нарушенію всеобщаго спокойствія, чего, конечно, не бывало (*а*). Довольно и того, что П. В. съ нами въ уніи, такъ и берегли бы эту унію про себя и *въ званіи въ неже звани*

а) Заговоровъ, быть можетъ, небывало, но не было и вниманія къ жалобамъ угнѣтенныхъ и запрета на дѣлѣ притѣснять не унитовъ. Вообще не нужно забывать, что это пишетъ р. католикъ, хотя и добросовѣстный и благонамѣренный, но все таки по неволи исполняющій въ тѣни многое неблаговидное, незаконное, въ дѣлѣ пропаганды.

na złe używacie miłości i poważania Króla Jmści, to w tém obchodzi się bez nas; lecz kiedy z powodu nieforemności powstaje w narodzie niespokojność, którą uśmierzyć trzeba, wtedy nami dobrze drzwi zatkać. Dla tego też i przeciwna strona mniema nawet, „jakobyśmy z Wami zmowę uczynili ku uciśnieniu sumnienia ludzkiego, i ku naruszeniu powszechnego pokoju; czego nigdy nie było! Dosyć na tém, że Wasza Przewielebność z nami w Unii, téj strzecie dla siebie, i w powołaniu, którém jesteście powołani, trwajcie spokojnie, a nie wystawiajcież nas na powszechną nienawiść, siebie zaś samego na niebezpieczeństwa i tak wielki przed całym narodem upadek —,,Na nieprzyjmujących Unii, piszecie daléj, wydać rozkaz, i wygnać ich z państwa i t. d.'' Broń Boże! niechaj się nie dzieje w ojczynie naszéj tak okropne bezprawie! Dawno w tych państwach zaprowadzoną została swięta Rzymsko-katolicka wiara, i póki nie miała naśladowniczki nabożeństwa swe-

бысте, оставайтесь себѣ спокойно неподвергайте насъ общенародной ненависти, а себя явной опасности и всеобщему нареканію.« Не принимающихъ уніи, пишете дальше, нужно изгнать изъ государства« и проч. Избави Богъ нашу отчизну отъ этаго безразсудства! Давно уже въ нашихъ странахъ водворилась р. католическая вѣра, и пока она не имѣла подражательницы себѣ въ дѣлѣ благочестія и подчиненія святому отцу (папѣ), до тѣхъ поръ славилась своею любовію къ спокойствію, могуществомъ внутри и внѣ государства; но какъ только связалась съ какою-то сварливой и безпокойною подругой, терпитъ, по ея милости, при всякомъ собраніи народномъ, при всякомъ уѣздномъ засѣданіи разные раздоры и нареканія. Лучшебы, кажется, было сдѣлать разрывъ съ этою неугомонною союзницей; потому что мы никогда не видали въ нашей отчизнѣ такихъ нестроеній, какія посѣяла среди насъ эта благовидная унія. Христосъ не запечатывалъ и не за-

go i posłuszeństwa dla Ojca swiętego, póty wsławiała się miłością pokoju i potężnością wewnątrz i zewnątrz państwa; teraz zaś, przyjąwszy w społeczność swoję niejaką swarliwą i niespokojną przyjaciołkę, cierpi z jéj przyczyny na każdym sejmie, w każdém narodowém zebraniu, w każdém powiatowém posiedzeniu, mnogie rosterki i spotwarzania. Zdawałoby się lepiéj i pożyteczniéj dla społeczeństwa uczynić rozbrat z tak kłótliwą towarzyszką, bośmy nigdy w ojczyznie naszéj takich nie mieli rosterek, jakie nam zrządziła ta pięknobarwna Unia, — Chrystus nie zamykał i niepieczętował cerkwi... Mając oni, mówicie, należytych księży i t. d.; daj Boże, żeby ich było dosyć; lecz to niedosyć, że Wy sami ich chwalicie: własna chwała zawsze podejżaną. Trzeba żeby innowiercy widzieli dobre dzieła ich, i sławiąc Ojca, który jest na niebiesiech, naśladowali w

пиралъ церквей....(б) »Имѣютъ они, говорите, достойныхъ священниковъ« и проч. Дай Богъ чтобъ ихъ было довольно! Этого мало, что вы сами хвалите ихъ; собственная похвала всегда подозрительна. Нужно, чтобъ иновѣрные *выдѣли добрыя дѣла* ихъ и *прославляя Отца, иже на небесѣхъ*, послѣдовали бы стезямъ ихъ. Но я знаю, какихъ вы рукополагаете священниковъ, такихъ, т. е., которые способны скорѣе разорить, нежели создать церковь (Христову). Отвсюду слышится ропотъ, что у васъ нѣтъ достойныхъ священниковъ, а больше слѣпыхъ. Невѣжественные ваши попы *вводятъ въ пагубу* и народъ. ,,Отдавать, говорите, церкви на поруганіе« и проч. Но печатать и запирать церкви, глумиться надъ кѣмъ либо, есть на столькоже пагубный разрывъ братскаго единомыслія и взаимнаго согласія.... Но укажите В. П. кого вы прі-

б) Многоточіе это и другія весьма многознаменательно; подъ нимъ укрываются всѣ ужасы уніи, которые поудержался заявить р. католикъ, знавшій, что письмо его можетъ быть историческимъ документомъ.

ścieszkach ich. Atoli ja słyszę, jakich to Wy księży poświęcacie, to jest takich, od których cerkwi więcéj upadku, niż zbudowania zdarzyć się może. Powsechnie Wam zarzucają, że u Was niemasz należytych księży, a raczéj pełno ślepych: a tak Wasze popy nieuki pociągają naród w pogubienie....Oddawać, piszecie, cerkwie na urąganie i t. d.; lecz pieczętować i zamykać cerkwie i urągać się z kogokolwiek, jest to zgubne wzruszenie braterskéj jednomyślności i wzajemnéj zgody. Z tém wszystkiém niechaj mi Wasza Przewielebność pokaże kogoście Wy pozyskali, kogoście zjednali tą swoją surowością, tą srogością, tém pieczętowaniem zamykaniem cerkiew? J owszem okaże się, żeście utracili nawet i tych, którzy w Połocku u Was w posłuszeństwie zostawali: z owiec poczyniliście ich kozłami: sprowadziliście niebezpieczeństwo na kraj, a może i zgubę na nas wszystkich katolików, zamiast wesela przyczyniła nam Wasza tyle świetna Unia kłopotu, niespkojności,

обрѣли, кого уловили такою суровостію вашею, строгостію, печатаніемъ и запираніемъ церквей? Окажется, что въ (самомъ) Полоцкѣ вы потеряли и тѣхъ, которые (доселѣ) были вамъ послушны. Изъ овецъ вы превратили ихъ въ козлищъ, повергли въ опасность государство, а, можетъ быть, въ погибель и всѣхъ насъ католиковъ. Вмѣсто радости, преславутая ваша унія надѣлала намъ только хлопотъ, безпокойствъ, раздоровъ, и такъ намъ опротивѣла, что мы желали бы лучше остаться безъ нея; такъ много, по ея милости, мы терпимъ безпокойствъ, огорченій и докукъ. Вотъ плодъ вашей пресловутой уніи! Сказать правду, она пріобрѣла извѣстность только смутами и раздорами, которые произвела она въ народѣ и въ цѣломъ краѣ! Если — избави Богъ — отчизна наша потрясется (вы своею суровостію пролагаете къ тому торную дорогу), что тогда будетъ съ вашею уніею? »По крайней мѣрѣ, пишете вы, я получилъ въ этомъ дѣлѣ предписаніе верховнаго па-

niezgody, i tyle nam się stała gorzką, żebyśmy woleli być bez niéj, ile z jéj to przyczyny cierpimy niepokoje, gorycze i dokuczania. Otoż te to są płody Waszej zachwalonéj Unii. Znakomitą zaiste ona jest przyczyną tylu między ludźmi i w kraju rosterek i niezgodności! Bo gdyby, niech Bòg broni, ojczyna się wstrzęsła (do czego Wy swoją surowością tak dogodną drogę otwieracie), nie wiem coby wtenczas z Waszą Unią było! Przynajmniéj, piszecie, dał mi w téj mierze przepis Pastérz najwyższy czyli jego namiestniki t. d.; sprzeciwiać się Najwyższemu Pasterzowi byłoby przeklętem pokuszeniem; lecz ja śmiem utrzymać, że jéśliby Ojciec święty wiedział, jakie z powodu Waszéj Unii w ojczyznie naszéj powstają rosterki, bez wątpienia pozwoliłby na to, czemu Wy upornie się sprzeciwiacie. Mamy przykład względności tego Ojca świętego rozważającego tak mądrze w niektórych państwach cerkiew Chrystusową, któréj on jest ojcem, nie ojczymem, że dla powszechnego ich dobra

стыря или его намѣстника« и проч. Противиться верховному пастырю есть проклятое покушеніе; но я увѣренъ, что еслибы св. отецъ (папа) зналъ всѣ тѣ смуты, какія породила ваша унія въ нашей отчизнѣ, онъ позволилъ бы все, чему вы такъ упорно противитесь. Мы знаемъ изъ опыта снисхожденіе св. отца, который, будучи отцемъ, а не отчимомъ церкви Христовой, такъ мудро управляетъ ею, что весьма многое разрѣшилъ въ нѣкоторыхъ странахъ, для ихъ общественнаго блага, что у насъ запрещено какъ грѣхъ смертный. Въ силу всего этого король приказалъ в. п. распечатать и отпереть церкви въ Могилевѣ, о чемъ и извѣщаю васъ по его приказанію. Если же и послѣ настоящаго напоминанія вы этого не сдѣлаете, то по повелѣнію его величества, я самъ прикажу распечатать и отдать церкви (православнымъ), дабы они въ тѣхъ церквахъ отправляли свое богослуженіе, согласно съ уставами своими. Жидамъ и татарамъ позволено въ

bardzo wiele tam pozwolił, co u nas pod grzechem śmiertelnym zakazano. — A po tém wszys tkiem Król każe cerkwi ich w Mohilewie rozpieczętować i otworzyć, o czem ja z Jego rozkazu Waszéj Przewielebności piszę, a jeśli Wy po tém mojém napomnieniu tego nie uczynicie, to ja za rózkazem Jego Królewskiéj Mości sam każę rozpieczętować i im oddać, ażeby oni podług swego nabożeństwa w cerkwiach tych swoje obrządki sprawowali. Żydom i Tatarom nie zabrania się w państwach Królewskich mieć swoje synagogi i meczety, a Wy chrześciańskie pieczętujecie cerkwie! Z tego powodu rozcho dzi się już wszędzie pogłoska, że oni wolą być u niewiernych Turków w poddaństwie, aniżeli cierpieć takie sumnienia swego uciśnienie Lecz, odpowiadacie, czyżby było sprawiedliwém, okazywać taką względność dla niepewnéj ' przyszłej spokojności? Nie tylko sprawiedliwém, lecz i koniecznêm; ponieważ nieuchybnie staną się w społeczeństwie rosterki, jeśli jeszcze większe

областяхъ королевства имѣть свои синагоги и мечети; а вы печатаете христіанскія церкви! Оттого и ходитъ вездѣ молва, что они (православные) лучше хотятъ быть въ подданствѣ невѣрныхъ турокъ, чѣмъ терпѣть такое насиліе своей совѣсти. Быть можетъ, вы скажете: »было бы несправедливо дѣлать это снисхожденіе подъ предлогомъ сомнительнаго спокойствія въ будущемъ?« Не только справедливо, но и необходимо! Потому что, если мы станемъ еще болѣе стѣснять ихъ религію, то произойдутъ неизбѣжные раздоры въ обществѣ. Повсюду уже раздается молва, что они навсегда желаютъ разорвать всякую съ нами связь. Что касается до полочанъ и иныхъ противъ васъ возмутителей; то можетъ статься они и въ самомъ дѣлѣ таковы, а все таки скажу, что вы сами расположили ихъ къ возмущенію. Они были вамъ послушны, не оставляли вашей церкви, а вы сами отъ себя оттолкнули ихъ. Уже ваша унія отторгла отъ насъ Новгородъ Сѣ-

w nabożeństwie ich wyrządzać im będziemy uciśnienia. Już się odzywają słuchy zewsząd, że chcą na zawsze z nami wszelki związek rozerwać. Co się tyczy Połoczan i innych przeciw Wam buntowników, to to może być, że oni są takiemi; ale Wyście sami ich do buntu podniecili; byli oni Wam we wszystkiém posłuszni, cerkwi Waszej nie porzucali! Nowogrod Siewierski, także Starodub, Kozielec i mnogie inne twierdze, Unia od nas oderwała; nawet i teraz ona jest główną przyczyną, że naród Moskiewski od Królewica stroni, jak się to oczewiście pokazuje z Rosyjskich listów do Panów Rad i inszych naczelników Wielkiego Księstwa Litewskiego. I dla tego nie chcemy więcéj, żeby ta tyle dla nas zgubna Unia, do końca nas zniszczyła.— Te są objaś-

верскій, Стародубъ, Козелецъ и мн. другія крѣпости. Она и теперь главною причиною того, что народъ московскій устраняется отъ королевича (Владислава), какъ это видно изъ писемъ русскихъ къ вельможамъ государственнымъ, и начальникамъ великаго княжества литовскаго. И поэтому то, мы не хотимъ, чтобъ эта, столь пагубная для насъ, унія до конца погубила насъ. Вотъ отвѣтъ на письмо ваше! Желалъ бы я на будущее время быть свободнымъ отъ состязанія съ вами. Прошу только Всевышняго о ниспосланіи вамъ вожделѣнныхъ для васъ благъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о ниспосланіи вамъ духа кротости и любви къ ближнему. Остаюсь съ почтеніемъ. Въ Варшавѣ, 12 Марта 1622 г. *в*).

Леонъ Сапѣга Великій Канцлеръ В. К. Литовскаго, собственною рукою.

в) Письмо это Сапѣги къ Кунцевичу древность сохранила намъ какъ бы на посрамленіе памяти фанатическаго гонителя православія и потверждепіе того, какъ тяжко было гоненіе на него воздвигнутое Кунцевичемъ, когда человѣкъ свѣтскій, р. католикъ, былъ вынужденъ вступить съ нимъ въ борьбу, обличать и усовѣщевать вышедшую изъ границъ человѣколюбія духовную личность.

nienia, które daję na list Wasz. Życzę sobie na przyszłość być wolnym od sporów z Wami. Proszę tylko Najwyższego o wszelkie dla Was pomyślności, a razem o ducha łagodności i miłości bliźniego, zostając z poważaniem W Warszawie dnia 12 Marca 1622 r.»

Leon Sapieha W. Kanclerz W. X. Litt. ręką własną.

Письмо Кунцевича (главное содержаніе котораго обозначено въ настоящемъ отвѣтѣ на него Сапѣги) помѣщено въ *Синопсисѣ* и у *Кульчинскаго*. Подлинный же, напечатанный здѣсь отвѣтъ на него Сапѣги, найденъ въ числѣ бумагъ Кунцевича, сказаннымъ выше жизнеописателемъ его Кульчинскимъ, собиравшимъ матеріалы для Исторіи русской церкви и въ первый разъ напечатанъ имъ въ сей Исторіи (Specimen eccl. Ruth.). Потомъ отвѣтъ этотъ напечатанъ былъ въ Разсужденіи о Литовскомъ Статутѣ *Линде*, стр. 159 и наконецъ цѣликомъ помѣщенъ въ VIII Томѣ Исторіи Литературы Польской соч. *Вишневскаго*, стр. 498—503. Авторъ означенной Исторіи польской литературы о семъ отвѣтномъ письмѣ Сапѣги говоритъ: »Nie znam w całey Literaturze Polskiey nic nad ten list pięknieyszego i coby o wysokim Polaków oświeceniu w epoce Zygmuntowskiey wznioślejsze i prawdziwsze dawało świadectwo jak ten złoty prawdziwie list Leona Sapiehy. Str. 347.» Переводъ сего письма на русскій языкъ помѣщенъ былъ, сперва въ Росс. Магазинѣ изд. *Тумановскимъ* 1793 г. въ части III стр. 474; потомъ въ Исторіи Уніи *Бантышъ-Каменскаго* стр. 75 и, наконецъ, болѣе исправленный въ отношеніи слога, — въ Христіанскомъ Чтеніи за 1851 годъ части II. стр. 205. О немъ упоминаютъ и разные польскіе писатели, между прочимъ *Стебельскій* Chronologia. T. III. str. 290.

2.

ПИСЬМО

архіеп. Юсафата Кунцевича къ митрополиту Іосифу Рутскому о непреклонности къ уніи витебскихъ, полотскихъ и могилевскихъ мѣщанъ, объ ихъ интригахъ и возмущеніяхъ противъ нея и Кунцевича, о ходатайствѣ, со стороны митрополита, у короля по дѣлу уніи въ сихъ городахъ, — съ выраженіемъ упрека канцлеру л. Сапѣгѣ, за его письма въ защиту православія и сожалѣнія о распространеніи ихъ списковъ въ православномъ народѣ писцами канцеляріи Сапѣги.

(Письмо это служитъ лучшимъ доказательствомъ подлинности предъидущаго письма Сапѣги къ Кунцевичу, которую современные нѣкоторые католическіе писатели вздумали оспаривать. Подлинникъ его находится въ архивѣ Св. Сvнода, въ отдѣлѣ архива б. унитскихъ митрополитовъ и записанъ въ прибавительной описи, подъ № 13, года 1622. Письмо это отъ начала до конца написано собственною рукою Кунцевича).

Преосвященный Отче пастыру нашъ!

Ожидаю на отписъ отъ в. милости моего милостиваго Пана з вилна и тымъ часомъ зъежчу водою до Витебска для умоцненя небожъя поповъ которие велце суть утропени[1]) отъ поповъ апостатовъ и людей свѣтскихъ вправде и большие ми нерадили. Такъ Богу взявши на помощъ пустилемся. Побывавши тамъ и осмотревши мышлѣ выбратися наконецъ самъ до варшавы хотли то з великою тяжкостью прийдетъ. Тымъ часомъ рачитъ вашмость мой панъ тамъ бодрствовати, и тымъ забегати которые Х. Бога и святыхъ его могутъ намъ допомочи для Х. Бога, жебы его милость Х. лекгость серца нетратилъ и вратунку[2])

[1]) Обижены, [2]) помощь, спасеніе.

неуставалъ до которого пишу при отдаваню листу рачъ[3]) тежъ в. мость мой милостивый Панъ ему всю справу тутешнюю преложити ведле первого описанья моего до в. милости кгды потвержоный будетъ декретъ комисарский лацнося[4]) тутъ успокоитъ бо ещеся не взмогли осьмъ хлоповъ або десять тилько то броятъ шляхты немашъ жадное. Ездили або ходили до нѣкоторыхъ герштиковъ[5]) шляхты полоцкое листъ справивши до короля его милости и упросили ихъ жеся подписали попившися чого напотомъ жаловали и сами невѣдали до чогося подписовали, яко потомъ сами вызнали. Екзекуторми того декрету нехайбы тыхъ жекомисаровъ назначилъ король его милисть, его милость пана Ковщѣру кгвалтемъ[6]) повезли тыхъ бестый косматыхъ соболевъ рысевъ вепровъ уже тежъ его полочане и могилевцы ажъ назбытъ[7]) уславили тыми подарками по всемъ краю русскомъ, бо што дадутъ або маютъ дати вчомъ кажутъ вчомъ рачъ его вашмость милостивый мой панъ перестеречь и въ его надѣю все собѣ смети починаютъ. Теперь уховай[8]) Боже еслиже такое поблаженье отнесутъ або тотъ декретъ тамъ безъ скутку[9]) яко и могилевский зостане невымовне всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ тое хлопство утрапитъ..... не мало до пекла пойдетъ. Да его милость панъ канцлеръ ажъ теперь...... на листъ его милости презъ бунтовниковъ полоцкихъ мнѣ отданый усправедли..... же мя не слушне удали о грубиянство поповское незважаючи же схизма грубиянства намножила а не единость еще и то недобре же его милость листы мнѣ за ними даючи копѣе тыхъже листовъ сняли писари имъ зброднемъ даютъ которые они всюды по своихъ розсылаютъ часомъ тежъ сами снявь отпечатавши преписуютъ потомъ притиснувши якокольвекъ печать отдаютъ. Если к воли козакомъ чинятъ и натомъ сейме Св. Бога и правду

[3]) извольте, [4]) легко, [5]) зачинщиковъ, [6]) насильно, [7]) чрезвычайно, [8]) сохрани, [9]) результатъ.

его святую каѳолицкую опримують[10]) тымъ ближшее тое панство (чого Боже уховай) до згубы[11]) бо презшто хто грѣшитъ презъ того можетъ быти скаранымъ. Познавши то Козаки же на ихъ респектують а чогося неважатъ[12]) што все опатрности[13]) Божіей належить полецати[14]) на авдиенции у короля его милости рачъ вашмость милостивый мой панъ мою справу пильно[15]) залецить жебы могла мѣць скутокъ звлаща же[16]) инстанція наступитъ его мость пана воеводы который ленцвойта своего высылаетъ знову до двору также и ураду мейстского который тежъ к воли самой той справе шлетъ двухъ всѣхъ тыхъ з справами ихъ милости. Помочи в. мости залецаю, О виленской колотнѣ[17]) лотровской[18]) пилно рачъ в. милосль королю его милости преложити всѣ бунты и непокое схизматицкие отъ тамтыхъ походятъ. — Отдаюся притомъ въ звыклую вашу милость моего милостиваго пана. С. Полоцка в пятомъ предъ внебовзятіемъ пречистое свят. римского свята

Вашей милости моего милостиваго пана рабъ

Іоасафъ.

3.

(Подлинникъ)

Epistola Pontificis Urbani ad Poloniæ regem Sigismundum, qua stimulat, ne cives Vitebscii sinerentur impuniti, ob interfectum archiepiscopum Polocensem Joasaphatem; 1624 an. Februarii 10.

Sigismundo III, Regi Poloniae, Urbanus papa VIII.

(Переводъ)

Письмо Папы Урбана польскому королю Сигизмунду III съ убѣжденіемъ неоставить безъ наказанія витебскихъ жителей за умерщвленіе полотскаго уніатскаго архіепископа Іоасафата Кунцевича, 10 Февраля 1624 г.

Сигизмунду III польскому королю, папа Урбанъ VIII.

---

[10]) Притѣсняютъ, преслѣдуютъ, [11]) гибель, пагуба, [12]) несмѣютъ, [13]) Провиденіе, [14]) предоставить, вверить, [15]) тщательно, [16]) особенно, [17]) ссора, [18]) разбойничей, злодѣйской.

Quis dabit oculis nostris fontem lacrimarum, ut sichismaticorum crudelitatem, et Polocensis archiepiscopi mortem lamentari possimus? En, quo progreditur impeitatis barbaries, quam non satiat innocentium fletua, nisi sacrilegam sitim expleat sanguine sacerdotum! Sacrum Antistitem, non infulis modò, sed etiam moribus venerabilem, in propriis aedibus a facinoroso clerico et saeviente populo isthic trucidatum esse, non obscurum est Divinae ultionis documentum in eos populos. O rem visu foedam, auditu miserandam! Corpus illud, quod Spiritus sancti templum fuit, ferocientium manibus per civitatis compita tractum esse accepimus; et cui plaudentes Angeli credendi sunt martyrii coronam detulisse, schismatici scelus anhelantes, per summum humanae ferocitatis dedecus illusisse barbarum in morem dicuntur. Nos quidem praetiosam hanc mortem, qua coelestis principatus haeredi tas additur, optimo antistiti gratulari Ecclesiam posse, censemus. At enim impunitam esse nefas est

Кто дастъ источникъ слезъ очамъ нашимъ, чтобы мы могли оплакать жестокость схизматиковъ и смерть полотскаго архіепископа! Вотъ до чего дошла свирѣпость нечестія, которое не насыщается плачемъ невинныхъ, а утоляетъ свою жажду развѣ только кровію священниковъ! Святой архіепископъ, почтенный не митрою только, но и добродѣтелями, убитъ въ собственномъ дворцѣ преступнымъ духовнымъ и свирѣпымъ народомъ. Вотъ ясное доказательство мщенія Божія надъ тѣмъ народомъ? Дѣло отвратительное для зрѣнія, жалостное для слуха! Слышали мы, что то тѣло, которое было храмомъ Святаго Духа, влачили по стогнамъ города руки разсвирѣпившихъ и говорятъ, что дышавшіе злобою схизматики, по обычаю варваровъ, съ величайшимъ, свойственнымъ нечеловѣческой лютости, поношеніемъ, издѣвались надъ тѣмъ, кому, должно думать, рукоплещущіе Ангелы принесли вѣнецъ мученичества. Мы дѣйствитетьно думаемъ, что церковь можетъ

nefas est sacrilegiorum crudelitatem. Ubitam atrox facinus Divinae ultionis flagella implorat, maledictus homo, qui prohibet gladium suum a sanguine. Ferro igitur atque igne abstinere, Rex petentissime, non debes. Sentiat haeresis, non deesse cruentis sceleribus suplicia. Jn tam detestando facinore misericordia pro saevitia est habenda. Quare moras omnes rumpat Majestas tua, et pia indignatione exardescens, moerentis religionis lacrimas impiorum pœnis consoletur. Disserenti negotium hoc venerabili fratri Joanni, episcoso Nolono, nuntio nostro, perinde ac nobis ipsis credere poterit Majestas tua, cui Apostolicam benedictionem impertimur. Romae, apud s. Petrum, 10 Februarii, 1624, pontificatus nostri anno I-mo.

ублажать лучшаго изъ епископовъ за сію драгоцѣнную смерть, за которую преимущественно дается небесное наслѣдіе. Но жестокость убійцъ не должна остаться не наказанною. Тамъ гдѣ столь жестокое злодѣяніе требуетъ бичей мщенія Божія, да проклятъ будетъ тотъ, кто удержитъ мечъ свой отъ крови. И такъ, державный король, ты не долженъ удержаться отъ меча и огня. Пусть ересь чувствуетъ, что жестокимъ преступникамъ нѣтъ пощады. Въ столь гнусномъ преступленіи строгость должна заступить мѣсто милосердія. По сему да отложитъ Ваше Величество всякое промедленіе и, воспламенившись благочестивымъ негодованіемъ, да утѣшится слезами нечестивцевъ, наказанныхъ за огорченіе религіи*). Ваше Величество, которому сообщаемъ наше апостольское благословеніе, можете вѣрить исполнителю сего пору-

*) И всѣ эти безчеловѣчные совѣты даетъ христіанскому королю тотъ, кто заставляетъ вѣрить въ себя какъ въ главу христіанской церкви и намѣстника Господа нашего Іисуса Христа, повелѣвшаго послѣдователямъ своимъ быть кроткими, смиренными и любить даже враговъ своихъ, какъ самихъ себя?!! *Ред.*

ченія, нашему почтенному брату, нунцію Іоанну, епископу ноланскому, какъ намъ самимъ. Въ Римѣ у св. Петра, 10 Февраля 1624 года, папства нашего въ первомъ году.

Списокъ письма сего доставленъ въ Археографическую Коммиссію Зубрицкимъ. Сличи Specimen Eccl. Ruth. edit. Kulczyński, Romæ, an. 1734.

4.

Epistola Metropolitæ Josephi ad Cardinalem Bandinum, in quibus denumerat carnificia aliasque poenas, quales iidem cives perpessi sunt ob commissum facinus. 1624 an. Febr. 11.

Cardinali Bandino, Protectori, Josephus metropolita Russiae.

Post occisum tam immaniter archiepiscopum Polocensem nostrum, qua de re alias fusius Em. vestrae scipseram, serenissimus Rex noster, motus indignitate rei, ut averteret ab universo regno justam vindictam Dei pro effuso sanguine Antistitis, misit commissarios ad istam civitatem

Письмо уніатскаго митрополита Іосифа Рутскаго Кардиналу Бандину о разныхъ наказаніяхъ, присужденныхъ витеблянамъ за совершенное преступленіе. 11 Февраля 1624 г.

Кардиналу Бандини, покровителю, Іосифъ митрополитъ русскій.

Послѣ столь жестокаго убіенія нашего полотскаго архіепископа, о чемъ я прежде подробно писалъ вашему превосходительству, августѣйшій нашъ король, смущенный гнусностію дѣла, дабы отвратить отъ всего государства справедливое мще-

tanto scelere obstrictam: qui habentes secum satis validum praesidium in equitatu et peditatu (timebantur einim a Cosacis, ad quos pro patrocinio confugerat illa civitas), usi celerilate et dexteritate, triduo judicium et executionem peregerunt. Consules quos civitatis illius et octodecim alia cum illis capita truncarunt, bonaque ipsorum fisco adjudicarunt. Centum alios circiter cives, qui ante aduentum commissariorum in diversa profugerutn capite damnarunt et proscripserunt, bona ipsorum itidem fisco cesserunt. Privilegia Regum Poloniae ab antiquo huic civitati data abstuterunt, et praetorium, omnibus videntibus ac magis hoc damnum, quàm decollationem ccncivium suorum deflentibus, diruerunt; campanas, quaecunque contra episcopum pulsatae fuerant, ab omnibus ecclesiis abstulerunt; duas synagogas schismaticorum disjecerunt; ulteriores poenas arbitri regis reliquerunt. Magnus hinc terror invasit omnes schismaticos, et intelligere coeperunt, quod, quando senatores jussa re-

ніе Божіе за пролитіе крови архіепископа, послалъ въ сей городъ, виновный въ такомъ преступленіи, комиссаровъ. Они, имѣя съ собою довольно сильную, состоящую изъ конницы и пѣхоты, стражу (ибо опасались бѣды отъ козаковъ, къ покровительству которыхъ прибѣгнулъ городъ) и употребивъ поспѣшность и скорость, въ три дня совершили судъ и исполненіе онаго. Отрублены головы двумъ градскимъ первымъ сановникамъ и вмѣстѣ съ ними восемнадцати гражданамъ, а имѣнія ихъ конфискованы. Около ста другихъ гражданъ, бѣжавшихъ въ разныя стороны еще до прибытія комиссаровъ, осуждены на смерть заочно и имѣнія ихъ тоже конфискованы. Отняты привиллегіи, данныя съ давныхъ временъ сему городу польскими королями, разрушена ратуша въ виду всѣхъ более оплакивавшихъ эту потерю нежели обезглавленіе ихъ согражданъ; колокола, въ которые били набатъ противъ епископа, отняты отъ всѣхъ церквей, разрушены двѣ схизматическія сина-

gia exsequi volunt, non movent illos terrores potentiae Cosacorum. Interea humillima mea ob seguia Em. vestrae etiam atque etiam commendo. Bitenii 11 Februarii, an 1624.

гоги; дальнѣйшія же наказанія предоставлены воли короля. Въ слѣдствіе сего нашелъ большой страхъ на всѣхъ схизматиковъ и они стали понимать, что когда сенаторы захотятъ что либо исполнить по приказанію короля, то не смутятъ ихъ угрозы казаками. Между тѣмъ всенижайшее мое смиреніе покорнѣйше поручаю Вашему Превосходительству. Въ Бытени 11 Февраля 1624.

Списокъ сего письма доставленъ въ Археографическую Комиссію Зубрицкимъ. Сличи Specimen Ecclesiae Ruth. edit. Kulczyński. Romae an 1734.

5.

Litteræ Pontificis Urbani ad regem Poloniæ Sigismundum, quem laudibus canit, ob justitiam in Polocensis archiepiscopi interfectores. 11 d. Maji an. 1624.

Sigismundo III, Regi Poloniae, Urbanus papa VIII

Mallemus equidem rationibus quam vulneribus medicabilia esse

Письмо Папы Урбана польскому королю Сигизмунду, которого восхваляетъ за наказаніе убійцъ полотскаго архіепископа Іоасафата. 11 Мая 1624 г.

Сигизмунду III польскому королю, папа Урбанъ VIII.

По истинѣ желаемъ, чтобы врачебныя средства для еретиковъ

haereticorum ingenia: charitatem enim nostram delectarem magis gladius vagina tectus quam infectus sanguine. Tamen insanabilia membra ferro indigent, ne pestilentium partium contagione universum corpus cantabescat. Hinc par est curatores publicae salutis, non semper clementiae reminisci, sed etiam aliquando severitatis: impiorum enim supplicia exterrent eorum audaciam, qui iniquitatem sicut aquam bibunt, nec tantum praeda, quantum scelere delectantur. In ejusmodi verbis agnoscere potest laudes Majestas tua, cujus iram ac justitiam experti nuper sunt immanes Polocensis archiepiscopi interfetores. Vitebscum enim, quod faeinoris tam execrandi exemplum praebuit, dicitur nunc documentum Divinae ultionis et regiae pietatis. Qui enim civitatis illius scelus commemorabit conqueri certe non poterit, impunitate nutritam fuisse sacrilegam schismaticorum saevientium crudelitem. Propugnaculum in iis regionibus videris extruisse, quod Ruthenae Unionis

состояли лучше въ убѣжденіяхъ, нежели въ язвахъ, ибо для любви нашей болѣе утѣшительно видѣть мечь вложенный въ ножны, нежели облитый кровью. Однакожъ неисцѣлимые члены нуждаются въ желѣзѣ, дабы отъ пораженныхъ заразою частей не зачахло все тѣло. Посему не всегда слѣдуетъ попечителямъ общественной безопасности помышлять только о милосердіи, но иногда нужно употреблять и строгость; ибо наказанія нечестивыхъ сокрушаютъ ихъ дерзость; они злочестіе пьютъ какъ воду и утѣшаются не столько добычею, сколько преступленіемъ. Въ этихъ словахъ похвала Вашему Величеству, гнѣвъ котораго и правосудіе недавно испытали жестокіе убійцы полотскаго архіепископа. Ибо Витебскъ, который далъ примѣръ столь необычайнаго преступленія, служитъ теперь доказательствомъ мщенія Божія и благочестія короля. Потому что кто только вспомнитъ о преступленіи сего города, вѣрно жаловаться не можетъ, что святотатственная же-

causam tuebitur et eorum compescet audaciam, quos Catholicae religionis miseriæ delectant. Consilium Majestatis tuae cùm gratissimum fuisse Coelo arbitremur, meritò Apostolicarum literarum voce laudatur. Nos vero orabimus Patrem misericordiarum, ne regem, juvandis subditis natum, ad acerbam hanc necessitatem adduci sinat; sed potius eam mentem det Polonis, ut regalem magis debeneficientiam, quàm indignationem promereantur. Romae, apud s. Petrum, 11 Maji 1624, pontificatus nostri anno 1-mo.

стокость свирѣпыхъ схизматиковъ осталась наказанною. Ты увидишь, что твердыня, защищающая русскихъ отъ уніи, разрушилась и дерзость тѣхъ, кои утѣшались бѣдствіемъ католической религіи, усмирится. Думаемъ, что если дѣйствіе вашего величества благопріятно небу, то справедливо если восхваляется словомъ апостольскихъ писаній. А мы будемъ молить милосерднаго Отца, дабы недопустилъ короля, рожденнаго для благоденствія подданныхъ, дойти до подобной жестокой мѣры. Да внушаетъ Онъ полякамъ желаніе, заслуживать лучше королевское благоволеніе, нежели негодованіе. Въ Римѣ у Св. Петра 11 Мая 1624, нашего папства въ первомъ году.

Доставлено въ Археографическую Коммиссію отъ Зубрицкаго. Сличи Specimen Eccl. Ruth. edit. Kulczynski, Romæ, an. 1734.

РѢЧЬ

Ивана Мѣлешка, каштеляна смоленскаго, произнесенная на варшавскомъ сеймѣ 1589 года, въ присутствіи короля Сигизмунда III.

(Заимствована изъ фамильного архива графовъ Хрептовичей, въ Щерсахъ).

Документъ этотъ сообщенъ Редакціи Вѣстника г. профессоромъ Кояловичемъ, въ точномъ спискѣ съ вѣрной копіи, найденной имъ въ архивѣ одной приходской церкви минской епархіи. Онъ достопримѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ: въ немъ выражается неудовольствіе оратора, родомъ русскаго или русина, на присоединеніе Волыни и Подоліи къ Польшѣ; далѣе эта рѣчъ представляетъ образчикъ простоты и безцеремонности рѣчей сеймовыхъ депутатовъ и верховныхъ чиновъ рѣчи посполитой; наконецъ служитъ доказательствомъ, что въ то время русскій языкъ былъ языкомъ нетолько общенароднымъ въ русско-литовскихъ областяхъ, бывшихъ подъ властію Польши, но и языкомъ магнатовъ и шляхты, языкомъ дипломатическимъ и юридическимъ. Польскій переводъ сей рѣчи, впрочемъ съ важными пропусками, прибавками и невѣрностями перевода, помѣщенъ былъ въ »Zbiorze pamiętników historycznych o dawney Polszcze», изд. Бобровича. Къ сожалѣнію и мы принуждены напечатать ее съ пропусками нѣкоторыхъ выраженій, оскорбляющихъ чувство приличія. Но въ польскомъ переводѣ, кромѣ пропусковъ подобныхъ выраженій, есть пропуски болѣе важные и сдѣланные, кажется, не безъ цѣли.

Мы укажемъ, какъ на эти пропуски, такъ и на невѣрности перевода. Наши пропуски означаются пунктирами, а русскій переводъ не русскихъ словъ текста, мы помѣстили въ самомъ текстѣ, въ скобкахъ.

Найяснѣй милостивый король и на меня ласкавыя паны братія.

Выѣхавши з дому Богумъ ся помолилъ чтобы к Вамѣ здоровъ приѣхалъ, да Вашу милость здоровыхъ огледалъ да и привиталъ (поздравилъ). Прошло мене з Вамы радыты, а я на гетакихъ зъѣздахъ няколи не бывалъ и з королемъ іего милостію николи не засѣдалъ только за покойниковъ князевъ нашихъ [1]), которые королевали, что воеводами бывали (т. е. воеводы, засѣдавшіе при князяхъ на сеймѣ) сентенціи гетакихъ небывало, [2]) по просту правымъ серцемъ говроили, политики не знали, а правдою в ротъ якъ солію въ глаза кидывали [3]). Скорожъ короліи больше нѣмцевъ какъ насъ улюбили, заразъ што нашіе старшіе собрали, то все нѣмцомъ роздали. Нашіе господари кручъ (кромѣ) Зыгмунта короля (того нечего въ люды личить *т. е. того нестоитъ въ числѣ людей считать*) бо той Подлясѣ и Волынь вынищилъ ляхомъ мянуючися [4]); але Зыгмунда первого, солодкую памѣть іего, бо той Нѣмцевъ какъ собакъ нелюбилъ. Ляховъ з ихъ хитростьми вѣлмѣ (весьма) нѣлюбилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ, и гораздо лучей за Іего мѣвалися хотя в такъ дорогихъ свитахъ (верхняя одежда) не ходывали, другіе безъ нагавицъ (подштанниковъ), какъ Бернардыны гуляли, а сорочки ажъ до костокъ а шапки ажъ до самого пояса нашивали, дай Богъ и зновь такой годыны

---

[1]) Въ польскомъ переводѣ прибавлено Wielkich... Litewskich.

[2]) Въ пол. пер. пропущено, которые королевали, что воеводами бывали.

[3]) Въ пол. пер. послѣднее выраженіе измѣнено: i w oczy złotą prawdę mówili, choć kto podrwił, to z dobrej chęci.

[4]) Въ пол. пер. пропущено: того нечего въ люды личить, а сказано: jak Zygmunt August, on sam będąc: вмѣсто мянуючися, т. е. именуясь Lachem, Lachom Podlasie i Wołyń oddał.

прыждаты и теперь [5]). Я самъ коли по домовому убѣруе (одѣнусь), то имосць пани Мстиславска малжонка (жена) натешытся и насматреть на меня нѣ можетъ. Надто (слишкомъ) уже насмотрыуся на всê гето милостывые паны братія и на тые нудные (скучные) нѣмѣцкіе штуки, што на враду (на совѣщаніяхъ), а колижъ то у нихъ бывало, въ сукняхъ (одеждахъ) перестыхъ ходятъ, то ни гиги! Да уже у насъ змѣшалися и по польску такъ умѣютъ говорыты и всê лихое королiòмъ, панòмъ и рѣчипосполитой какъ могуть было баламутятъ (врутъ) [6]), а коли самъ нѣмчына иде, или жонка iего поступае, то черезъ скурку (кожу) скрыпитъ, шелеститъ и дорогимъ пижмомъ (родъ духовъ) воняетъ. Колыжъ до тебе паничыкъ [7]) прыѣде, частуй же (подчивай) iего достаткомъ, да и жонку свою подле iего посады, а онъ сыдит какъ бѣсъ надувшыся, махаетъ шапкою или капелюшемъ и з жонкою нашептываетъ, да и въ додонь скребетъ. Да колижбы я гетого чорта кулакомъ в морду или по лицамъ, по хрыптѣ, такъ кобы король iего Милость не слыхалъ [8]), нехайбы морды такой

---

[5]) Въ польск. пер. пропущено: и зновъ такой годыны прыждаты и теперъ.

[6]) Польскій переводъ невѣренъ, переведено: a my na cóż patrzemy Miłościwi Panowie bracia moi, na sztuki Niemieckie, co oni broią, w iakich to sukniach chodzą, wiele maią groszy, grodów, i dzierżaw, zmieszali się z nami, różnemi iezykami gadaią, a wsie licho, Królowi. Panom. i Rzeczypospolitey radzą, i bałamucą.

[7]) Въ польскомъ Porucznik.

[8]) Польскій переводъ невѣренъ, переведено: Kapelusz przekrzywia, ściska, skrobie po nodze (вмѣсто ладонь), a gdyby takiego czarta, po licu palnąć, żeby i Król Jmci poznał (вмѣсто не слыхалъ), że co nam po takich poganach (вмѣсто нехайбы морды такой поганой не надымалъ).

поганой не надымалъ. Помню я короля Генрыка, которой з за морской стороны нѣмецкой былъ, да зрозумѣвъ что мы Іему нѣ много давали шыбивковаты, а Нѣмцы Іего нѣ вельми перекрывали, такъ и онъ познавши, что то нѣ шутка да и самъ никому нѣ оказавшися прочь поѣхалъ, ажь у свою сторону, ажь за море скикнулъ. Кажучы правду не такъ виноватъ король, якъ гетые радные баламуты (врали), што пры Нимъ сидятъ да крутятъ. Много тутага такихъ ѣстъ, што хоть наша костка, однакъ собачымъ мясомъ обросла и воняетъ [9]). Тые то насъ дерутъ и губятъ, а за ихъ баламутнями (вральствомъ) нашые нѣпожывятся, Рѣчупосполитую губятъ и Волынь съ Поддясемъ пропалъ. Знаю, намъ приступило, што ходимъ какъ подваренные бо ся ихъ боимо [10]), а колибъ гетакаго бѣса кулакомъ в морду, забывбы другый мутыты. И то милостывые панове немало шкода (вреда), слугы ховаемъ (держимъ) ляхи: давайже іему сукню хвалендышовую (платье изъ дорогого голандскаго, или англійскаго сукна, отъ нѣмецкаго слова *fein holändisch*), кормижъ іего тлусто (жирно), а з нихъ службы нѣ пытай (не спрашивай) и только убравшися (разодѣвшись) на высокихъ подковкахъ до девокъ дыбле и ходытъ, а з великого кубка трубитъ, ты пане за столъ, а слуга собѣ за столъ, ты борщикъ, а слуга за пукатую штуку мяса, ты за фляшку, а онъ за другую, а коли слабо держышъ, то онъ и ту з рукъ вырветъ, только пильнуетъ скоро з дому ты, то онъ моучкомъ пrыласкаѣтся до жонки, и такого чортаполоха з Нѣмцами выгнаты што до насъ влезли противъ праву наше-

---

(9) Въ польскомъ переводѣ весь этотъ періодъ: Много тутаго... пропущенъ.

(10) Въ польск. послѣ: бо ся ихъ боимо, прибавлено: **prawdy niemówiem i potakuiemy pochlebnemi ięzykami.**

му [11]). Але з зрадно поговорылисмы о разныхъ нашихъ интересахъ, и гетая немалая штука, кони дрыганты (жеребцы) на стайни ховаты, давай же имъ в лето и в зимѣ овесъ и сѣно, подстелай же што ночъ, ховай же для нихъ слугу Ляха, конюшню и маштелера, а з нихъ жадной (никакой) службы нѣ пытай, а колижъ еще ляхъ какъ жеребецъ ржетъ коло девокъ, какъ дрыгантъ коло ....., прымижь к нему двохъ Литвиновъ на стражъ, бо и самъ дѣдко (дьяволъ) нѣ упильнуѣтъ (не устережетъ) [12]). И гето (я) на свѣте дурнина,— годынникъ (часы) мнѣ притрафилося (случилось) на тандетѣ в Кіевѣ купиты, далисьмы за іего тры копы грошы, а якось-

[11]) Въ польскомъ переводѣ, послѣднія слова передѣланы по своему, вмѣсто и *такого чортополоха* (т. е. поляковъ пересѣляющихся или пришедшихъ въ русскіе края) *з нѣмцами выгнаты што до насъ влезли противъ праву нашему*, передѣлано: Jabym mówił, czas tych *polasków (??)* z Niemcami *powycinać*, (вмѣсто выгнать) od Porucznika do rady, a co do nich wlazło przeciwko prawu naszemu *odiąć od nich.* Ораторь говоритъ прямо: прогнать изъ земли русско-литовской ляховъ, поселившихся на ней вопреки русскихъ правъ, намекая на постановленіе городельскаго сейма 1386 г , которымъ запрещено было полякамъ переселяться на постоянное жительство, въ русскія и литовскія области. Переводчику поляку не по вкусу пришелся этотъ публичный намекъ Мелѣшка на городельское постановленіе, такъ и передѣлалъ по своему. Вотъ какъ можно довѣрять изданіямъ историческихъ документовъ нѣкоторыми господами.

[12]) Въ польск. перев., послѣ словъ: до насъ влезли противъ праву нашему, добавлено: Starsze pokłony smoleńskie, przedzieraycie oczy, lepiey o nich radzić iak o Inflantach, bo te misteczki, iak wlezą, to ich i żublem nie wykurzysz, iak pszczół od miodu; далѣе, невѣрно переведено слово дрыгантъ драбантомъ (drabant) дрыгантъ—значитъ жеребецъ, слово кобыдъ—переведено kobiet, а дѣдко—oyciec.

мы послали до Вильна, на направу, ажъ онъ на пятую копу крутылъ злодей заморщыкъ. Добры то нашъ годынныкъ пѣтухъ, што нехыбне (непременно) о полночи какарекуетъ. И то вѣльми страшная шкода, гологумые куры ховать (держать), ихъ достаткомъ варыты, а за моей памѣти присмаковъ (изысканныхъ кушаній) гетыхъ нѣбывало, добра было гуска съ грыбками, качка (утка) з перчыкомъ, пѣчонка (жаркое) з цыбулькою или з чосныкомъ, а коли на перепышное достатки, каша рыжовая з шафраномъ. Вина венгерского незажывали (неупотребляли), передтымъ малмазыю скромно пияли. Медокъ и горелочку дзюбали, а грошы по достаткомъ мѣвали, муры (каменныя строенія) муровали и войну славную крепко и лучей дзѣржали, какъ теперь [13]). И то нѣ до речы въ богатыхъ сукняхъ нашые панѣ ходятъ, не знали передтымъ португале или фартугале, а подолокъ рухается, а около подолка чепляется, дворанинъ въ ножку какъ соколъ загледаѣтъ штобъ где щипнуты солодкого мяса. Я тоже радилъ бы (совѣтовалъ) нехайбы бѣложонки нашые в запинаные давные убѣралися козакинки, шнурованные на задзѣ носили роспорки, а ктому штобы з нѣмѣцка зажиавли плюдрыки нѣ такбы скоро любительну скрадывали бредню; а теперь хотя з рогатыною на вартѣ (стражѣ) стой, въ жывые очи такого бѣса нѣ упилнуешь. Дабы о чомъ радыты неэнаю, то только Вашей Милости приноминаю штобы завсѣгда сколько сенаторовъ и пановъ Литовскихъ при коронѣ Іего Милосты было, былъ бы и я только кролевщизны нѣ маю,

---

[13]) Въ польскомъ перев. прибавлено послѣ словъ: три копы грошы, iakeś my Posłów wysyłali do Wilna, cóż? nie długo kręcié zaczął złodziey zamorszczyk—пропущено: *на пятую*. Послѣ словъ: *по достаткомъ варыты*, прибавлено: smażyć rożne plaszki, owe torty z rodzynkami. migdałami, cymentem, bogato cukrowane?

бо передъ другими нѣ схопылъ, а штожесмо сказали, то всіе правда и Аннулку королевну Іего Милости миленко в ручку поциловали, какъ другые млодшые сенаторщыки. Давно о томъ радилъ весь повѣтъ нѣ только въ Смоленску, але и въ Мозыру, когобъ мудрого до васъ на тотъ зъѣздъ выбраты и сентенцыи выправиты, мене вядомого до вашей Милосты, штобъ Господ Богъ умѣты передъ королемъ Іего Милостыю и Вами панове братіа одкрыты нашые врады. Сказалби кто з васъ лутше, только не баламутячы, то я на томъ перестану.

II.

—

ЛИТВА

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РОССІИ и ПОЛЬШѢ.

(Продолженіе.)

Посмотримъ теперь какимъ путемъ православіе входило въ великокняжескій литовскій домъ. Извѣстно, что христіанская вѣра у многихъ народовъ введена была посредствомъ женъ. Тоже случалось и въ Литвѣ. Князья литовскіе вступали въ брачные союзы съ княжнами русскими; узнавъ ближе вѣру своихъ женъ, часто и сами принимали ее, напр. Ольгердъ первый разъ принялъ, женившись на Маріи, княжнѣ витебской: ,,Ольгердъ же еще при житіи отца окрестился ради жены;" (71) потомъ обратился въ язычество, вѣроятно, изъ политическихъ видовъ, — чтобы пользоваться любовію народа, еще коснѣвшаго въ язычествѣ, даже нѣкоторое время преслѣдовалъ христіанъ; но послѣ покровительствовалъ имъ: подарилъ землю, гдѣ пострадали мученики Іоаннъ, Евстафій и Антоній (72), строилъ церкви, и наконецъ передъ смертью принялъ православіе и схиму, по убѣжденію супруги своей. ,,Княгиня же Іуліанія, видя мужа своего Ольгерда, по-

71) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV прим. 267; согласно сему и этими же словами говоритъ и Стрыйковскій Kr. Pol. 1845 г. ч. II, стр. 14. Въ этомъ крещеніи сомнѣваться нельзя, потому что Ольгердъ построилъ въ Витебскѣ двѣ православныя церкви — Благовѣщенія и Свято-духовскую. Chron. Steb. стр. 7. Lat. Lit. i kr. Rus. стр. 27.

72) Журн. Мин. Нар. Просв. 1843 г. № 6, въ статьѣ Н. Елагина: «Первые христіанскіе мученики въ Литвѣ».

слѣднее дышуща, и зѣло печаловашеся о его спасеніи, и созва сыны своя, и отца своего духовнаго призва Давида архимандрита печерскаго, и *увѣща своего мужа*, и Божіимъ поспѣшеніемъ *сподоби его святаго крѣщенія....* и *святою схимою того украсивше...* и по малѣхъ днехъ преставися, и положиша тѣло его въ церкви Пресвят. Богородицы въ Вильнѣ, *юже самъ созда* ([73])". О Любартѣ Гедиминовичѣ также сказано: ,,Любартъ уже давно окрестился въ русскую вѣру ради жены, княжны владимірской, за которою и волынское княжество получилъ въ удѣлъ, еще при жизни отца Гедимина." ([74]) И другіе князья, женатые на княжнахъ русскихъ, больше или меньше озарялись свѣтомъ православія, и если не всѣ принимали его, то по крайней мѣрѣ не питали къ нему такого непріязненнаго чувства, какъ къ римскому католичеству: мы знаемъ одно только гоненіе на православныхъ, когда пострадали Іоаннъ, Евстафій и Антоній; римскіе же монахи не одинъ разъ были преданы жесточайшей смерти.

Перечислимъ князей литовскихъ, которые имѣли женъ русскаго происхожденія:

1) ***Довмундъ*** старый Тимоѳей, бывшій княземъ псковскимъ, имѣлъ въ супружествѣ Марію Димитріевну, дочь Димитрія Александровича, великаго князя новгородскаго ([75]). 2) ***Гедиминъ,*** великій князь литовскій, во второмъ и третьемъ бракѣ имѣлъ россіанокъ: Ольгу (*) и Евву, но кто именно онѣ были— неизвѣст-

---

[73]) Исторія Гос. Рос. Карамз. т. V пр. 50

[74]) Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 29. Lubart już się był przed tym dawno ochrzscił u Ruską wiarę gwoli żenie xiężnie Włodzimierskiey, po ktorey i Wołynskie xięzstwo ieszcze za Oyca wziął w udział.

[75]) Ист Гос. Рос. Кар. т. IV пр. 162.

(*) Въ древней витебской Благовѣщенской церкви сохранилось рукописное Евангеліе, съ надписью древняго почерка, что оно принесено въ даръ церкви в. княгинею *Ольгою*, безъ сомнѣнія супругою Гедимина.

но (⁷⁶). 3) *Ольгердъ* Гедиминовичъ, великій князь литовскій, имѣлъ первую супругу Марію Ярославовну, княжну витебскую, а вторую— Іуліанію Александровну, княжну тверскую. Польскіе писатели первую супругу называютъ княжною тверскою, а вторую Маріею; но изъ литовскаго лѣтописца видно, что Ольгердъ первый разъ женатъ былъ на княжнѣ витебской (⁷⁷). При смерти же Ольгерда супруга его называется Іуліаніею (⁷⁸). Какъ одна изъ женъ его называется Маріею, а при смерти его (слѣд. вторая) была Іуліанія Александровна тверская, то и принято, что имя Маріи носила первая супруга — княжна витебская, по отчеству неизвѣстная. Но отъ чего историки ошиблись въ именахъ женъ великаго князя, и какъ называлась по отчеству первая супруга Ольгерда, — до 1844 г. было неизвѣстно. Теперь это объяснилось совершенно удовлетворительно: въ служебникѣ, написанномъ на бумагѣ XVI вѣка, есть выпись изъ помянника пречистенской церкви въ Вильнѣ, построенной Ольгердомъ; тамъ записаны для поминовенія дни кончины князей и княгинь литовскихъ отъ Ольгерда до Елены Іоанновны, супруги правнука его. О первой супругѣ Ольгерда написано: ,,великая княжна Марія *Ярославовна*, усопше на память преподобнаго Иларіона". О второй сказано: ,,великая княжна Іуліанна, *во святой схимѣ Марія*, усопшая на память свя-

---

⁷⁶) Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. стр. XI. Obraz Lit. Iarosz. т. II стр. 4 Нарбутъ думаетъ, что Ольга была дочь Всеволода Псковскаго. Dz. st. nar. Lit. т. V стр. 11

⁷⁷) Lat. Lit. i ukr. Russ стр. 27. Montiwida dał otec Karaczew da Słonim, Narizmentu Pinesk, Olhirdu Korolewu otcu Krew, da ktomu kniaz Witebskji synow nederżał, priniał ieho kdotce, Witebsk wziati.

⁷⁸) Ист. Гос. Рос. Кар. V пр 50. Она безспорно была княжна Тверская. Ист. Гос. Кар. IV пр. 351.

того Апостола Симеона Зилота" ([79]). Это согласно и съ Степенною Книгой, ъъ которой говорится: „Въ лѣто 6900 (1392) преставися въ Литвѣ княгиня Ольгердова Ульяна, *въ мнишескомъ чину Марина*. ([80])" Теперь понятно, что въ церковныхъ поминовеніяхъ Іуліанія называлась Маріею — именемъ, принятымъ въ иночествѣ. Польскіе писатели, зная, что въ церковныхъ поминовеніяхъ ошибки быть не можетъ, и что Ольгердъ имѣлъ двухъ женъ, стали называть Іуліанію Маріею, какъ будто она до иночества и не носила другаго имени; а какъ извѣстно, что одна изъ женъ Ольгерда называлась Іуліаніею, то имя это дали первой женѣ-Маріи Ярославовнѣ витебской; Бѣльскій же, не зная какъ выпутаться изъ именъ женъ Ольгерда, рѣшилъ, что у него была одна жена Марія ([81]). 4) ***Любартъ*** Гедиминовичъ имѣлъ въ супружествѣ дочь князя Владимірскаго на Волыни ([82]), по Стрыйковскому Агапію, а по родословнымъ Яблоновскаго — Бучу; во второмъ же бракѣ — дочь Константина Ростовскаго. ([83]) 5) ***Евнутъ*** Гедиминовичъ, по нашимъ родословнымъ, женатъ былъ на княжнѣ витебской, и тамъ же сказано, что Ольгердъ женился на княжнѣ полоцкой; но какъ о послѣднемъ изъ литовскаго лѣтописца достовѣрно извѣстно, что онъ женился на княжнѣ витебской, то, вѣроятно, имена въ нашихъ родословныхъ перемѣшаны, и Евнутъ женатъ былъ на княжнѣ полоцкой. ([84]) 6) ***Корибутъ*** Ольгердовичъ имѣлъ въ

---

[79]) Ondyna Druskienickich źródeł. 1844 г. Zesz 1 стр. 14.

[80]) Степ. Кн. 1 стр. 512.

[81]) Еще въ 1843 г. нѣкоторые вѣрили, что первая супруга Ольгерда была Іуліанія, а вторая Марія. Wizer. i roztrząs. nauk. pocz. now. 2 т. XXIII стр. 110 и 111.

[82]) De orig. Polon. Cromer. p. 204. Pistor. in Corpor. hist. Polon. III p. 166.

[83]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV пр. 267 и 351.

[84]) Тамъ же.

супружествѣ дочь князя рязанскаго Александра ([85]). 7) ***Ягайло*** Ольгердовичъ, великій князь литовскій и король польскій, въ 4-мъ супружествѣ имѣлъ Сонку (Софію) Андреевну, дочь Андрея Ивановича, князя друцкаго ([86]); по принятіи римскаго исповѣданія, она названа Софіею. 9) ***Лингвеній*** Ольгердовичъ женатъ былъ на Маріи Васильевнѣ, дочери Димитрія Іоанновича Донскаго, великаго князя московскаго ([87]). 9) ***Свидригайло*** Ольгердовичъ имѣлъ въ супружествѣ Ольгу Борисовну, дочь князя тверскаго ([88]). 10) ***Витовтъ*** Кейстутовичъ, въ первомъ бракѣ, женатъ былъ на Аннѣ Святославовнѣ, дочери князя смоленскаго ([89]), а въ третьемъ бракѣ на Маріи Андреевнѣ, дочери князя лукомльскаго и стародубовскаго ([90]). 11) ***Александръ*** Коріатовичъ имѣлъ въ супружествѣ дочь вел. князя московскаго Симеона Іоанновича Гордаго ([91]). Это число князей литовскихъ, женатыхъ на княжнахъ русскихъ, значительно увеличится, если припомнимъ, что многіе изъ нихъ, какъ напр. Нелюбъ-Александръ, Владиміръ Ольгердовичъ кіевскій, Димитрій Ольгердовичъ трубецкій и др.

---

[85]) Hist. nar. Pol. Narusz. т. 9 стр. XVI.

[86]) Hist. Pol. Dług. ст. 446, Bielski ст 321. Kron Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II стр. 160 Chronolog. Stebel. стр. 28. Родословная Сонки будетъ подробнѣе объяснена ниже.

[87]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 210 и 219.

[88]) Hist. Pol. Dług. стр. 11—83 и 610 Chron. Steb. стр. 30. Нѣкоторые называютъ ее Софіею. Акт. отн. къ ист. Зап. Рос. т. I пр. 50.

[89]) Chronol. Steb. стр. 17.

[90]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II стр, 155. Стебельскій старается доказать, что у Витовта были только двѣ жены. Chron. Steb. стр. 20.

[91]) Dz. st. nar. Lit. Narb. т. V стр. 76. Отсюда же видно, что Александръ у Карамзина неправильно названъ Димитріемъ.

въ молодыхъ лѣтахъ переходили на Русь. Если бы эти князья, переселившись на Русь, прекращали всякое сношеніе съ Литвою, то женидьба ихъ на княжнахъ русскихъ нисколько бы не способствовала развитію русскаго элемента въ Литвѣ; но извѣстно, что сношенія ихъ съ Литвою часто возобновлялись: такъ напр. потомки Владиміра Ольгердовича, извѣстные подъ именемъ Олельковичей, князей кіевскихъ, копыльскихъ и слуцкихъ, такъ были близки къ литовцамъ, что при великокняжескомъ дворѣ пользовались особыми почестями, и даже были избираемы на великокняжескій литовскій престолъ ([92]).

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что 16 браковъ князей литовскихъ съ княжнами русскими немного содѣйствовали введенію православія и русской народности въ родъ князей литовскихъ; вліяніе ихъ значительно увеличится, если подумаемъ, что отъ этихъ браковъ происходили дѣти „которыя, воспитываясь подъ надзоромъ матерей русскихъ, съ малолѣтства привыкали къ понятіямъ ихъ вѣры, и равнодушно, можетъ быть и съ презрѣніемъ, смотрѣли на обряды языческіе" ([93]). Историкъ Матвѣй Меховита, каноникъ краковскій, о сыновьяхъ Ольгерда пишетъ, что мать ихъ, будучи русскою княжною, воспитывала ихъ въ нравахъ русскихъ, внушая вѣру православную ([94]). Знаемъ также, что Ядвига не хотѣла выходить за Ягайлу, считая его язычникомъ. На это послы отвѣчали: „что касается до вѣры христіанской, то Ягайло вмѣстѣ съ прочими братьями, будучи рожденъ отъ матери христіанки, еще съ самой нѣжной юности наставленъ въ хри-

---

[92]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 ч. II, стр. 206.

[93]) Obraz. Litw. Jarosz. 1844 г. ч. II, стр. 6.

[94]) Chronol. Pol. Mechov. p. 263, ad mores formabat graecos. ritum graecum illis instillans.

стіанской вѣрѣ" (разумѣется православной, ибо мать была православная) ([95]).

Сношенія Литвы съ Русью не ограничивались тѣмъ, что литовскіе князья женились на русскихъ княжнахъ; они и своихъ дочерей выдавали за князей русскихъ. Правда, литовскія княжны, удаляясь изъ своего отечества, не развивали въ немъ постоянно русскаго элемента; но отцы, выдавъ дочерей на Русь, роднились съ нею, смотрѣли на нее, какъ на страну близкую ихъ родительскому сердцу. Все это знакомило Литву съ Русью и православіемъ, а когда княгини пріѣзжали въ Литву къ родителямъ, литовцы знакомились съ русскими, сопровождавшими своихъ княгинь, и такимъ образомъ постепенно и нечувствительно Литва входила въ родство и единство съ Русью. Хроники любятъ разсказывать о войнахъ, побѣдахъ, пораженіяхъ; но такъ мало занимаются предметами семейными, что иногда, говоря о литовскихъ княжнахъ, выданныхъ въ замужество за князей русскихъ, забываютъ даже упомянуть объ имени тѣхъ княженъ. Перечислимъ ихъ, сколько позволяютъ историческіе памятники: 1) *Дочь* князя литовско-завилѣйскаго *Утенеса* или *Дангерута* Свальгатесовича была за доблестнымъ герсикскимъ княземъ Всеволодомъ. ([96]) 2) *Дочь Эрдзивила* или *Игумиса* Рангольдовича, князя литовско-новогрудскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Даніила Галицкаго ([97]). 3) *Дочь Миндовга* Рингольдовича, короля литовскаго, неизвѣстная по имени, была за Швар-

---

95) Cromer. de orig. Polonor. p. 239 et 240, quod ad religionem christianam affinet, jagellonem cum caeteris fratribus Christiana matre natum, jam inde ab ineunte aetate christiana religione imbutum.

96) Dz. st. Lit. Narb. T. III. стр. 460.

97) Полн. собр. Рус. Лѣт., изд. Археогр. Ком. т. II, стр. 187.

номъ Даниловичемъ галицкимъ ([98]). Этотъ бракъ доказываетъ, какъ сильно родство княжескихъ домовъ связывало Литву съ Русью: сынъ Миндовга-Войшелгъ уступилъ литовскій престолъ Шварну, потому что за послѣднимъ была сестра его. 4) *Дочь Геманта* или *Яманта* Гурдовича, намѣстника смоленскаго, неизвѣстная по имени, была въ замужествѣ за Андреяномъ Титовичемъ, княземъ звенигородскимъ ([99]). 5) *Дочь Гедимина,* великаго князя литовскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Тверскаго князя Дмитрія Михайловича Грозныя Очи ([100]). 6) *Дочь Гедимина* Августа—*Анастасія* была за Симеономъ Ивановичемъ, сыномъ Ивана Даниловича Калиты ([101]). 7) *Дочь Гедимина же,* неизвѣстная по имени, была въ замужествѣ за Юріемъ Андреевичемъ, княземъ галицкимъ ([102]). 8) *Дочь Ольгерда* Гедиминовича, великаго князя литовскаго, *Агрипина* была супругою Бориса Константиновича, князя суздальскаго ([103]). 9) *Дочь Ольгерда же—Марія* была за княземъ русскимъ Давидомъ, но которымъ именно неизвѣстно ([104]). 10) *Дочь Ольгерда же—Елена* была въ замужествѣ за Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ ([105]). 11) *Дочь Ольгерда же—Ѳеодора* была за Свято-

---

98) Тамъ же стр. 341.

99) Ист. Гос. Рос. Кар. V. пр. 137. Lat. Lit i Kr. Rus. стр. 213.

100) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV. стр. 201. Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1743 г. стр. XI.

101) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV. стр. 222. Собр. древ. грам и акт. Вильно 1843 г. стр. XI.

102) Тамъ же и Dz. st. Narb. T. III. Tabl. III.

103) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 185. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. III. Tabl. III.

104) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX. пр. 411. Собр. др. грам. и акт. Вильно. 1843 г. стр. XI.

105) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 182. и 183. Ист. Гос. Рос. Кар. Т. V. стр. 24.

славомъ Титовичемъ, княземъ звенигородскимъ ([106]). 12) *Дочь Кейстута* Гедиминовича—*Марія* была за Иваномъ Михайловичемъ, сыномъ великаго князя тверскаго Михаила Александровича ([107]). 13) *Дочь Владиміра* Ольгердовича кіевскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Василія Михайловича, сына великаго князя тверскаго Михаила Александровича ([108]). 14) *Дочь Витовта* Кейстутовича, великаго князя литовскаго, *Анастасія—Софія* была за великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ ([109]). 15) *Дочь Александра* Патрикеевича стародубскаго—*Аграфена* была за Андреемъ Дмитріевичемъ, братомъ великаго князя московскаго Василія Дмитріевича ([110]).

Почти всѣ эти браки ясно показываютъ цѣль политическую: малозначительные князья литовскіе не входили въ родство съ русскими, а князья великіе роднились съ русскими, имѣя въ виду, что зятья не такъ легко поднимутъ оружіе на тестя, какъ еслибы не были связаны родствомъ ([111]). Какъ бы то ни было, но всѣ славные князья литовскіе: Утенесъ—гроза нѣмцевъ, воинственный Эрдзивилъ, Миндовгъ—первый побѣдитель татаръ и глубокій политикъ своего времени, умѣвшій получить отъ папы королевскій вѣнецъ, великій Гедиминъ, создавшій великое княжество литовское, Ольгердъ—удивленіе современниковъ,

---

106) Ист. Гос. Рос. Кар. т. V. пр. 137. Собр. др. грам. и акт. Вильно. 1843. стр. XI.

107) Lat. Litw. i kr Russ. стр. 216. Ист. Гос. Рос. Кар. т. V. пр. 137. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VI стр. 13.

108) Ист. Гос. Рос. Кар. т. V. пр. 137.

109) Lat. Lit. i kr. Russ. стр. 45. Chronolog. Steb. стр. 18. Dz. St. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 462.

110) Lat. Litw. i kr. Russ. стр. 222. пр. 290. Врем. Соф. I. стр. 426.

111) Kron. Pol. Strjk. 1845 г. ч. I. стр. 262.

Кейстутъ, прославившійся въ битвахъ, Витовтъ, князь—богатырь, гордость литовцевъ;—всѣ эти виновники славы народа литовскаго породнились съ князьями русскими. Слѣдовательно въ самое блистательное время Литвы,—она видѣла въ Руси свою сестру, которой ввѣряла счастіе своихъ княженъ.

Сводя все вышесказанное подъ одинъ взглядъ, находимъ, что 56 литовскихъ князей исповѣдывали православную вѣру, 16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за князьями литовскими, и 15 литовскихъ княженъ были выданы за князей русскихъ. Князья, происходя большею частію отъ русскихъ матерей, были преданы православной вѣрѣ и русской народности. Въ 1386 году, вмѣстѣ съ Ягайлою, *нѣкоторые* князья приняли римскую вѣру, но это сдѣлали изъ видовъ политическихъ, а въ душѣ не переставали быть тѣмъ, чѣмъ были прежде. Такъ Скиргайло перекрестился, и православное имя Іоанна перемѣнилъ на римско-католическое Казиміра; но когда сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ, то ([112]) больше былъ расположенъ къ распространенію вѣры православной, нежели римской, потому, что съ малолѣтства былъ воспитанъ между Русью. Свидригайло также крестился въ римскую вѣру, и вмѣсто прежняго имени Льва, принялъ имя Болеслава; но и объ немъ историкъ польскій, слѣдовательно готовый молвить доброе словцо въ пользу латинства, пишетъ: «былъ расположеннѣе къ русской вѣрѣ, хотя и окрещенъ въ римскую» ([113]). Нарбутъ также говоритъ объ немъ:

---

112) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II. стр. 83: więcej był przychylny do rozmnażania modł. Ruskich zakonu Greckiego, niż do szczepienia i gruntowania powszechney wiary chrześciańskiej kościoła Rzymskiego bo się między Rusią z młodu uchował.

113) Kron. Pol. Stryjk, 1845 г. ч. II стр. 177. był ruskiey religiey przychilnieyszy, acz kolwiek był Rzymską ochrzczony.

«оказывалъ болѣе ревности русскому исповѣданію, нежели римскому» ([114]).

Замѣчательный примѣръ привязанности къ православію видимъ въ лицѣ внука Гедиминова, подольскаго князя Константина Коріатовича: польскій король Казимиръ Великій, не имѣя сына, въ 1339 г. собралъ въ Краковѣ сеймъ, для назначенія преемника престола; охотниковъ на престолъ пястовъ было много, но, по свидѣтельству русскихъ и литовскихъ *лѣтописцевъ*, король и паны коронные желали и хотѣли избрать Константина Коріатовича, внука Гедиминова, племянника Ольгердова, бывшаго въ то время литовскимъ княземъ въ земляхъ подольскихъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Краковъ, король Казимиръ уговаривалъ его окреститься изъ русской вѣры въ *римскую*, если хочетъ быть преемникомъ его на польскомъ престолѣ. Князь Константинъ Коріатовичъ, не соглашаясь перемѣнить вѣру, «*презрѣлъ* (говорятъ лѣтописцы) наслѣдство на польское королевство ([115])». Такъ пишетъ не только полякъ, но и каноникъ римско-католической церкви; по этому слѣдуетъ заключить, что перомъ автора водила одна истина; безъ нея не могло бы быть согласнаго сказанія лѣтописцевъ не только многихъ, но еще и разнонародныхъ—русскихъ и литовскихъ. Если не упомянули объ этомъ лѣтописцы польскіе прежде Стрыйковскаго;—([116]) то причина,

[114]) Dz st. nar. Lit. Narb. T. VII. 179: gorliwiej sprzyjał Ruskiemu wyznaniu niżeli Rzymskiemu.

([115]) Kron. Pol. Strjk. 1845 г. Ч. II стр. 18

([116]) У людей поверхностно знакомыхъ съ литовскою исторіею, есть охота не вѣрить Стрыйковскому и даже насмѣхаться надъ нимъ; причина заключается во 1-хъ въ томъ, что одни его не читали, а другіе, читая, не повѣряли его разсказовъ съ источниками; и 2 е., что въ его хроникѣ много битвъ описано стихами. Что же за бѣда? Описавши стихами, онъ приводитъ и писателей, которыми пользовался. Вообще онъ указываетъ источни-

молчанія ихъ весьма понятна—не хотѣли писать, что право-

ки своей хроники; конечно Стрыйковскій не безъ ошибокъ, но и ни одного нѣтъ писателя безошибочнаго; вообще тонъ хроники его отличается умѣренностію и желаніемъ достигнуть истины; чѣмъ больше открывается древнихъ лѣтописцевъ, тѣмъ болѣе подтверждается, что Стрыйковскій дѣйствительно основался на нихъ, какъ утверждаетъ въ своей хроникѣ. Открытые въ Супрасльскомъ монастырѣ литовскій лѣтописецъ и хроника русская, а также *хроника Быховца* или лѣтописецъ Волынскій были ему извѣстны, ибо во многомъ согласны съ нимъ; нѣкоторыя же мѣста хроники Стрыйковского явно направлены противъ нихъ, напр. въ лѣтописцѣ литовскомъ доказывается, что Подолія Польшѣ непринадлежала; Стрыйковскій, доказывая противное, въ хроникѣ своей помѣстилъ объ этомъ особую статью, которую начинаетъ сказаніемъ лѣтописцевъ русскихъ и литовскихъ; это сказаніе слово въ слово согласно съ литовскимъ лѣтописцемъ, съ тою только разницею, что у послѣдняго написано по русски, а у Стрыйковскаго по польски. Сличи: Latopis. Lit. i kr. Russ. стр. 52 съ Kron. Pol. Strjk. 1845 г. ч. II, стр. 103. А что сказаніе Стрыйковскаго о Константинѣ Коріатовичѣ дѣйствительно основано на лѣтописцахъ, мы здѣсь же приводимъ слова лѣтописца литовскаго. Вотъ еще замѣчательное доказательство искренности разсказовъ Стрыйковскаго: онъ повторяетъ ошибки лѣтописцевъ, напр. описывая битву Ягайлы съ Эдигеемъ при Ворсклѣ, говоритъ: pobici....... Hleb Koriatowic *z bratem Siemionem* (ч. II, стр. 116.), а у Коріата не было сына Семена. Откуда же Стрыйковскій взялъ его? Онъ сдѣлалъ ошибку, но ошибку самую добросовѣстную: въ русской хроникѣ сказано: A se imena izbijenych kniazej Litowskich: kniaź Lew Koriatowiez, brat ieho kniaź *Semen* Lat. Lit. i kr. Russ. стр. 218. Здѣсь Левъ принятъ вмѣсто Глѣба (какъ видѣть можно изъ составленнаго мною родословія Князей Литовскихъ), но откуда взялся Семенъ? Вотъ откуда хроника русская въ этомъ мѣстѣ слово въ слово списана съ Временника Софійскаго; а тамъ сказано:» Левъ Коріатовичь, князь Михайло Васильевичъ, *братъ его* князь *Семенъ*. Слѣд. отъ пропуска въ

славному предлагали пястову корону, и что онъ *презрѣлъ* ее ([117]).

Теперь спрашивается: какую вѣру исповѣдывали дочери князей литовскихъ, рожденныя отъ матерей русскихъ? Польскій писатель и католикъ говоритъ: «не всѣ изъ семи сыновей Гедимина оставили вѣру своихъ предковъ, за то большое потомство Ольгерда, равно какъ и сыновья Кейстута, ревностнѣйшаго послѣдователя язычества, и не малое число племянниковъ, дѣтей другихъ братьевъ, *исповѣдывали православіе*, короче—*всѣ потомки Ольгерда и Кейстута легко переходили на лоно восточной церкви*. Что же касается до *дочерей*,—кто знаетъ, не сейчасъ ли по рожденіи онѣ *были крещены въ вѣру греческую*; по крайней мѣрѣ ихъ выдавали замужъ преимущественно за князей русскихъ, уже съ готовыми именами

русской хроникѣ Махайла Васильевича, Семенъ вышелъ братомъ Льва. У Стрыйковскаго Семенъ Коріатовичъ упоминается одинъ только разъ въ приведенномъ мѣстѣ; очевидно, что Стрыйковскій, ничего не зная объ немъ болѣе, списалъ пунктуально съ хроники русской, и лучше хотѣлъ написать то, чего не понималъ, чѣмъ не слѣдовать лѣтописцу.

[117]) Вотъ и фактъ, что Стрыйковскій сказаніе свое основалъ дѣйствительно на лѣтописцахъ. Въ литовскомъ лѣтописцѣ, изданномъ Даниловичемъ, сказано: «Polski korol Kazimir Lokotkowicz (пропущено: узналъ или услышалъ), szto ich tri braty Koriatowiczy na podolskoj zemli, liudi mużnyi. Jon prisłał k kniaziu Kostantinu khlejtownyi listy, so wielikuju twerdostiu, i prosia jeho sztoby k niemu prijechał. A umysliw toje sobie i swoimi Pany, szto wneho sina ne buło, tylko buła odna doczka, zachoteł za neho doczku dati j kniaź Kostentin na khleitowych listech k Polskomu korolu iezdił, i tam, kak sia jemu posmotrieło, ne pochoteł ktoj wiere pristupiti, i opiat na tych że listiech otjechał do Podolskoj zemli.

[118]) Lat. Lit. i kr. Russ. стр. 50 и 51.

христіанскими; а лѣтописцы не преминули бы сказать о крещеніи ихъ, еслибы это таинство было совершено предъ самымъ замужествомъ княженъ; тѣ только, которыхъ выдавали за мужъ въ Польшу и Мазовію, принимали крещеніе по обряду римскому» ([119]). И объ этомъ крещеніи всѣ лѣтописцы упоминаютъ, потому что православныхъ въ Польшѣ перекрещивали; такъ мы знаемъ, что четвертая супруга Ягайлы-Сонка или Софія, дочь Андрея Ивановича, князя друцкаго, происходившаго отъ князей кіевскихъ ([120]), была перекрещена по обряду римскому; а тѣ

[119]) Obr Litw. Jarosz. 1844 г. Ч. II. стр. 6.

[120]) Кто была Сонка—весьма многіе недоумѣваютъ. Зубрицкій, писатель трудолюбивый и добросовѣстный, въ Крит. истор. повѣсти о Галиц. Руси, на стр. 257, основываясь на словахъ Длугоша, что Сонка была filia Andreae Joannidis ducis Kijoviensis, отвергаетъ даже и то, что Гедиминъ взялъ Кіевъ и посадилъ тамъ своего намѣстника. Тутъ двѣ ошибки: 1, о Кіевѣ и 2, о Сонкѣ. Изъ сочиненія Зубрицкаго видно, что ему не былъ извѣстенъ такъ называемый у насъ лѣтописецъ Даниловича Latopisiec Litwy i kronika Ruska. Wilno 1827. Изъ этой книги видно, что авторъ лѣтописца былъ самъ кіевлянинъ и современникъ Ягайлы, при немъ въ Кіевѣ намѣстникомъ былъ Скиргайло; разсказывая, что намѣстникъ митрополита, чернецъ Ѳома, позвалъ Скиргайлу на пиръ и отравилъ, онъ пишетъ: *„az że toho ne swiem, zaňże biech tohdy mład,* necij hłaboliut iżeby tot Foma dał Kniaziu Skirbaiły zilije trawnoie piti.... i *byst podle hroba Foodosia Peczerskoho* стр. 47. И такъ по свидѣтельству кіевлянина и современника Ягайлова, намѣстники литовскіе въ Кіевѣ дѣйствительно были. Какъ же Сонка могла быть дочерью князя Кіевскаго? Вопросъ этотъ рѣшенъ еще Стрыйковскимъ. Онъ три раза принимался изслѣдовать, кто была Сонка, и наконецъ дознался, что она была дочь Андрея Ивановича, происходившаго изъ князей кіевскихъ, по занятіи Кіева Литвою, *имѣвшаго маленькій удѣлъ въ Друцкѣ.* По происхожденію, его называютъ кіевскимъ. Свадьба Сонки съ Ягайлою устроилась потому, что Сонка была

княжны литовскія, которыя выходили за русскихъ, называются именами христіанскими, и о крещеніи ихъ лѣтописцы не гововятъ. О дочери Ольгерда-Агрипинѣ, выщедшей въ 1354 г. за Бориса Константиновича суздальскаго, сказано: «ożeni sia Boris *z Olhirdownoju Ohrifinoju*» ([121]). Другая дочь Ольгерда, вышедшая въ 1372 г. за Владиміра Андреевича Храбраго, за годъ передъ бракомъ, называется Еленою: «Tohoż lieta (1371) obriuczi za kniazia Wołodimery u *Olhirda dszczer ieho Olenu*» ([122]). Очевидно—эта княжна названа тѣмъ именемъ, какое носила въ Литвѣ; ибо такъ называется по случаю обрученія, за годъ до свадьбы.

Но вотъ еще яснѣе дѣло: Кояловичь, описывая, какъ Кейстутъ завладѣлъ Вильною и взялъ Ягайлу въ плѣнъ въ 1377 г.,

---

родственница Витовту по женѣ. Kron. Pol. Stryik. 1745 г. ч. II. стр. 155. 159 и 261. Нарбутъ утверждаетъ, что Сонка была дочь Андрея Алгимундовича Ольшанскаго, и обвиняетъ Стрыйковскаго за то, что онъ, слѣдуя Меховитѣ, производитъ ее отъ князей русскихъ; но Меховита, жившій въ XVI вѣкѣ, лучше другихъ могъ знать, изъ какого роду происходила королева, жившая назадъ тому менѣе одного вѣка. Обвиненіе состоитъ въ томъ, что Стрыйковскій изъ одного рода выводитъ Сонку и князей Острожскихъ, а по Стебельскому-это особые роды. Кто повѣрялъ третью часть Стебельскаго, гдѣ изложена генеологія Острожскихъ, тотъ не усомнится, что тамъ ошибокъ и путанницы весьма довольно, да естли бы Сонка и происходила изъ одного рода съ Острожскими, то отсюда еще не слѣдуетъ, что она была изъ рода Алгимундовичей. Послѣ Нарбутъ, по Стрыйковскому, объясняетъ родство Сонки съ женою Витовта; но какъ оно не согласно съ родословіемъ Алгимундовичей, то онъ рѣшаетъ дѣло только словами *можетъ быть*. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. IV. стр. 425.

[121]) Latp. Lit. i kr. Rus. стр. 175.

[122]) Тамъ же стр. 182.

Ягайло съ матерью Іуліаніею и сестрою *Маріею* захвачены Кейстутомъ» ([123]). Эта Марія была за княземъ русскимъ Давидомъ, а послѣ за Войдилой; но въ 1347 г. о сватовствѣ еще и толку не было, слѣдовательно княжна носила имя Маріи, безъ всякаго отношенія къ супружеству.

Какія же это были имена—Агрипина, Елена, Марія — православныя или римско-католическія? Безспорно православныя; ибо, до женидьбы Ягайлы, въ 1386 г., изъ литовскихъ князей ни одинъ не былъ римско-католикомъ. Если припомнимъ, что жены Ольгерда воспитывали сыновей еще съ дѣтства въ православіи, то тѣмъ болѣе дочери были крещены въ православную вѣру. Сыновей Ольгердъ могъ еще не позволить крестить изъ угожденія жрецамъ, имѣвшимъ вліяніе на народъ; но мѣшать женамъ крестить дочерей въ свою вѣру,— не было рѣшительно никакого повода, тѣмъ болѣе, что Ольгердъ и самъ, передъ первою женидьбою, принялъ крещеніе.

Какъ отъ Ольгерда произошло много княжескихъ родовъ,— то всѣ они, наслѣдуя вѣру своихъ предковъ, были сынами церкви православной, и многія изъ княжескихъ фамилій, исповѣдывающихъ нынѣ римско-католическую вѣру, прежде были православными, именно въ началѣ XVII вѣка, по свидѣтельству самыхъ иновѣрцевъ, православіе исповѣдывали князья: Заславскіе, Вишневецкіе, Чарторыжскіе, Збаражскіе, Сангушки, Острожскіе, Друцкіе, Коширскіе, Соломерецкіе, Пронскіе, Порицкіе, Пестрецкіе, Путятскіе, Четвертинскіе, Воронецкіе, Рожинскіе, Горскіе, ([124]) Глинскіе ([125]) и многіе другіе.

(Продолженіе впредь).

---

[123]) Hist. Lithv. Kojał. P. I. стр. 354. Jagełło cum Uliana et sorore *Maria* in potestatem redigitur.

[124]) Kronika Sarmacyi Europ. Guagnin стр. 123. Chronolog. Stebel. стр. 93. Wilno Kraszew. F. III. стр. 50. Журн. Мин. Нар. Прос. 1846. № I. Отд. VI. стр. 27.

[125]) Акт. отн. къ ист. запад. Росс. т I. прим. 133.

О ПОЛЬСКОМЪ АРИСТОКРАТИЧЕСКОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ

ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

(Окончаніе.)

II.

Результатами 4-хъ вѣковаго господства Польши въ Литовской Руси были: полное обезличеніе литовской народности и почти совершенное изчезновеніе литовскаго племени; но въ Южной и Западной Руси полонизмъ проникъ только въ высшіе слои населенія и здѣсь остановился, встрѣтивши, какъ мы видѣли выше, энергическое сопротивленіе въ окрѣпшей народности. Не смотря на глубокую рознь между польскою и русскою шляхтою, обусловливавшуюся противуположностію національностей, они имѣли одинъ общій интересъ, одну общую точку соединенія,—это привилегіи шляхетства, выражавшіяся въ безграничности личной для нее свободы, соединенной съ неограниченнымъ господствомъ надъ низшимъ сельскимъ населеніемъ—хлопами, какъ надъ экономическою силою, отъ произвольнаго эксплоатированія которой зависѣло благосостояніе шляхты. Во имя этого-то интереса, южно-русское дворянство измѣнило интересамъ своей страны, отказалось отъ религіи своихъ отцевъ, отъ родного языка, отъ своей личности и, разорвавши послѣднія нравственныя и духовныя связи съ народомъ, лежавшія въ общихъ основахъ народности, перешло въ противоположный лагерь и сдѣлалось злѣйшимъ врагомъ своего народа. Явленіе это было прямымъ логическимъ послѣдствіемъ усвоенія себѣ южно-русскимъ дворянствомъ прин-

циповъ польскаго шляхетства. Когда крестьянство, въ лицѣ козаковъ, стало грозить изъ силы экономической обратиться въ общественную и гражданскую, дворянство поняло всю опасность для себя въ такомъ положеніи вещей. Оно не стало въ главѣ народа, не слило интересовъ своихъ съ его интересами, какъ бы сдѣлала это истинная аристократія, способная къ жизни и развитію, но, пораженное мертвящими принципами шляхетства, дворянство это поспѣшило принести въ жертву своихъ личныхъ выгодъ интересы народа и свою національность и, оторвавшись такимъ образомъ отъ народной почвы, явилось на ней чужеяднымъ растеніемъ.

Съ такимъ характеромъ оно проходитъ дальнѣйшую исторію Руси, принявши за свое знамя польскую національность, какъ полное выраженіе шляхетскихъ принциповъ. Послѣ присоединенія Восточ. Украины къ Россіи, а Галиціи къ Австріи, польская и ополячившаяся туземная шляхта, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ и возстановленнымъ въ этихъ провинціяхъ властью благоустроенныхъ правительствъ порядкомъ, спокойно продолжала уже, безъ особенной помѣхи со стороны народного элемента, дѣло ополяченія края, начатое такъ неудачно при Сигизмундѣ—Августѣ, и только особенныя обстоятельства,—въ Россіи возстаніе Польши въ 1830 г., а въ Австріи національное движеніе въ 1848, заставили правительства обѣихъ государствъ, конечно, по совершенно противоположнымъ побужденіямъ, измѣнить внутреннюю политику въ отношеніи Западной Украйны и Галиціи и принять мѣры къ огражденію южнорусской народности отъ дальнѣйшаго вторженія въ нее полонизма. Не смотря на крутость нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣръ въ югозападной Руси,— туземная аристократія оставалась спокойною, такъ какъ «просвѣтляющіе» шляхетскіе принципы, на которыхъ утверждалось все ея существованіе, не были затронуты, хлопство оста-

валось въ полномъ ея распоряженіи и власть надъ нимъ аристократіи поддерживалась всею силою могущественно-организованной централизаціи. Въ 1846 г. крестьянское движеніе въ Галиціи и введеніе въ 1847 г. въ западныхъ губерніяхъ инвентарныхъ правилъ, бывшихъ первою попыткою со стороны правительства къ ограниченію власти туземной аристократіи надъ хлопствомъ и поставленію ея въ извѣстныхъ законныхъ предѣлахъ, были главнымъ поводомъ къ неудовольствіямъ этой аристократіи и жалобамъ на стѣсненія будто бы ея національности, заявлявшимся въ безчисленныхъ памфлетахъ, въ которыхъ между прочимъ, съ изумительною безцеремонностью, доказывалось (да и теперь еще доказывается передъ Западною Европою), что въ этихъ провинціяхъ не только аристократія—кровная польская, но и все населеніе польское, отличающееся отъ высшаго сословія только видоизмѣненіемъ въ говорѣ, которое составляетъ не болѣе какъ поднарѣчіе польскаго языка. Послѣдняя крестьянская реформа, вызывающая къ гражданской жизни и самостоятельному развитію цѣлые милліоны хлопства, ускользающаго такимъ образомъ изъ подъ гнета и произвола шляхты,—это превращеніе хлопства государственною властью изъ экономической силы въ силу гражданскую и общественную, превращеніе, котораго хлопство 200 лѣтъ тому добивалось съ такою энергіею и настойчивостію у польской и ополячившейся шляхты,—сильно возмутило ее и было основнымъ побужденіемъ къ протестаціямъ при послѣднихъ варшавскихъ событіяхъ. Какъ 200 лѣтъ тому при возстаніи хлопства во время хмѣльниковщины, туземное дворянство приняло сторону Польши,— такъ и теперь, при освобожденіи, оно спѣшитъ примкнуть къ этой сторонѣ, въ убѣжденіи, конечно, что дѣло Польши есть дѣло шляхты. И вотъ она является въ современной жизни какою-то гнилью, какими-то безобразными лохмотьями великолѣпной когда-то мантіи, съ притязаніями и требованіями

тѣмъ болѣе надменными, чѣмъ менѣе они встрѣчаютъ сочувствія въ живой современной средѣ общества. Эта жалкая аристократія безъ корня въ народной почвѣ, эта блѣдная тѣнь давно и невозвратно погибшаго величія, эти новые израильтяне, ждущіе своего мессіи, тѣмъ безцеремоннѣе заявляютъ свои притязанія, чѣмъ меньше имѣютъ основаній для ихъ опоры.

Забывши свое происхожденіе, свою исторію, не обращая ни малѣйшаго вниманія на явленія современной жизни, на боли и муки, съ которыми она вырабатываетъ и проводитъ въ общество новые гражданскіе принципы, нисколько непохожіе на тѣ, подъ прикрытіемъ которыхъ блестѣли когда-то ихъ первообразы, не видя и не желая видѣть, что на почвѣ, упитанной кровью народа, выросли не тѣ растенія, сѣмена которыхъ они такъ щедро сѣяли, а иныя, обѣщающія дать могучій ростъ и зрѣлый плодъ,— эти аристократы съ забіячествомъ, отличавшимъ истаго шляхтича въ цвѣтущее время Польши, съ надменностію временъ покойной Рѣчи Посполитой и съ возмутительнымъ цинизмомъ,– предъявляютъ свои притязанія на господство и представительство интересовъ того самого народа, которому они 200 лѣтъ назадъ измѣнили самымъ постыднымъ образомъ, и отъ котораго отвернулись съ презрѣніемъ касты, раздраженіемъ личнаго эгоистическаго интереса и со всею ненавистью прозелитизма, народа, который носитъ на себѣ еще такіе глубокіе слѣды вѣковой кровавой борьбы съ шляхетскими принципами, что слово ляхъ доселѣ означаетъ у него ругательство.

Уроки исторіи, истины науки, голосъ жизни,—все ни-по-чемъ для этой аристократіи. Она слѣпа и глуха ко всему внѣ дорогихъ принциповъ, завѣщанныхъ ей блестящими первообразами, погубившими свое отечество, внѣ преданій обоготворявшей себя касты. Въ подогрѣтомъ польскою патріотическою пропагандою воображеніи мѣстной шляхты (krajowa szlachta) носятся смутные

идеалы невозвратно погибшаго прошлаго. Какъ бы опьяненная своими иллюзіями, она доходитъ до болѣзненныхъ галлюцинацій, достойныхъ то смѣха, то сожалѣнія. До новыхъ требованій и условій жизни ей дѣла нѣтъ; она удостоиваетъ ихъ вниманія на столько, на сколько онѣ могутъ быть приложены и подогнаны подъ формы ея идеала. Въ эпоху полнаго торжества принципа народности и всеобщаго признанія гражданскихъ и политическихъ правъ массъ, ей все мерещится широко-раскинувшаяся Рѣчь Посполитая съ своими бурными шляхетскими сеймами и конфедераціями, съ своею безурядицею и безграничною свободою личности, но только для шляхты. Въ чаду своего опьяненія, замкнутая въ очарованномъ кругу своихъ иллюзій, чуждая совершающемуся вокругъ нея глубокому движенію жизни, она, какъ избалованный ребенокъ, горячится, капризничаетъ и сумазбродничаетъ изъ за того, что блестящіе, радужные, мыльные пузырьки, которыми она такъ наивно тѣшитъ себя, лопаются одинъ за другимъ, что милыя и невинныя иллюзіи разлетаются, какъ дымъ предъ неумолимою дѣйствительностію. Ей все кажется, что край, въ которомъ она уцѣлѣла, какъ историческій муссоръ, какъ переходная оболочка, отброшенная уже органическимъ развитіемъ и гніющая на почвѣ только для ея удобренія, по экономическимъ законамъ природы,—что край этотъ все тотъ же, какимъ онъ былъ и во время Польши. Мало того, увлекаемая все болѣе и болѣе своими иллюзіями, она воображаетъ, что и тѣ мѣста, гдѣ уже нѣтъ и этой гніющей оболочки, гдѣ она если и была въ гемеопатической порціи, давно уже разложилась и химически смѣшалась съ почвою, что и эти мѣста еще принадлежатъ Польшѣ,—и слѣдовательно должны подлежать прививкѣ и насажденію принциповъ шляхетства; что теперь все обстоитъ также, какъ было 200 лѣтъ назадъ, не достаетъ только пустыхъ внѣшнихъ формъ, да простору для шляхетской удали. И вотъ

она рядится въ костюмы временъ процвѣтанія Рѣчи Посполитой, спѣшитъ, какъ во время оно, на Городловскую демонстрацію, гдѣ торжественно заявляется, что Польша не въ Польшѣ, а именно тамъ, гдѣ ея никогда не было: въ Украйнѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ и т. д., облекается въ трауръ, служитъ панихиды, распѣваетъ гимны о возстановленіи Польши въ древнихъ границахъ, дѣлаетъ изъ храмовъ своей религіи театральныя подмостки, въ которыхъ святотатственно коверкается и паясничаетъ предъ изумляющеюся толпою, принимаетъ то торжествующія позы побѣдителей, то видъ мучениковъ и сртадальцевъ за дѣло отчизны. Конечно, не многіе, только энтузіасты да черезъ чуръ уже наивные простаки, дѣлаютъ это съ забавно-серьезною миною. Большинство аффектируетъ, жеманится и кокетничаетъ съ общественнымъ мнѣніемъ.

Этотъ шумъ, это кривлянье, этотъ маскарадъ, эта кошачья музыка, подъ камертонъ польской эмиграціи,—совершаются съ единственною цѣлью—показать, что поющіе, кривляющіеся и маскирующіеся господа-кровные поляки, конечно, въ смыслѣ шляхты; что, слѣдовательно, тамъ-то, гдѣ они паясничаютъ, и есть Польша, тамъ-то и живетъ ея древній рыцарскій духъ на перекоръ исторіи и здравому смыслу. А вѣдь это паясничество аргументируется потомъ краснорѣчивыми адвокатами польской національности передъ Западною Европою, какъ доказательство существованія Польши въ древнихъ предѣлахъ Рѣчи Посполитой! И все это съ изумительнымъ нахальствомъ совершается горстью людей легкомысленныхъ, ни надъ чѣмъ не задумывающихся, дѣйствующихъ съ плеча, посреди громадной массы населенія, живо сохраняющей память о Тарасовой ночи, временахъ Хмельницкаго, Железняка и Гонты, посреди массы, относящейся къ кривляющимся господамъ враждебно, не вслѣдствіе одного только несчастнаго сословнаго раздѣленія, но и по національному ан-

тоганизму, выработанному исторіею и глубоко запавшему въ душу массы.

Однако всему этому кривляющемуся люду не достаетъ опоры ни матеріальной, ни нравственной. Онъ смутно сознаетъ, что подмостки его слишкомъ непрочны, слишкомъ шатки, чтобы на нихъ могли долго совершаться эти эволюціи, что почва подъ нимъ уходитъ и онъ готовъ остаться на воздухѣ, отрѣшенный отъ всякой живой дѣйствительности, что противъ него и исторія, и жизнь, и вѣчные законы правды. Отъ того въ немъ такъ быстры и рѣзки переходы изъ одной крайности въ другую: отъ надменности и чванства къ униженію и раболѣпству, отъ забіячества и задора къ какому-то паническому, безотчетному страху. Малѣйшій шорохъ въ жизни массы приводитъ его въ смятеніе и отчаяніе. Въ самомъ естественномъ и законномъ проявленіи народной жизни ему видятся только ковы и организованные заговоры противъ его достоянія и жизни. Каждая строчка въ невинномъ букварѣ представляется ему полною какого-то глубокаго, сокровеннаго смысла, направленнаго къ возбужденію противъ него массы. Самыя букви въ испуганныхъ глазахъ его разростаются въ какіе-то безчисленные ряды хлоповъ, готовыхъ ринутся на него съ ожесточеніемъ. Въ простомъ безъискуственномъ расказѣ народу о прошломъ ему видится воззваніе къ грубымъ инстинктамъ массъ, а сочиненія Шевченки кажутся ему чѣмъ-то въ родѣ книги Галлоа объ инквизиціи для папъ, заслуживающими торжественнаго сожженія и запрещенія читать всѣмъ, а въ особенности хлопству, подъ страхомъ анаѳемы за совершеніе такаго смертнаго грѣха. Историческое воспоминаніе, народная пѣсня, желаніе народа выучиться грамотѣ,— въ напуганномъ воображеніи этихъ господъ,—вызываютъ грозныя тѣни прошлаго, и имъ чудятся опять хмѣльновщина и гайдамачина; а все это отъ того, что они живутъ въ мірѣ своихъ иллюзій, внѣ вся-

кихъ живыхъ интересовъ дѣйствительности. Для избавленія себя отъ этого давящаго ихъ кошмара, они прибѣгаютъ къ самымъ вѣроломнымъ инсинуаціямъ, къ самому отчаянному обскурантизму. А чтобъ въ своей средѣ убить всякое свободное слово, всякую живую мысль, чтобъ отстранить трезвое обсужденіе вопроса и анализъ историческихъ фактовъ, установляется какой-то кодексъ общественнаго мнѣнія шляхты, нарушители постановленій котораго караются шляхетскою анаѳемою, признаются новыми схизматиками и окренциваются презрительнымъ именемъ *хлопомановъ*; установляется своего рода предупредительная цензура, помимо правительственной, въ силу которой редакціи польскихъ періодическихъ изданій, выходящихъ не только за границею, но и внутри края, отказываются отъ помѣщенія на своихъ страницахъ статей, неподходящихъ подъ мѣрку, указанную шляхетскимъ кодексомъ для разсмотрѣнія и объясненія соціальныхъ и политическихъ вопросовъ края. Вотъ онъ, тотъ грубый абсолютизмъ, противъ котораго либеральная шляхта прикидывается горячо ратующею! Вотъ тѣ горькіе плоды примѣненія къ современной жизни заплѣснѣвшихъ шляхетскихъ принциповъ, разрыва съ народомъ и отдѣленія отъ родной почвы!

Всѣ эти явленія, совершающіяся въ очію насъ подъ іереміады эмиграціи, подъ шумъ послѣднихъ варшавскихъ безпорядковъ, слишкомъ ясно указываютъ на то анормальное положеніе, въ которое поставлена историческими судьбами туземная аристократія въ Югозападной Россіи. Однако, не смотря на поражающую всякій здоровый глазъ очевидность такого положенія, аристократія эта усиливается поддержать его съ упрямствомъ безнадежнаго, проиграннаго дѣла, съ храбростію отчаянія, побуждающаго рубить съ плеча все, что ни попадетъ подъ руку, не разсуждая спасетъ ли это или погубитъ окончательно защищаемое дѣло.

Серьезные люди изъ этой аристократіи, конечено, не наряжаются въ шутовскіе костюмы, не коверкаются передъ толпою; но, подъ видомъ самоувѣренности въ непогрѣшимости своихъ убѣжденій и въ правотѣ своего дѣла, аффектируя пренебреженіе къ историческимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ русскихъ ученыхъ и добытымъ ими, чрезъ изученіе источниковъ, положеніямъ, относительно исторіи края, какъ происходящимъ будто бы изъ инициативы и видовъ правительственнныхъ, и презрѣніе къ публицистамъ, подвергавшимъ обсужденію въ современной журналистикѣ вопросы, касающіеся притязаній пропагандистовъ польской національности на здѣшній край, какъ возникшіе будто-бы изъ того же правительственнаго источника,—они старались скрыть раздраженіе и болѣзненное ощущеніе, которыя невольно должны были испытывать отъ слишкомъ яркаго для ихъ больныхъ глазъ блеска истинъ науки и жизни. Условія нашей печати давали имъ достаточный предлогъ къ такому поведенію, но съ измѣненіемъ этихъ условій, нельзя было болѣе молчать, необходимо было такъ или иначе высказаться. Тогда послышались желчные упреки, появились на Божій свѣтъ, въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, шляхетскія воззрѣнія и взгляды на исторію и современную жизнь вообще, и въ особенности на исторію и настоящія потребности края, на историческія и археологическія изслѣдованія русскихъ ученыхъ и доводы на законность существованія шляхты и на политическія права ея въ краѣ.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду опровергать эти воззрѣнія, такъ какъ онѣ, не смотря на свои искусные діалектическіе пріемы, едвали могутъ заслуживать серьезныхъ опроверженій; притомъ же на нихъ отвѣчали уже и вѣроятно будутъ еще отвѣчать другіе, болѣе насъ искушенные въ полемикѣ. Выясняя положеніе туземной аристократіи въ югозападномъ краѣ изъ его исторіи и современнаго состоянія, мы находимъ нужнымъ ука-

зать на упомянутыя воззрѣнія только какъ на выраженіе этою аристократіею своихъ соціальныхъ и политическихъ принциповъ, которыми она пробавляется доселѣ, и въ силу которыхъ старается оправдать принятое ею въ странѣ положеніе, и заявить здѣсь, какъ фактъ, то уродованіе исторіи и то отрицаніе всякихъ нравственныхъ основъ въ соціальной жизни, до которыхъ могутъ довести сословныя тенденціи, прикрываемыя чужею національностію и шляхетскимъ либерализмомъ.

По этимъ воззрѣніямъ, исторія, представляющая событія изъ жизни южной Руси не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ желалось бы видѣть ихъ туземной аристократіи,—памфлетъ. Археологія, вызывающая на Божій свѣтъ долго—лежавшіе подъ спудомъ и тщательно укрывавшіеся историческіе памятники и документы, дающіе исторіи края колоритъ и освѣщеніе совсѣмъ иные отъ тѣхъ, подъ какими она представлялась до той поры съ точки зрѣнія шляхты,—памфлетъ. Самая статистика, говорящая только краснорѣчивыми цифрами,—чуть не памфлетъ, но во всякомъ случаѣ въ заговорѣ съ «философіею исторіи ad hoc».— Попраніе самыхъ священныхъ правъ народа, возмутительныя насилія, безчеловѣчныя казни, вѣроломства, пренебреженіе и забвеніе основныхъ началъ нравственности, всѣ ужасы религіознаго фанатизма и шляхетской анархіи—не болѣе какъ только необходимая и спасительная реформа, неуспѣвшая, къ сожалѣнію, преодолѣть «естественнаго сопротивленія и внушеній сосѣдственной державы, которая находила прямыя свои выгоды въ томъ, чтобъ помѣшать предпріятію польскаго правительства». Борьба народа, соединившагося съ Польшею на правахъ равенства и подъ условіемъ сохраненія въ неприкосновенной цѣлости основъ своей народности, борьба во имя этой народности за религію, гражданскія, политическія и общечеловѣческія права, попранныя польскою шляхтою и р. католическимъ духовенствомъ, въ нару-

шеніе торжественныхъ договоровъ, утвержденныхъ по обоюдному согласію соединившихся государствъ и вошедшихъ въ конституцію Рѣчи Посполитой,—не болѣе какъ только возстаніе черни, мятежъ противъ всякого соціальнаго порядка, собственности, образованія, только изъ вѣжливости и уступчивости къ современнымъ понятіямъ, называемый по французски жакеріею; Хмельницкій тотъ же Емелька Пугачевъ, но имѣвшій только удачу,—и потому выдавать эту жакерію за національную войну и стараться такимъ образомъ, какъ дѣлаютъ это будто «писатели съ весьма двусмысленною цѣлью, оправдать и выставить героями виновниковъ грабежей и убійствъ, опустошавшихъ наши (т. е. польскія) провинціи»—возможно понять еще какъ потѣху мѣстнаго самообольщенія» современной Малороссіи, образовавшейся изъ взбунтовавшейся черни, однако нельзя этого серьозно утверждать, такъ-какъ это не только можетъ смущать туземную аристократію, но и во всякомъ случаѣ «несправедливо, безнравственно и неполитично,— и правительству слѣдовало бы понять опасность, ему угрожающую».—Непреоборимыя инстинктивныя тенденціи народа къ сосредоточенію и сплоченію,—этотъ величественный ростъ могучаго народнаго организма, въ которомъ лежитъ вся тайна будущности славянскаго міра,—результатъ тысячелѣтней жизни Руси—самосознаніе, къ которому оно приходитъ теперь,—не болѣе какъ «вновь изобрѣтенная система національнаго унитаризма», возникшая изъ политическихъ видовъ правительства обезнародить юго-западный край и возведенная въ достоинство системы русскими соціалистами, коммунистамы и нивеллерами, которые, защищая монархическую и самодержавную Русь, «проповѣдуютъ возстаніе одного сословія противъ другаго, и подстрекаютъ чернь къ грабежу и разбою». Во время козацкихъ войнъ «Русская нація раздѣлилась на двѣ рѣзкія партіи: чернь, которая вела безпощадную войну съ поляками, и аристократію, которая стала за

дѣло поляковъ. Первая кончила тѣмъ, что совершенно отпала отъ республики и перешла подъ владычество *иноземное* (!!), вторая слилась окончательно съ своими польскими собратіями. Разрывъ этотъ совершился быстро, подъ вліяніемъ *страха*, подѣйствовавшаго на совѣсть и умы многихъ гораздо сильнѣе всякой пропаганды». Такимъ образомъ туземная аристократія дѣйствительно отреклась отъ своего племени, религіи, языка, но совершила это во имя цивилизующихъ принциповъ шляхетства, во имя порядка и просвѣщенія; такъ-какъ защита народнаго дѣла унизила бы ее предъ просвѣтленною цивилизующими принципами шляхтою, а оставленіе этого дѣла, измѣна національному знамени,—возвышала и облагороживала не только аристократію, но и самую чернь, ибо «дворянинъ, поступая въ козаки, обращался тѣмъ самымъ въ простонародье, и, на оборотъ, всякій изъ простонародья, переходя въ лагерь поляковъ или мѣстной аристократіи,—ополячивался и легко становился дворяниномъ».—«Народонаселеніе края состоитъ преимущественно изъ ополячившихся русскихъ», хотя и «составляетъ только $^1/_{10}$ $^1/_{100}$ часть всего народонаселенія» (вѣроятно неополячившагося), заключаетъ въ себѣ «все просвѣщеніе страны», сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю поземельную собственность, и потому стоитъ во главѣ народа и имѣетъ неотъемлемыя права на политическія привилегіи. Правда, оно оторвалось отъ народной почвы, измѣнило народному дѣлу и составляетъ ничтожное меньшинство посреди народа, оставшагося вѣрнымъ своимъ преданіямъ и своему знамени,—но да что за бѣда! Вѣдь не мы первые, не мы послѣдніе. Мы, туземная аристократія, «не представляемъ единственный примѣръ высшаго сословія, которое, уступая дѣйствію особенныхъ, частныхъ вліяній, переработалось до того, что утратило всякое сходство съ массами народными. Что-то подобное совершилось и съ высшими сословіями въ Россіи, которымъ Петръ насильно

навязалъ цивилизацію; а что касается меньшинства, то есть-же «земли, гдѣ дворянство или вообще сословіе, обладающее политическими привилегіями, составляетъ только немного болѣе десятой доли всего численнаго народонаселенія». Ergo,—признаніе гражданскихъ и общечеловѣческихъ правъ массѣ народа угнетеннаго и подавленнаго шляхетскою аристократіею и признаніе за нимъ свободы развитія изъ коренныхъ народныхъ началъ,—суть только стремленія рьяныхъ унитаристовъ, радикаловъ и нивеллеровъ «къ химическому анализу народа, разложенію его на составные элементы и складыванію ихъ въ обратномъ противъ прежняго порядкѣ», къ «революціонному очищенію», «уничтоженію одного въ пользу другаго» и «проповѣдываніе доктринъ, подкапывающихся подъ весь общественный порядокъ» и имѣющихъ заднюю мысль превратить всю Европу въ демократическую и соціальную республику—мы, туземная аристократія, уже давно не русскіе, а поляки, и въ силу-то этого новаго національнаго званія, утвержденнаго за нами 200 лѣтнею давностію, имѣемъ право требовать отъ русскаго правительства «свою автономію, созданную временемъ и обстоятельствами».— Тяжелый урокъ, данный правительству польскимъ возстаніемъ въ 1830 г., раскрывшій ему глаза и заставившій его принять мѣры къ охраненію въ западномъ краѣ южно-русской народности отъ постоянныхъ захватовъ польской шляхты, пользовавшейся своимъ общественнымъ положеніемъ и установленнымъ въ краѣ, подъ владычествомъ Россіи, порядкомъ только какъ средствомъ къ подавленію этой народности и постепенному ополяченію его, въ цѣли совершеннаго отторженія этихъ провинцій отъ Россіи, далъ возможность во-время удержать дальнѣйшее распространеніе польской пропаганды и спасти такимъ образомъ страну отъ грозившихъ ей новыхъ потрясеній. Эти мѣры, вызванныя настоятельною государственною необходимостью, внушенныя чувствомъ

справедливости и уваженія къ исконнымъ правамъ населенія и доказывавшія плодотворный поворотъ во внутренней политикѣ къ народнымъ началамъ, въ глазахъ туземной аристократіи, домогающейся автономіи, суть только «попытки покойнаго Императора къ подавленію въ этихъ провинціяхъ, въ видѣ наказанія, національности», а археологическія открытія и историческія изслѣдованія, появившіяся въ то же время, когда и общество, вслѣдъ за правительствомъ, стало обращать вниманіе на этотъ забытый и почти присвоенный въ собственность польскою шляхтою край, и пролившія новый свѣтъ на исторію его, не болѣе какъ тоже попытки патріотовъ къ выполненію правительственной задачи, пораждающія революціонныя теоріи, «направленныя къ ниспроверженію всего, нарушенію правъ собственности, перерѣзанію и изгнанію людей».

Вотъ до какихъ выводовъ можетъ дойти сословная логика, происходящая отъ ложныхъ началъ! Вотъ какія мрачныя картины могутъ представлять ея больному воображенію, разстроенному борьбою сословныхъ предразсудковъ съ вѣчными законами общественной нравственности, и желаніемъ оправдать, во чтобы-то-ни стало ложное положеніе! Всѣ эти воззрѣнія и доводы читатель найдетъ въ напечатанной въ 15 и 16 №№ Дня статьѣ уважаемаго польскаго писателя Грабовскаго, принявшаго на себя трудъ систематизировать соціальныя и политическія убѣжденія и формулировать требованія туземной аристократіи.

Смущенному такою логикою и діалектикою уму читателя могутъ представиться вопросы: отъ чего же это и исторія, и археологія, и даже эта сухая наука цифръ-статистика въ заговорѣ противъ туземной аристократіи?

Неужели нечеловѣческія казни, потоки крови, опустошеніе цѣлой страны, продолжавшіеся два столѣтія,—послѣдствіе спасительной государственной реформы, имѣвшей въ виду общее на-

родное благо, но неприведенной въ исполненіе только по интригамъ сосѣдственной державы? Съ такой точки зрѣнія и всѣ ужасы инквизиціи и Варѳоломеевская ночь не должны ли быть причислены къ спасительнымъ реформамъ?

Если подымать завѣсу, наброшенную на исторію края благонамѣренностью туземной ополячившейся аристократіи, чтобы видѣть въ настоящемъ, истинномъ свѣтѣ и эту исторію и дѣйствительныя потребности и состояніе края, по понятіямъ аристократіи «несправедливо, безнравственно, неполитично и опасно»; то какіе эпитеты слѣдуетъ приложить къ открытымъ, безцеремоннымъ заявленіямъ самыхъ возмутительныхъ, лживыхъ и отсталыхъ притязаній на ничѣмъ неоправдываемое господство въ краѣ этой аристократіи?

Къ чему же система національнаго единства, вновь изобрѣтенная, когда, не заходя далеко, сама Польша еще въ XVI вѣкѣ, постановляя актъ соединенія на Люблинскомъ сеймѣ, вводя въ Литовской Руси р. католицизмъ и унію, слѣдовала не чему иному, какъ той же самой системѣ, но только употребленныя средства не отвѣчали цѣли,— и отъ того она осталась недостигнутою? Благоустроенныя правительства во всѣхъ европейскихъ государствахъ болѣе или менѣе слѣдуютъ тоже системѣ національнаго единства, неужели же они имѣютъ при этомъ въ виду возстановить одно сословіе противъ другаго и разрушить всякій соціальный порядокъ? Отъ чего же эта система увѣнчалась успѣхомъ въ Англіи, Франціи, и Россіи, и въ послѣднее время въ Италіи, зрѣетъ и готовится къ осуществленію въ Германіи, а произвела ожесточенную кровавую борьбу въ Польшѣ и привела къ опустошенію страны и разложенію Рѣчи Посполитой?

Гдѣ это, въ какой странѣ аристократія, «переработавшаяся до потери всякаго сходства съ народными массами», отказавшаяся отъ родства съ ними, измѣнившая народному знамени, остающа-

яся въ ничтожномъ меньшинствѣ посреди того же самаго народа, только какъ историческая развалина, но тѣмъ не менѣе открыто заявляющая принадлежность свою къ чуждой и всегда враждебной народу національности и упорно отстаивающая ее,— пользуется политическими правами, именно въ силу своего отступничества и какъ бы въ награду за него?

По какимъ это законамъ логики и государственной политики должна подобному сословію даваться автономія съ положительнымъ признаніемъ его чуждой нороду національности, какъ необходимаго условія этой самой автономіи? Не будетъ ли это равносильнымъ съ отреченіемъ государства отъ своихъ провинцій и отсѣченіемъ частей своего живаго организма въ пользу уродливаго нароста на какой-либо изъ этихъ частей, случайно возникшаго отъ неправильнаго кровообращенія въ организмѣ?

Въ силу какихъ это нравственныхъ законовъ отступничество и измѣна своей странѣ, да еще совершаемая не вслѣдствіе какихъ-бы-нибыло убѣжденій, а подъ вліяніемъ одного только *страха*, являются облагороживающими принципами?

Какъ же это народонаселеніе юзо-западнаго края состоитъ преимущественно изъ ополячившихся русскихъ, а составляетъ только десятую часть всего народонаселенія попризнанію самой же шляхты? Неужели же только эта десятая часть, которая едва по однимъ внѣшнимъ признакамъ можетъ быть признана принадлежащею къ польской національности, и есть «народонаселеніе», а остальные $^9/_{10}$ такъ себѣ, количество, нужное для правительственной статистики, да, пожалуй, годное современемъ удостоиться чести ополячиться?

Правда ли, что эта десятая часть, называемая народонаселеніемъ по преимуществу, хранитъ «все просвѣщеніе страны», когда изъ 5,250,000 жителей края только 485,000 всѣхъ р. католиковъ, безъ различія происхожденія, а въ этомъ числѣ есть

значительное количество, несчитающее себя поляками, только вслѣдствіе исповѣданія р. католической религіи, и неимѣющее никакихъ притязаній сосредоточивать въ себѣ «просвѣщеніе страны», и слѣдовательно на это просвѣтляющее, ополячившееся народонаселеніе придется слишкомъ скромная цифра? Въ краѣ есть многочисленное туземное православное духовенство, не говоря объ ученыхъ, чиновникахъ и даже значительныхъ землевладѣльцахъ, принадлежащихъ къ туземному, еще неополячившемуся русскому населенію,—неужели все ихъ просвѣщеніе ничто, нуль, въ сравненіи съ просвѣщеніемъ, хранителемъ котораго является ополячившаяся аристократія? Или она потому считаетъ себя обладающею всѣмъ просвѣщеніемъ страны, что хранитъ въ себѣ, для блага будущихъ поколѣній, тѣ просвѣтляющія начала, изъ уваженія къ которымъ она, 200 лѣтъ тому, въ видахъ собственнаго облагороженія, отреклась отъ своей народности?

Кромѣ массы населенія, всегда чуждавшейся полонизма и равнодушной къ національности только по воззрѣніямъ туземной аристократіи, есть же въ краѣ населеніе русскихъ пришлецовъ, положимъ такихъ, какими были въ свое время здѣсь поляки, но пустившихъ уже корни въ почвѣ, находящихся въ числѣ, не меньшемъ самой аристократіи, и далеко неравнодушныхъ къ своей національности, неужели же, для утвержденія автономіи края, въ духѣ ополячившейся аристократіи, надобно обращаться къ дѣйствительному «революціонному очищенію», или спорный вопросъ отдать на рѣшеніе слѣпаго случая, снова предоставить страну борьбѣ и терпѣливо ожидать исхода ея, чтобъ безошибочно рѣшить: на какихъ началахъ слѣдуетъ установить автономію аристократическихъ польскихъ или демократическихъ русскихъ?

Зачѣмъ эти частыя, кстати и не кстати, заявленія, напоминанія и предостереженія правительства объ опасности теорій о

національномъ единствѣ, о революціонныхъ, соціалистическихъ, коммунистическихъ стремленіяхъ русскихъ ученыхъ, публицистовъ, просто патріотовъ и даже администраторовъ?

Зачѣмъ вызываются изъ забвенія эти пугалы соціализма и коммунизма, никому уже нестрашныя, развѣ только ополячившейся аристократіи, домогающейся господства и власти надъ неополячившимся народонаселеніемъ? Серьезно ли она пугается этихъ призраковъ, созданныхъ ея разстроеннымъ воображеніемъ и страхомъ своего полнаго изолированія посреди массы населенія, неимѣющей съ нею ничего общаго, или имѣетъ цѣлію только напугать другихъ? Не вдается ли она, въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, въ инсинуацію съ цѣлію эксплоатировать въ свою пользу чужой страхъ, какъ это и удавалось ей не разъ?

На всѣ эти и другіе вопросы, которые могутъ подняться при знакомствѣ съ воззрѣніями туземной, ополячившейся аристократіи, пусть читатель поищетъ отвѣта въ своемъ здравомъ разсудкѣ, неизвращенномъ логикою просвѣтительныхъ принциповъ шляхетства, въ своей совѣсти, спокойной и невозмущенной тревожнымъ сознаніемъ защиты и неправаго и ненравственнаго дѣла, и въ исторіи, безпристрастной и чуждой духа партій. Мы увѣрены, что въ этихъ источникахъ онъ найдетъ отвѣты далеко не въ пользу дѣла, защищаемаго туземной аристократіею, «хранительницею всего просвѣщенія страны».

Съ своей стороны мы можемъ предложить читателю только такой вопросъ: возможно ли въ западномъ краѣ Руси существованіе туземной, ополячившейся аристократіи на тѣхъ отжившихъ и мертвящихъ началахъ, которыя она такъ цинически заявляетъ, и справедливо ли для поддержанія гніющаго и разлагающагося, вслѣдствіе истощенія всякихъ жизненныхъ соковъ, уродливаго нароста на живомъ организмѣ, задерживать его правильное развитіе

или снова давать послѣднему преднамѣренно неестественное направленіе, для образованія новыхъ наростовъ?

Въ отрицательномъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, по нашему убѣжденію, не можетъ быть сомнѣнія; но за ними становится на очередь вопросъ вообще о *польской шляхтѣ*, на который мы и обращаемъ вниманіе нашихъ историковъ и публицистовъ. Пора уже внимательно посмотрѣть пытливымъ взглядомъ современной науки и жизни на этотъ несвойственный славянскому духу институтъ, развившійся изъ славянской общины, подъ вліяніемъ германизма и папства, пора подвергнуть анатомическому изслѣдованію науки это оригинально-уродливое, но тѣмъ не менѣе замѣчательное явленіе въ жизни славянскихъ племенъ, разсмотрѣть, что въ немъ есть истиннаго и жизненнаго и что ложнаго и мертваго, чтобъ отдать должное жизни и смерти; пора наконецъ свести съ высокаго пьедестала, на который взобралась польская шляхта, благодаря особеннымъ историческимъ обстоятельствамъ, и съ котораго раздаются ея неумолкаемыя іеремiады передъ западною Европою, встрѣчающія такое сочувствіе въ двухъ противоположныхъ западныхъ партіяхъ—клерикаловъ и демагоговъ, и указать ей мѣсто въ исторіи, но не въ современной жизни.

2 Апрѣля 1862 г. **А. Воронинъ.**

Г. Кіевъ.

ПАДЕНІЕ
ШЛЯХЕТСКАГО ГОСПОДСТВА.

(Продолженіе).

Козацкіе подвиги на сушѣ и на морѣ сдѣлали украинскую республику извѣстною далеко за предѣлами республики шляхетской. Признавая козаковъ народомъ независимымъ, нѣмецкій императоръ Рудольфъ прислалъ имъ денегъ, булаву, хоругви, нѣсколько трубъ, серебрянныхъ литавръ и разныхъ другихъ «регалій» (*), зазывая ихъ на войну противъ турокъ. Что козаки не считали себя зависимыми отъ Рѣчи Посполитой польской, это видно изъ письма Наливайка къ Сигизмунду III, гдѣ онъ упоминаетъ о своемъ походѣ въ Германію и службѣ у императора, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ ([23]). Вообще козаки, въ первый періодъ своего существованія, относились къ королю польскому такъ же, какъ и донцы, которые получали отъ него жалованье и, на зовъ его пановъ, которымъ онъ посылалъ такъ называемые *приповѣд-*

(*) Heidensztein, *Dzieje Polski*, II, 362, 377.

[23] Zbiór Pam. do Dz. Polsk. II. 216. Наливайко писалъ такъ: W państwie Waszej Królewskiej Mości zabawy niemając, a próżnować niezwykszy, za pisaniem do nas od cesarza Jego mości chrześciańskiego, do ziemiech my cesarskiéj puścili, gdzie za żadne pieniądze, tylko z saméj chęci naszej rycerskiéj czas niemały służąc, zrozumiawszy, że Mamutelia zwojewodą siedmiogrodzkim przeciwko Waszej Królewskiej Mości praktyki czynił— ztamtychem krajów na posługę ojczyzny swej z skwapliwością wyciągną.»

ные листы, собирались, на войну и добычу, вмѣстѣ съ козаками украинскими ([24]). Но, какъ реакціонная республика украинская была status in statu, то панамъ, во что бы то ни стало, надобно было ее уничтожить; а уничтожить ее можно было только совершеннымъ подчиненіемъ козаковъ республикѣ шляхетской. Еще въ 1589 году состоялось сеймовое постановленіе, чтобы коронный гетманъ поставилъ надъ козаками отаманомъ и сотниками шляхтичей, чтобы въ мѣстечка не впускать козаковъ безъ билетовъ отъ старшаго и не продавать имъ безъ надлежащихъ свидѣтельствъ никакихъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ; чтобы никто своевольно не отлучался изъ заселенной Украины на Низъ или въ дикія поля, для охоты и рыболовства; чтобы мѣстныя власти задерживали и карали смертью каждаго, кто бы воротился изъ дикихъ полей или изъ чужой земли съ добычею, равно какъ и тѣхъ, кто такую добычу будетъ у себя передерживать. А для лучшаго выполненія этого постановленія, назначены были тутъ же на сеймѣ два чиновника, подъ названіемъ *дозорцевъ*, которые постоянно должны находиться на пограничьѣ, преслѣдовать виновныхъ козаковъ въ городахъ и мѣстечкахъ и доносить коронному гетману о движеніяхъ козаковъ низовыхъ запорожскихъ ([25]).

Противниками этихъ крутыхъ мѣръ явились: сперва шляхтичъ Косинскій, а потомъ козакъ Наливайко. Каковы бы ни были ихъ личныя побужденія къ возстанію, но предводимые ими коза-

---

[24]) Въ сеймовой конституціи 1589 года сказано: A co się dotycze woyny teraznieyszey, ma Hetman użyć ludzi tamtych Nizowych y Dońskich, ile ich iedno bydź może do potrzeby Rzpltey, iako nalepiey będzie rozumiał: ktorym żołd przez tę woynę iść ma od Prowizorów, a na potomny czas, iako z stany wszystkiemi namowiemy." (Voll. Legg. II. 311.)

[25]) Voll. Legg. II, 310.

ки сражались за свободу, которую паны присвоивали только собственному сословію. На ихъ сторонѣ было все убогое, угнетенное; противъ нихъ вооружалось все богатое и господствующее. Борьба двухъ республикъ была неравная. Магнаты взяли верхъ и превосходствомъ военнаго искусства и матеріальными средствами, которыми располагали. Косинскій проигралъ битву подъ Пяткою, недалеко отъ Тарнополя, противъ ополченія князя Константина Острожскаго, въ 1592 году. Наливайко долго противился соединеннымъ силамъ короннаго и литовскаго гетмановъ, раскинувъ партизанскую войну отъ Слуцка и Могилева до Лубенъ и Горошина. На помощь коронному и литовскому гетману поспѣшили съ своими надворными хоругвями знатные паны, которыхъ подданные смотрѣли на козаковъ, какъ на своихъ защитниковъ и помогали имъ разорять панскія имѣнія. Наконецъ Наливайко принужденъ былъ расположиться станомъ въ полумилѣ отъ Лубенъ, подъ Сулою, на урочищѣ Солоницѣ. Двѣ недѣли не переставали сражаться козаки, но голодъ и зараза отъ гніющихъ труповъ подавили ихъ мужество; они сдались на условіи выдать предводителей возстанія, возвратить добычу, отдать войсковой скарбъ и розойтись немедленно по домамъ.

Пріутихли козаки, но не надолго. Пока длились войны Польши съ Швеціею и съ Москвою, они были развлечены представлявшеюся имъ въ этихъ войнахъ добычею; но лишь только воротились въ Украину и соединились съ оставшимися дома товарищами,—опять устроили морской походъ и встревожили Турцію. Война съ Турціею не представляла панамъ счастливаго исхода. Поднялся снова вопросъ объ уничтоженіи козаковъ. Между шляхтой нашелся человѣкъ съ независимымъ мнѣніемъ и подвергъ этотъ вопросъ печатному обсужденію. То былъ извѣстный публицистъ Палчовскій. Его брошюрка: *О козакахъ—уничтожить ли ихъ, или нѣтъ?* проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на ту сторону козаче-

ства, о которой умалчиваютъ сеймовыя постановленія и дневники козацкихъ побѣдителей. Онъ доказывалъ, что уничтожать козаковъ безчестно, безполезно и невозможно. Вотъ его собственыя слова: «Уничтожать козаковъ, по требованію непріятеля (турка),—дѣло безчестное. Украинская республика (rzeczpospolita ukrainna) такъ ужъ прославилась по всему свѣту, что другіе народы почитаютъ ее за единственную твердыню и оборону нашего королевства, о чемъ я наслушался въ Германіи, при дворѣ епископа вроцлавскаго и епископа саксонскаго. — Турокъ требуетъ уничтоженія козаковъ (продолжаетъ Палчовскій); но слѣдуетъ ли, по желанію язычника, уничтожать христіянъ и не значитъ ли это терзать собственную утробу, если мы будемъ истреблять людей, которые уже около ста лѣтъ, какъ поселились на своихъ мѣстахъ?» Потомъ онъ переходитъ къ пользѣ, принесенной козаками королевству. «Развѣ это малая польза, что козаки часто отнимали у татаръ добычу и выручали множество народа у нихъ изъ неволи? Развѣ это малая польза, что они нападаютъ на самаго могущественнаго врага святого креста и поражаютъ его при всякомъ удобномъ случаѣ? Разорили ему Очаковъ, Тегиню, Бѣлградъ; захватывали въ степяхъ его стада, и сколько у нихъ есть огнестрѣльнаго оружія, то все частію забрали въ турецкихъ крѣпостяхъ, частію отняли у татаръ. Развѣ это малая польза, что прежде бывало турки и татары всюду по берегамъ Днѣпра пасли свои стада, а теперь и за Днѣпромъ, болѣе чѣмъ на десять миль, не смѣютъ пасти? Неужели для насъ невыгоднѣе, что въ сосѣдствѣ съ нами живутъ козаки, чѣмъ еслибы жили турки или татары? Прежде бывало татарамъ за обычай почти ежегодно не только около Бара или Кременца, но около Сендомира, около Опатова, около Завихоста грабить насъ; а когда, по милости Божіей, настали козаки, то ни одинъ разъ Орда не осмѣлилась вторгнуться такъ глубоко въ наши земли». Далѣе Палчовскій исчисляетъ козацкіе

подвиги въ пользу королевства и, между прочимъ, упоминаетъ о неизвѣстномъ намъ по козацкимъ хроничкамъ отаманѣ Полюсѣ, прославившемся въ 1508 году. Наконецъ заключаетъ, что если и при Стефанѣ Баторіѣ найдено крайне опаснымъ уничтожать козаковъ, то тѣмъ болѣе это опасно теперь (въ 1618 году), когда сила ихъ такъ много увеличилась.

Видно, вслѣдствіе подобнаго обсужденія, и Король Сигизмундъ III, въ пропозиціи своей на сеймъ 1618 года, говоритъ: «Уничтожать козаковъ — дѣло трудное, но усмирить ихъ и подчинить законнымъ властямъ было бы возможно, еслибы сеймъ и украинскіе паны единодушно согласились на это и бросились гасить этотъ страшный домашній огонь» ([26]). При обычномъ несогласіи между собой пановъ, смотрѣвшихъ на милую отчизну, какъ на общую свою добычу, козаки продолжали, можно сказать, независимое существованіе не только на Низу, за Порогами, но и въ Украинѣ. Напрасно сеймы ограничивали число ихъ шестью-семью тысячами; напрасно назначали многочисленныя коммиссіи изъ знатнѣйшихъ пановъ, для обсужденія способовъ удержать ихъ въ повиновеніи, «такъ какъ отъ этого зависѣла вся сила Польши» ([27]); напрасно облагали ихъ десятинною податью, наравнѣ съ простыми поселянами и распространяли на нихъ, въ пользу жидовъ арендатаровъ, запрещеніе варить въ домахъ своихъ горилку, медъ, пиво. Козаки толпами уходили на Запорожье и вознаграждали себя за всѣ стѣсненія набѣгами на турецкія побережья. Въ

[26]) См. приложеніе I.

[27]) Такая коммисія назначена была въ 1623 году; но паны не съѣхались вмѣстѣ къ назначенному времени. На другой годъ повторилась та же комедія. А между тѣмъ въ числѣ чиновъ коммиссіи мы встрѣчаемъ до тридцати такихъ именъ, какъ Замойскій, Заславскій, Корецкій, Любомирскій, Потоцкій. (См. Voll. Legg. III, 216.)

ихъ отсутствіе жиды смѣлѣе обыкновеннаго впивались въ беззащитныхъ поселянъ и высасывали изъ нихъ жизненные соки, съ обычнымъ своимъ искуствомъ. Усилившаяся въ это время въ панскомъ сословіи страсть къ забавамъ и роскоши заставляла пановъ—старостъ проводить время въ большихъ, отдаленныхъ отъ Украины, городахъ или за границею. Современныя сатирическія стихотворенія осмѣиваютъ разорительныя панскія игры на счетъ ободранныхъ подданныхъ. Дорогая посуда, выписныя вина, многосложная кухня, для которой были необходимы произведенія всѣхъ климатовъ, сдѣлались обыкновеннымъ условіемъ панскаго быта. Въ одеждахъ у нихъ было такое разнообразіе, такое подражаніе всѣмъ народамъ, такія частыя перемѣны моды,— что, перечитывая современные мемуары, невольно думаешъ, не въ это ли безпутное время украинскій народъ сложилъ саркастическую пословицу: *сидить чортъ та й плаче, що моди панамъ не достаче!*... Гоняясь за игрушками многолюдныхъ городовъ и постоянно нуждаясь въ деньгахъ, паны пріискивали для своихъ имѣній арендаторовъ, которые не уменьшали бы, а увеличивали ихъ доходы. Такими арендаторами являлись предпріимчивые и изобрѣтательные жиды. Они брали у пановъ на откупъ не только села съ церквами, на которыя смотрѣли какъ на вѣрное средство выудить грошъ изъ кармана у бѣднѣйшаго поселянина, но и укрѣпленные замки, назначенные для защиты Украины отъ непріятельскихъ вторженій. Всѣ свои права и обязанности въ Украинѣ передавалъ панъ жиду, точно независимый государь другому государю, и не было въ панской республикѣ силы, которая бы вступилась, если не за человѣческое достоинство поселянъ, то за государственную собственность и за честь правительства. Безсильны были жалобы заслуженыхъ войсковыхъ ветерановъ королю Сигизмунду III, какъ ни прямо они указывали ему, что «украинскіе замки, управляемые жидами, пали въ вѣчныя развалины,

къ неизмѣримому вреду государства»; что «старосты тамъ ни одного не видать, потому что они имѣютъ этого добра много и еще больше получаютъ отъ короля» ([28]), и что, «еслибы король ввѣрилъ замокъ убогому воину, то онъ не сдѣлалъ бы жида участникомъ кровавыхъ заслугъ своихъ» ([29]).

Собственно говоря, жидовъ здѣсь винить не за что. Они своимъ прошедшимъ и настоящимъ были поставлены въ положеніе чужеяднаго растенія. Гонимые изъ края въ край, они, по инстинкту само-сохраненія, появлялись тамъ, гдѣ пахло угнетеніемъ, подлаживались къ сильному со стороны его пороковъ и становились посредниками между притѣснителемъ и жертвою. Какъ зловѣщія птицы, налетѣли они въ Украину, почуявъ, что здѣсь долженъ погибнуть одинъ или другой народъ, а можетъ быть и оба, одинъ за другимъ,— и то запустѣніе замковъ, которое поражало сигизмундовскихъ воиновъ-ветерановъ, тѣ засоренныя, голыя развалины, лишенныя даже древесной тѣни, которыя мы встрѣчаемъ вездѣ вокругъ жидовскихъ гнѣздъ, были для нихъ какъ бы ручательствомъ прочности ихъ существованія. Переходя отъ одного пана къ другому, изъ одной слободы, разоренной ихъ безпощадною жадностію, въ другую,— они угождали, чѣмъ только могли, всякой беззаконной власти, шпіонничали между козаками и поселянами, вооружали противъ нихъ уже раздраженную многими возстаніями шляхту и, по своему вѣчному обычаю, ловили въ мутной водѣ рыбу.

Все это относится большею частію къ тѣмъ мѣстамъ днѣ-

---

[28]) Многія панскія фамиліи имѣли по десяти и по пятнадцати старостъ, въ которыхъ народъ доводимъ былъ до такого убожества, что разбѣгался въ разныя стороны, а тысячи домовъ по городамъ превращались въ сотни. (Иванишевъ, въ предисловіи къ 2 тому *Архива Юго-з. Р.* стр. 28, 29.)

[29]) *Pamiętniki o Koniec p.* 51.

-нровской и днѣстровской Украины, которыя съ давнихъ годовъ сдѣланы уже староствами и, въ видѣ крулевщизнъ, розданы панамъ въ вѣчное или пожизненное владѣніе, и въ которыхъ паны основали множество собственныхъ слободъ, переманивая поселянъ одинъ отъ другого временными льготами. Но въ царствованіе Сигизмунда III, въ государственныхъ актахъ часто упоминаются существовавшія тогда еще въ Украинѣ неизмѣримыя пустыни, которыя не приносили ни панамъ, ни государству никакой пользы. Это не значитъ, что тѣ пустыни были въ самомъ дѣлѣ необитаемы; это значитъ, что государственныя головы все то считали безполезнымъ и ничьимъ, что не было подчинено панской республикѣ, что не давалось панамъ въ руки. Пустыни эти были, мимо вѣдома сейма, населяемы народомъ, добывавшимъ себѣ свободу бѣгствомъ не только изъ ближайшихъ шляхетскихъ селъ, заарендованныхъ жидамъ, но и изъ отдаленнѣйшихъ украинскихъ, литовскихъ и польскихъ городовъ. Всѣ тогдашніе лѣтописцы и авторы разныхъ записокъ не могутъ надивиться, какъ быстро увеличивалось тогда украинское населеніе, какъ «въ дикихъ поляхъ, на самыхъ шляхахъ татарскихъ почти вся отдаленная Украина покрывалась мѣстечками и селами». Трудно однакожъ опредѣлить черту, отдѣлявшую Украину, порабощенную окончательно панами и заѣдаемую жидами, отъ Украины свободной, то есть такой, гдѣ панская юрисдикція уступала юрисдикціи козацкой, или лучше сказать простонародной, громадской, и гдѣ, какъ во всякой здоровой, самодѣятельной средѣ, не было мѣста жиду и его наслѣдственной практикѣ. Эта черта измѣнялась, смотря по времени и по тому, приливало ли къ Украинѣ, или отливало козачество, боролось ли съ нимъ лѣнивое, изнѣженное панство, или беззаботно пропивало золото, высасываемое жидами арендаторами изъ его имѣній. Но всѣ польскіе лѣтописцы (нашимъ вѣрится менѣе)

согласны въ томъ, что и во времена энергическихъ мѣръ панской республики противъ козаковъ, власть этой республики надъ ними была почти только названіемъ; что въ мирное время они большею частію жили независимо, по невозможности услѣдить за ними въ городскихъ и сельскихъ громадахъ, а въ военное—дѣйствовали только по волѣ отамана или гетмана-козака, а не то и пана, который умѣлъ внушить имъ къ себѣ довѣріе и уваженіе.

Такимъ паномъ былъ, между прочими, и знаменитый въ украинскихъ лѣтописяхъ Петръ Конашевичъ—Сагайдачный. Онъ умѣлъ привлечь къ себѣ такую сильную партію между козаками, что съ ея помощью стращалъ остальныхъ и, въ угоду королю и сенату, удерживалъ иногда отъ морскихъ походовъ ([30]). Онъ умѣлъ разлучать козаковъ съ хлѣборобами, такъ что поселяне, угнетаемые землевладѣльцами и арендаторами, не имѣли доступа въ козацкія дружины (*). Все таки и Конашевичъ не всегда

---

30) Въ Литовской Метрикѣ хранится жалованная грамота Конашевичу-Сагайдачному отъ Сигизмунда III за то, что онъ держалъ козаковъ въ повиновеніи и не давалъ имъ ходить на Черное море. Подобную услугу предлагалъ Сигизмунду III и Наливайко въ 1596 году. Онъ просилъ отдать ему пустыню между Бугомъ и Днѣстромъ, въ 20 миляхъ отъ Брацлава, гдѣ бы онъ жилъ съ своими козаками, содержа на Запорожьѣ помощника. За это онъ обѣщалъ королю сразиться съ козаками, которые не будутъ вписаны въ его реестръ и уничтожить ихъ, а бѣгущимъ въ козаки панскимъ подданнымъ обрѣзывать уши и носы и не принимать въ козацкое войско. Видно паны приняли это за подлаживаніе подъ ихъ вкусъ, —не повѣрили козаку и заблагоразсудили лучше казнить его. (Zbiór Pam. dz. P. II, 218.)

(*) Конашевичъ, говоритъ одинъ украинскій лѣтописецъ, «всегда въ миру съ панами жилъ, за то козакамъ и хорошо было, только посполыство очень потерпѣло.»

могъ совладать съ козаками, опасался участи отамановъ, заподозрѣнныхъ въ покушеніяхъ на ихъ свободу, и нѣсколько разъ удалялся отъ вмѣшательства въ ихъ дѣла, пока войны московская и турецкая не вызвали его къ новой дѣятельности. Въ обѣихъ этихъ войнахъ козаки оказали панской республикѣ услуги, которыя должны бы дать въ глазахъ пановъ значеніе выше разбойнической толпы, какъ до сихъ поръ называютъ козаковъ польскіе писатели ([31]). Они, прійдя, въ числѣ 20,000, на помощь къ королевичу Владиславу, въ 1618 году, подъ Можайскъ, спасли изнуренное и малочисленное польское войско отъ крайней опасности и дали полякамъ возможность заключить выгодный миръ съ Москвою. Они, въ 1621 году, дали взаймы панской республикѣ, разстроенной цоцорскимъ походомъ, свою артиллерію и выставили съ своей стороны подъ Хотиномъ такое же число войска, какъ и поляки, именно 30,000. Они, наконецъ, были виною побѣды Конецпольскаго надъ турками. Но все это было забыто, лишь только миновала опасность. Паны, хвастаясь своимъ могуществомъ и богатствомъ въ Европѣ, разъѣзжая по Риму на коняхъ съ золотыми подковами, прикрѣпленными къ копыту только однимъ гвоздикомъ, не смѣли или скупились воевать съ турками. Вмѣсто того, они напрягали свои умственныя и вещественныя средства, чтобы взять козаковъ въ тиски,—и этимъ обезопасить себя со стороны Турціи.

Коронный гетманъ Конецпольскій особенно былъ заинтересованъ съ этой стороны. Ему во что бы то ни стало хотѣлось положить конецъ бѣгству въ козацкіе курени поселянъ изъ многочисленныхъ городовъ и селъ. Осенью 1625 года полу-

---

[31]) Напримѣръ, Короновичъ въ своей книгѣ *Słowo Dziejów Polskich*.

чилъ онъ извѣстіе, что козаки собираются на пограничьѣ, готовясь къ походу на турокъ, а можетъ быть и на пановъ. Въ концѣ сентября онъ вступилъ въ Украину съ 30,000 кварцяного войска, и съ 3,000 наемныхъ нѣмцевъ. Въ Каневѣ и Черкасахъ онъ истреблялъ всѣхъ, называвшихся козаками, и разорялъ козацкія жилища. Выступивъ изъ Черкассъ,—Конецпольскій нашелъ козаковъ, готовыми къ битвѣ подъ Крыловымъ. Они собрались въ числѣ 20,000, подъ предводительствомъ своихъ полковниковъ: Михаила Дорошенка, Олифера и Пырскаго, который гетманство алъ на Запорожьѣ. Октября 26 произошла битва; козаки отступили и окопались надъ озеромъ Куруково. нѣсколько штурмовъ Конецпольскаго было отбито съ большимъ урономъ Но и козакамъ приходилось плохо. Въ это время прибыли въ польскій станъ королевскіе коммиссары и убѣдили козаковъ подчиниться прежнимъ сеймовымъ постановленіямъ. На урочищѣ Медвѣжьи Лозы у озера Курукова, полковникъ Дорошенко, поставленный отъ Конецпольскаго *старшимъ* надъ козаками, произнесъ написанную ему присягу въ покорности шляхетской республикѣ, которая предписала козакамъ слѣдующія условія, извѣстныя подъ именемъ *Куруковскихъ пунктовъ* ([32]).

Число реестровыхъ козаковъ будетъ 6,000. Имъ позволяется заниматься торговлею, рыбною ловлею и охотою, но безъ вреда владѣніямъ старостъ и державцевъ. Жалованья назначается имъ 60,000 злотыхъ въ годъ. Старшины будутъ получать особое жалованье. Изъ 6,000 реестровыхъ козаковъ, тысяча или болѣе должны находиться за Порогами, для наблюденія за движеніями враговъ; но козаки вообще не имѣютъ

---

[32]) Въ козацкихъ хроничкахъ вся война 1625 года называется *Круковщиною*.

права ходить въ море и начинать войну съ какимъ бы то ни было сосѣднимъ народомъ, а потому всѣ морскія лодки ихъ будутъ сожжены въ присутствіи коммиссаровъ. Козакъ не можетъ жить на землѣ прежняго пана своего, если не хочетъ ему повиноваться. Войску козацкому ни въ какія постороннія дѣла не вмѣшиваться; союзовъ съ сосѣдними государями не заключать и въ службу иностранныхъ владѣтелей не вступать.

Для наблюденія за исполненіемъ этихъ условій, Конецпольскій оставилъ на Украинѣ 15,000 войска, которое размѣстилось въ Васильковѣ, Трипольѣ, Оржицахъ, Стайкахъ, Фастовѣ и Кіевѣ. Паны торжествовали, читая отчетъ Куруковской коммиссіи. Но козаки, выписанные изъ реестра, были гораздо многочисленнѣе тѣхъ, которыхъ коммиссары оставили въ реестрѣ, какъ *людей лучшихъ*. Эти *выписчики* не могли признать себя не-козаками и, имѣя на своей сторонѣ сочувствіе всѣхъ, состоявшихъ подъ козацкою юрисдикціею,—держали отъ себя въ зависимости и реестровыхъ козаковъ, и ихъ старшаго—Дорошенка. Сколько было сожжено челновъ, въ исполненіе Куруковскихъ пунктовъ, неизвѣстно; но въ слѣдующую весну морской походъ состоялся у козаковъ, какъ-будто *Куруковщины* вовсе не было. Запорожцы провозгласили своимъ гетманомъ Олифера, соединились съ татарами и вмѣстѣ съ ними ходили въ Украину разорять панскія владѣнія. Дорошенко выступилъ противъ нихъ, но только для виду: козацкая политика была неуловима для законодательствующей шляхты. Въ Великихъ Прилукахъ Дорошенко принималъ ханскаго посла, и воротился съ походу. Въ 1627 году онъ получилъ королевское повелѣніе готовиться на весну къ походу противъ Шведовъ. Собиралась въ Каневѣ рада, и козаки на радѣ объявили, что не пойдутъ на Шведа «Король и радные паны отняли у насъ всю

нашу поживу, говорили они: не позволяють намъ ходить на море. Нечѣмъ намъ подняться противъ Шведа» (33).

Въ 1628 году козаки ходили въ Крымъ на помощь одному хану противъ другого, поддерживаемаго турками, прошли черезъ весь Крымъ до Кафы, сражаясь противъ турецкихъ силъ; отбили у нихъ одинадцать пушекъ, потерянныхъ Жолкевскимъ въ Валахіи, и шесть изъ нихъ привезли въ свои курени, а три, будучи не въ силахъ дотащить до Сѣчи, по причинѣ ихъ тяжести, затопили въ дорогѣ; но въ битвахъ подъ Бакчисараемъ Дорошенко и Олиферъ были тяжело ранены, и Дорошенко вскорѣ умеръ (34).

На мѣсто Дорошенка поставленъ былъ надъ козаками Грицько Чорный. Но этотъ не обладалъ умѣньемъ Дорошенка ладить съ панами и въ тоже время оставаться вѣрнымъ интересамъ козацкаго рыцарства. Въ 1630 году поляки заключили миръ съ Густавомъ Адольфомъ. Войска ихъ, неполучившія жалованья за прусскую войну, начали бунтоваться. Коронный гетманъ Конецпольскій, предупреждая бурю, разставилъ ихъ въ отдаленныхъ одна отъ другихъ мѣстностяхъ. Жолнеры, расположенные въ Украинѣ, по своему обычаю, вознаграждали себя за службу отечеству, грабежемъ всего, что попадало имъ подъ руку. Украинскіе мѣщане, козаки и пахари, какъ иновѣрцы, особенно терпѣли отъ ихъ насилій и грабежей. Въ народѣ пошелъ слухъ, что поляки пришли затѣмъ, чтобъ истребить козачество и всѣхъ

---

33) Подробности о Дорошенкѣ и Каневской радѣ заимствованы изъ статьи г. Соловьева *Малор. козач. до Хмельниц.*, который нашелъ ихъ въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

34) Изъ актовъ, напечатанныхъ Пршиленцкимъ, подъ заглавіемъ *Ukraine Sprawy*.

украинцевъ насильно обратить въ католичество. Кіевскіе монахи въ это время много терпѣли отъ уніатовъ, посредствомъ которыхъ паны и руководившіе ими іезуиты старались уничтожить въ Украинѣ старую вѣру. Имѣя сношенія съ козаками посредствомъ богомольцевъ, посѣщавшихъ монастыри, иночествующая братія поддерживала въ нихъ вражду противъ католиковъ, что было очень легко, такъ какъ вѣра католическая была, по ихъ понятіямъ, *вѣрою панскою*, а вѣра греческая, въ устахъ поляковъ, была *вѣрою хлопскою*. Зашумѣли казаки по всей Украинѣ; начались у выписчиковъ повсемѣстныя схватки съ жолнерами. Грицько Чорный пытался усмирять выписанныхъ изъ реестра козаковъ посредствомъ *лучшихъ людей*, оставшихся реестровыми; но сами реестровые обвинили его въ преданности ляхамъ и убили, какъ измѣнника. На мѣсто его провозгласили козаки Тараса, готоваго, какъ видно, на самыя отважныя предпріятія. Быстро собирались подъ его знамя козаки со всей Украины и Запорожья. Съ своей стороны коронный гетманъ Конецпольскій, убѣдивъ жолнеровъ обождать жалованья до усмиренія козацкаго бунта, спѣшилъ въ Украину со всѣми польскими силами. Козаки окопались подъ Переяславомъ и три недѣли сражались съ поляками почти ежедневно; Конецпольскій, по свидѣтельству польскихъ писателей, потерялъ здѣсь больше людей, чѣмъ во всю прусскую войну. Наконецъ козаки отбили у него артилерію, захватили на Днѣпрѣ перевозы, пожгли пороны и поставили его въ самое затруднительное положеніе. Но въ то время, какъ украинцы полагались только на свое мужество, Конецпольскій пользовался слабою нашею стороною. У всякаго народа, долго находившагося въ порабощеніи, образуется партія, такъ называемыхъ, благоразумныхъ людей, непринимающихъ ничего горячо къ сердцу, кромѣ своихъ ближайшихъ интересовъ. Такая партія существовала и въ нашемъ ко-

зачествѣ, и судьба Украины зависѣла отъ нея столько же, если не болѣе, какъ и отъ самоотверженія благороднѣйшей части нашего народа. На нее всегда разсчитывали враги украинской народности, ей они льстили, какъ людямъ лучшимъ, стоящимъ выше грубой черни, съ нею они дѣлились плодами своего легальнаго и нелегальнаго грабежа, ее они привлекали къ себѣ обѣщаніемъ почетныхъ и доходныхъ мѣстъ. Семь тысячъ такихъ лучшихъ людей умѣлъ перезвать на свою сторону Конецпольскій, и въ то время, когда козаки ликовали, что уже и золотая хоругвь, составлявшая цвѣтъ польскаго войска, разбита въ бору надъ Днѣпромъ,—эти семь тысячь повернули дѣломъ такъ, что побѣдители волею и неволею пошли на мировую, и подчинились поставленному надъ ними старшему—Тимошу Арандаренку, изъ Канева. Но не долго держался на своемъ мѣстѣ избранникъ Конецпольскаго: въ слѣдующемъ году козаки выбрали гетманомъ Ивана Петрижицкаго—Кулагу. Походы ихъ на Черное море не прекращались. Турція грозила Польшѣ войною; а у пановъ была еще въ свѣжей памяти цоцорская битва, на которой они потеряли всѣ свои походные возы, всю артилерію и короннаго гетмана Жолкевскаго. Султанъ опять заговорилъ съ ихъ королемъ тѣмъ языкомъ, который употреблялъ въ грамотахъ, предшествовавшихъ цоцорскому походу, и который оказался не однимъ только восточнымъ преувеличеніемъ. «Краковъ, твою столицу, писалъ онъ въ 1618 году, безъ милосердія разрушу, распятаго Бога твоего и вѣру твою на вѣки искореню, а посвященныхъ ксензовъ твоихъ велю терзать лошадьми. Пусть на меня гнѣвается, твой Богъ,—какъ ему угодно, мало мнѣ нужды», и т. п. (35) Паны съ трудомъ умиротворили раздраженнаго козаками султана и обязались передъ

35) См. приложеніе 2.

нимъ изгнать запорожцевъ съ днѣпровскихъ острововъ, а городовыхъ заставить сидѣть смирно, подъ панскою юрисдикціею. Для этого Конецпольскій, въ 1635 году, построилъ на Днѣпрѣ, ниже Самары и Князева острова, крѣпость Кодакъ и ввѣрилъ охраненіе ея нѣмцу Маріану, у котораго подъ начальствомъ находилось нѣсколько сотъ драгунъ, также нѣмцевъ. Мимо этой крѣпости не могли проходить въ море козацкіе чолны-чайки, заготовляемые и снаряжаемые выше Пороговъ по лѣсамъ, которые тогда еще почти сплоть отъ Кіева до Тясмина осѣняли «обычный козацкій шляхъ», какъ названъ Днѣпръ въ письмѣ Наливайка, (*) и изобиловали огромными липами. Но въ томъ же году козакъ Сулима, возвратясь изъ морскаго похода, взобрался ночью съ своими молодцами по лѣстницамъ на козацкіе валы, снялъ сторожевыхъ Нѣмцевъ, истребилъ гарнизонъ и самого Маріана разстрѣлялъ. Нашлись однакожъ между реестровыми козаками люди, которые отважились схватить Сулиму съ пятью главнѣйшими его сподвижниками и отвезли на сеймъ, гдѣ паны и казнили ихъ передъ глазами татарскихъ пословъ, жаловавшихся на ихъ набѣги (**). То же самое дѣлали они и съ другими предводителями морскихъ походовъ, возвращавшихся въ Украину. Польскій король и его радные паны старались ослаблять въ глазахъ турокъ виновность своего надосмотра за

(*) Такъ называетъ Днѣпръ и Конецпольскій въ письмѣ къ Кинанъ-пашѣ Силистрійскому.

(**) Въ рукописи петербургской публичной Библіотеки (отд. польскій) подъ № 94, на стр. 13 подъ рубрикою: Odprawa posłow tatarskich, читаемъ: Jako są pokarani ci, ktorzy naiezdzali Panstwa Tureckiego y Chana przypatrzeli się temu. Sulimę y trzech scięto; potym miano cwiartować iednego. Iednego zplacu zwiedziono, ktorego u Krola Jego Mci Pan Canclerz uprosil.»

козаками тѣмъ, что предводитель буджацкихъ татаръ и разнороднаго скопа турецкихъ порубежниковъ, Кантемиръ вторгался въ польскіе предѣлы, требовали его усмиренія, и иногда приписывали козацкіе набѣги донцамъ или запорожцамъ, бѣжавшимъ на Донъ; но тщательно скрывали свое безсиліе обуздать казаковъ и удержать ихъ отъ ихъ обычнаго промысла ([36]). Такъ проходили годы за годами. Больной панской республикѣ казалось иногда, что она можетъ успокоиться тѣми паліативными средствами, которыя придумывали сенатъ и сеймы. Люди умные, но безсильные помочь общему несчастію, осмѣивали въ своихъ сатирахъ и пасквиляхъ политеческихъ представителей отечества, а между тѣмъ козачество, этотъ грозный знаменатель разрушительной украинской республики, и въ моменты видимаго своего стѣсненія невидимо для поляковъ усиливалось. Новыя и новыя возстанія неизбѣжно должны были возникнуть изъ противоположности стремленій польской аристократіи, поддерживаемой образованнымъ южнорусскимъ дворянствомъ, и украинской демократіи, поддерживаемой полудикимъ козачествомъ.

До сихъ поръ мы проникали въ загадочную старину украинскую, съ помощію немногихъ современныхъ свидѣтельствъ, такъ какъ паны все еще не придавали большой важности козацкимъ «бунтамъ» и описывали ихъ въ общихъ чертахъ, а козаки почти не прибѣгали къ бумагѣ въ своей борьбѣ съ шляхетскою республикою. Множество ихъ мелкихъ походовъ и подвиговъ забыто; множество и панскихъ письменныхъ воспоминаній о, такъ называемомъ, разбойничаньѣ козацкомъ утрачено. Далѣе мы имѣемъ уже возможность ближе и точнѣе слѣдить за этою борьбою, хотя исторія жизни нашего рабочаго народа заслонена отъ насъ бурнымъ козачествомъ, а исторію самихъ

[36]) См. приложеніе 3—11.

козаковъ придется намъ выслушивать большею частію изъ устъ враговъ украинской народности. Даже козацкія жалобы, угрозы и переговоры съ панами дошли до насъ на чуждыхъ намъ языкахъ. Изрѣдка только изъ отдаленнаго прошедшаго доносятся къ намъ предковскіе голоса, въ отрывочныхъ выраженіяхъ, да немногія, незабытыя козацкими потомками, пѣсни говорятъ намъ о томъ, что такое были козаки, какъ они жили, какъ чувствовали, и чѣмъ былъ тотъ народъ. который чуть выглядываетъ для нашего воображенія изъ за ихъ воинственныхъ громадъ.

Въ заключеніе первой главы нашей повѣсти, бросимъ общій взглядъ на все пространство, которое впослѣдствіи было охвачено разливомъ козачества. Козаки не вторгались во владѣнія панской республики, не завоевывали мечемъ и огнемъ владѣній польско-русской аристократіи: они вступали съ распущенными знаменами въ землю, обрабатываемую руками ихъ соплеменниковъ, единовѣрцевъ собратій, и однимъ появленіемъ своимъ поднимали къ возстанію все опутанное шляхетскими законами, все угнетенное панами и жидами, все доведенное до отчаянія безурядицею магнатской администрицін. Не только на берегахъ Днѣпра, Буга, Днѣстра, да и на берегахъ Вислы панская республика могла бы превратиться, съ ихъ помощію, въ простонародную. Но вѣка панскаго господства въ Мазовіи и другихъ внутреннихъ польскихъ провинціяхъ убили въ рабочемъ народѣ способность общественнаго самосознанія. Изчезло тамъ уже и преданіе объ иномъ, менѣе беззаконномъ порядкѣ вещей, объ иномъ распредѣленіи личныхъ и поземельныхъ правъ. Съ другой стороны паны обезпечили тамъ свою будущность глубокимъ укорененіемъ католичества, убивающаго свободный духъ въ народѣ. Къ томужъ они, еще при Сигизмундѣ Августѣ, признали шляхтичами всѣхъ свободныхъ землепашцевъ отъ Люблина до Овруча, и такимъ образомъ увеличили число защитниковъ

своей прерогативы на счетъ массы, обложенной податями и повинностями. Вотъ почему козачество въ эпоху Хмѣльницкаго не утвердилось дальше черты, которою была ограничена нобилитація такъ называемыхъ застѣнковъ на Волыни. Отъ этой черты, собственно говоря, начинается Украина,—страна, въ которой мелкая шляхта была пришлая, въ которой властвовали, на подобіе удѣльныхъ князей, старые русскіе роды, умѣвшіе удержаться въ своихъ городахъ и замкахъ, посредствомъ угожденія сильному, кто бы онъ ни былъ—татаринъ, литвинъ, или ляхъ, а потомъ и польскіе магнаты, еще со временъ Ягайла, имѣвшіе въ виду увеличить свои владѣнія дѣлежомъ того, что они оффиціально называли пустынями (37). Проѣзжая по этому обширному пространству въ началѣ XVII столѣтія, мы видѣли бы въ Украинѣ то чрезвычайное богатство, то крайнее убожество, то строгое насильственное право, то совершенную безурядицу, то полную свободу, то неслыханное порабощеніе, то одну, то другую торжествующую религію, то одну, то другую господствующую народность. Видя все это въ странномъ, загадочномъ смѣшеніи, трудно было рѣшить: Европа это, или Азія, Польша это, или Русь, панская это республика, или козацкая. Элементы жизни находились въ повсемѣстной борьбѣ между собою, и не легко было бы предсказать, который возметъ перевѣсъ.

Сильнѣе всего поражали тогда сторонняго наблюдателя замки магнатовъ въ Украинѣ, или лучше сказать—обширные магнатскіе дворы, вмѣщавшіе въ себѣ сотни и тысячи слугъ—шляхтичей. Богатые паны того времени жили какъ независимые государи и, кромѣ собственнаго войска, содержали на своемъ иждивеніи множество такъ называемыхъ *дворскихъ* или

(37) Szajnocha, *Jadwiga i Jagiełło*, II, 2.

дворянъ, которые служили имъ въ войнѣ, на охотѣ и дома, за лакомый кусокъ хлѣба, за возможность участвовать въ панскихъ забавахъ и за покровительство въ военной и гражданской службѣ. Это были школы общежитія, рыцарства и вмѣстѣ съ тѣмъ—праздной роскоши. Здѣсь получала шляхта полировку, которая дѣлала ее обществомъ, по наружности европейскимъ; здѣсь она усвоивала себѣ условныя понятія о чести и славѣ, которыми руководилась во всѣхъ своихъ поступкахъ, и здѣсь же пріучалась къ беззаботной расточительности, которая такъ часто заставляла ее лукавить въ дѣлахъ чести и славы.

Въ панскіе дворы стекалось золото изъ арендъ, содержимыхъ обыкновенно жидами, которые находились въ странномъ положеніи между паномъ и его поддаными. Панъ могъ убить жида безъ суда и отвѣтственности; но тотъ же панъ передавалъ жиду полную свою юрисдикцію не только въ своихъ собственныхъ городахъ и селахъ, но даже и въ замкахъ, составлявшихъ опору староства, которымъ онъ владѣлъ, какъ королевскій намѣстникъ. Такимъ образомъ, путешественникъ XVII вѣка, пріѣхавъ въ какой нибудь замокъ, окруженный валомъ и дубовымъ частоколомъ, видѣлъ передъ собой коменданта въ средневѣковой одеждѣ, которую жиды сохранили до нашего времени,—въ этой собольей шапкѣ съ бархатнымъ верхомъ, въ этомъ узкомъ и длинномъ балахонѣ, въ ярмолкѣ, выглядывающей на затылкѣ изъ подъ шапки, и въ пейсахъ, украшающихъ крючконосую физіономію. Какъ всякій жидъ въ Польшѣ, онъ имѣлъ право носить—и носилъ—саблю, въ знакъ своего преимущества передъ народомъ безоружнымъ. Одна религія становила его ниже шляхтича. Ему стоило только принять христіанство— и онъ дѣлался шляхтичемъ. Но для него было выгоднѣе принадлежать къ своей чужеядной кастѣ, чѣмъ даже къ полноправному шляхетскому сословію.

Въ старостинскихъ замкахъ, управляемыхъ жидами, путешественникъ бывалъ свидѣтелемъ странныхъ сценъ. Изъ селъ, принадлежавшихъ къ староству, приходили къ жиду поселяне за квитками, которыми онъ дозволялъ крестить новорожденнаго или вѣнчать молодую чету. Безъ квитка ни одинъ попъ не смѣлъ крестить и вѣнчать, подъ опасеніемъ лишиться своего прихода. За квитокъ, по установленному арендаторами обычаю, слѣдовало заплатить *дудекъ*, какъ прозвали жиды монету въ три гроша, соотвѣтствовавшую нынѣшнему двугривенному (*); но жидъ, по выраженію Грондскаго, своими *тергиверсаціями*, своими наслѣдственно усвоенными уловками, умѣлъ увеличивать эту плату (38). Другіе поселяне смиренно приносили и привозили ему деньгами и натурою разныя изобрѣтенныя жидами подати: роговое, очковое, осыпъ, сухомельщину и проч Тутъ же намѣстникъ старосты, арендаторъ, чинилъ судъ и расправу надъ поселянами, и нерѣдко у дверей его жилища можно было видѣть повѣшенныхъ людей. Онъ могъ повѣсить мужика за что ему угодно, такъ точно, какъ и самъ панъ староста; за грубое слово, за подозрительный видъ или за кусокъ сафьяну, за шкурку дикаго звѣря или желѣзную вещицу, такъ какъ подобные предметы добывались отъ козаковъ, ходившихъ въ дикія поля на охоту или въ чужія земли на войну, а за передерживанье козацкой добычи еще въ 1589 году законъ опредѣлилъ

(*) Въ три гроша дудекъ опредѣленъ у Линде. Грондскій опредѣляетъ дудекъ такъ »constans 6 Nummis Hung.“ Въ Виленской и Ковенской губерніяхъ мнѣ случалось на базарахъ слышать счетъ на *дудки*. У тамошнихъ жидовъ и простолюдиновъ *дудка* значитъ 6 грошей.

38) *Historia Belli Kosacco-Polonici*, 30: »... de instituta tergiversatione, necessitatem imponebat plus sibi solvendi.

смертную казнь. Чѣмъ глубже въ Украину, тѣмъ рѣже можно было встрѣтить самихъ пановъ и державцевъ въ ихъ владѣніяхъ. Все это отдавалось въ добычу жидамъ, неистощимымъ въ изобрѣтеніи средствъ къ высасыванію доходовъ изъ аренды.

Рядомъ съ господствомъ иновѣрцевъ, отвергавшихъ ученіе Христа, путешественникъ XVII вѣка встрѣчалъ сцены насилій христіанъ надъ христіанами. Въ царствованіе Сигизмунда III, воспитанника іезуитовъ, поляки ревностнѣе нежели когда-либо принялись за объединеніе Украины съ католическими провинціями. Вѣра, заимствованная Русью отъ грековъ, считалась у нихъ вѣрою мужицкою, хлопскою. Отъ нея отступились мало-по-малу потомки богатыхъ русскихъ родовъ; оставались при ней только люди убогіе, да тѣ изъ вельможъ, которые не хотѣли съ перемѣною вѣры утратить возможность сажать на епископіи и архимандріи своихъ родственниковъ. Прозелиты католики, съ помощью своихъ дворянъ, не рѣдко разгоняли такъ называемыхъ *благочестивыхъ* изъ церкви и расхищали церковное имущество. Изувѣрство доходило иногда до того, что и тѣла погребенныхъ въ церкви создателей и благодѣтелей храма выбрасывались изъ гробовъ, какъ нечистота, оскверняющая святыню ([39]). Иногда между самими прихожанами, состоявшими изъ благочестивыхъ и уніятовъ, завязывалась драка у дверей церкви, и католики

---

[39]) Поляки съ ужасомъ разказываютъ о подобныхъ поступкахъ со стороны козаковъ во времена Хмельницкаго, забывая, что козаки только повторяли ихъ фанатическіе подвиги. Вотъ слова Грондскаго :"... templa illis vi adimebantur, et ad usus Romanae Ecclesiae convertebantur. Ex quibusdam locis corpora Antecessorum suorum, jam pridem in pulverem redacta, urnis tamen stanneis contenta, ex sepulcris educebantur, et aliorsum deferebantur," *Hist. Belli Kos. Pol.* 33.

спѣшили на помощь уніятамъ. Иногда вооруженная шляхта вводила, подъ своимъ прикрытіемъ, попа-уніата въ церковь и заставляла народъ слушать проповѣдь въ пользу непогрѣшающаго папы. Путешественникъ нерѣдко бывалъ свидѣтелемъ публичнаго сожженія брошюръ, напечатанныхъ въ защиту «благочестивой вѣры», а въ иномъ мѣстѣ—и на оборотъ. При въѣздѣ въ село или въ городъ, или у церковныхъ дверей, онъ читалъ воззванія «благочестивыхъ» противъ терпимыхъ ими насилій и приглашенія къ съѣзду на такой-то соборъ. У другихъ воротъ и у другой церкви онъ читалъ противное: тамъ грозили оружіемъ тому, кто осмѣлится сдѣлать то-то и то-то. Странствующіе типографщики предлагали свои услуги той и другой сторонѣ попеременно. Возбужденныя страсти сдѣлали изъ религіи предметъ крупной печатной перебранки и рукопашныхъ диспутовъ ([40]). Возмущалось сердце набожнаго католика при видѣ набѣговъ на католическія и уніятскія святыни, совершаемыхъ бурсаками—монастырскими служками, подъ предводительствомъ монаховъ; но еще тяжелѣе было страннику «благочестивому» видѣть, какъ въ епископскомъ городѣ староста-католикъ, по дикому олигархическому произволу, овладѣвалъ особою епископа, не позволялъ въ первый день пасхи совершать литургію, а вмѣсто того располагался въ церкви съ своими музыкантами и приказывалъ своимъ гайдукамъ, для потѣхи, стрѣлять въ церковный куполъ ([41]). Вообще много было въ тотъ вѣкъ подготовлено горючихъ матеріаловъ для великаго пожара, обнявшаго всю Украину при Богданѣ Хмѣльницкомъ.

Однимъ изъ величайшихъ бѣдствій, постоянно терзавшихъ сигизмундовскую Польшу, было своевольство кварцяного войска,

---

[40]) **Кояловичъ, *Лит. Церк. Унія*, II, 24.**

[41]) **Архивъ Югоз. Росс. I, 299.**

которому жалованье выдавалось по четвертямъ года (квартамъ). Какъ ни велики были доходы частныхъ лицъ въ государствѣ, но королевская казна постоянно терпѣла недостатокъ въ деньгахъ. Паны систематически не давали королю распоряжаться большими сумами, чтобъ онъ не подавилъ ихъ свободы, а шляхетская честь, о которой они безпрестанно твердили, не мѣшала имъ расхищать деньги, собираемыя для жалованья войску. Отъ этого жалованье почти никогда не доходило во время, а часто и вовсе не доходило къ жолнерамъ, и жолнеры, составивъ между собою союзъ (związek), нападали на имѣнія шляхты и духовенства и вознаграждали себя безпощаднымъ грабежемъ. Такое положеніе дѣлъ до того деморализовало военное сословіе, что оно въ собственномъ отечествѣ играло роль татарской орды. Альбертъ Станиславъ Радзивиллъ такъ описываетъ возвращеніе польскаго войска изъ московскаго похода, въ 1634 году:

«Весело возвращалось наше войско въ отечество, но отечество не весело его принимало, ибо жолнеры хуже непріятеля. На походѣ они опустошали шляхетскія, духовныя и королевскія имѣнія, вынуждали силою деньги, требовали непомѣрнаго провіанта, нагружали свои возы и дошли до такой жестокости, что за недостаткомъ лошадей, запрягали въ возы бѣдныхъ мужиковъ и погоняли кіями и арапниками. Можно было подумать, что идетъ татарская орда, а не христіанское войско; да и дикіе татары милосерднѣе къ ближнему, нежели подъ-часъ наши. Особенно дались поляки въ знаки Литвѣ» ([42]). Самъ Конецпольскій, обвиняемый современниками въ *дикомъ* обхожденіи съ козаками и украинскимъ народомъ ([43]), говоритъ, что жолнеры едва не самую кровь точатъ изъ убогаго народа въ Укра-

---

[42]) Moraczewski, *Dzieje Rzeczypos. Polsk.* VII, 310.

[43]) См. Siarczynskiego *Obr. Wieku Pan. Zygm.* III.

инѣ ([44]). Но, тѣсня украинскую республику систематически, паны пользовались всякимъ случаемъ разставить кварцяное войско въ бывшихъ козацкихъ селахъ, потерявшихъ свои права послѣ неудачныхъ козацкихъ возстаній. Можно судить, что позволяли себѣ дѣлать въ этихъ селахъ растравленные грабежомъ жолнеры и какъ чувствовали ихъ своевольство козацкіе семьи, какъ глубоко затаивали въ сердцѣ вражду противъ короннаго войска ([45]). »Прежде бывало, пишетъ Конецпольскій къ вилницкому старостѣ, хоругвь въ полтораста лошадей довольствовалась на своей стоянкѣ умѣреннымъ провіянтомъ, а теперь хоругвь въ полсотни лошадей ропщетъ на опредѣленное ей начальствомъ содержаніе, и убогіе люди, не будучи въ состояніи удовлетворить жадности постояльцевъ, изумляются, что жолнерскіе желудки поражены какой-то волчьею болѣзнью. Но нечему дивиться: теперъ жолнеры требуютъ *стацій*, соображаясь не съ необходимосію, но съ роскошью, чтобы не только жить великолѣпно, да еще и возъ нагрузить, спину себѣ покрыть рысьимъ воротникомъ, одѣваться въ богатыя матеріи и драгоцѣнные шелки. Вотъ почему, безъ всякаго стыда и совѣсти, идучи въ лагеръ и изъ лагеря, разсылаютъ они по сторонамъ товарищей для вынужденія провіянту и денежныхъ платъ, отсюда-то появились при хоругвяхъ новые отряды, которые гонятъ съ собой воловъ, коровъ, барановъ, не какъ жолнеры, а какъ купцы на ярмарку» ([46]).

При всемъ этомъ однакожъ гнетъ панскаго владычества не былъ въ Украинѣ ни постояннымъ, ни всюду равномѣрнымъ. Вспоминая о томъ самомъ времени, къ которому относятся при-

---

[44]) *Pam. o Koniecp*. 283.

[45]) Это пугало и самихъ магнатовъ, которые знали, то жолнеры w sercach y oczach luzkich *obonabile et exorsum* czynią *nomen militare*. Jd.

[46]) Jd.

веденныя выше слова Конецпольскаго, намъ самовидецъ говоритъ, что посполитые люди жили во всемъ изобильно: въ хлѣбѣ, скотѣ и пасикахъ, только не могли стерпѣть великихъ вымысловъ отъ старостовъ, отъ ихъ намѣстниковъ и жидовъ ([47]). Близость вольныхъ козацкихъ степей не давала народу дойти до животной покорности волѣ сильнаго. Болѣе или менѣе отважныя, болѣе или менѣе значительныя вспышки то въ одномъ, то въ другомъ старостве ободряли его. Возможность бѣгства изъ порабощенныхъ селъ въ села свободныя прекращалась не надолго. Кварцяное войско, всегда готовое къ услугамъ старостъ и вообще пановъ и ихъ намѣстниковъ, то было отзываемо изъ Украины на войну, то самовольно расходилось по своимъ домамъ. Тогда все приникшее къ землѣ поднимало голову. Уніаты отступались отъ церквей и монастырей, захваченныхъ ими у благочестивыхъ; паны старались ладить съ *выписчиками*, то есть исключенными изъ козацкаго реестра, и не требовали на работы никого, кто назывался козакомъ; а жиды, неуспѣвшіе убраться во время въ болѣе безопасныя мѣста, жались возлѣ пановъ, какъ оробѣлые псы,— и не напрасно. Съ наступленіемъ весны выписчики почти ежегодно собирались толпами, грабили и убивали шляхту и жидовъ, гдѣ только можно было досягнуть ихъ, жгли панскіе фольварки, незащищенные надворнымъ войскомъ, расправлялись на сколько были въ силахъ со всѣми своими притѣснителями и удалялись въ днѣпровскіе лѣса. Тамъ они рубили столѣтнія липы, строили лодки и спускались по Днѣпру на Запорожье, грозя уцѣлѣвшей за валами и частоколами шляхтѣ воротиться съ арматою (артиллеріею) и истребить на Украинѣ все шляхетское, все католическое и все жидовское. (*Продолженіе впредь.*)

П. Кулишъ.

Іюня 1862 года.
Васильевка.

---

[47]) *Лѣтоп. Самов.* 7.

ІОАСАФАТЪ КУНЦЕВИЧЪ

ПОЛОЦКІЙ УНІЯТСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ.

(Окончаніе).

Точно также честимъ былъ Іоасафатъ и въ другихъ городахъ, чрезъ которые проѣзжалъ или останавливался для понужденія жителей къ уніи. Въ Могилевѣ мѣщане, узнавъ о приближеніи Іосафата къ городу и не желая впустить его туда,—всѣ вышли на городскіе окопы, на которыхъ разставили заряженныя ядрами пушки и грозили стрѣлять въ него, если осмѣлится подъѣхать на пушечный выстрѣлъ къ городскимъ воротамъ. Въ Мстиславлѣ, нѣкто Массальскій, при въѣздѣ Іоасафата въ сей городъ, едва не убилъ его изъ ружья, если бы, въ минуту исполненія сего замысла, не былъ самъ убитъ однимъ изъ слугъ архіепископа. Въ Оршѣ мѣщане хотѣли Іоасафата утопить въ Днѣпрѣ ([16]). Впрочемъ эта повсемѣстная ненависть къ Іоасафату, обнаруживающая крайнее нерасположеніе къ уніи бѣлорусиновъ, не образумила сего архіепископа и не укротила его жестокости, съ какою онъ продолжалъ преслѣдовать православныхъ, несоглашавшихся быть уніятами. Напротивъ, чѣмъ болѣе испытывалъ онъ проявленіе къ себѣ народной ненависти, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ продолжалъ дѣло своей насильственной пропаганды, до тѣхъ поръ, пока, выведенный наконецъ изъ терпѣнія, благочестивый народъ не избавился навсегда отъ сего жестокаго и ненавистнаго ему пропагандиста. Іоасафатъ былъ умерщвленъ въ

---

[16]) Тамъ же.

Витебскѣ, въ 1623 году.—Этотъ случай, имѣвшій самыя печальныя для православныхъ послѣдствія, мы разскажемъ подробнѣе ниже; теперь же опишемъ нѣкоторыя дѣла Іоасафата, по управленію полотскою архіепископіею.

Полотскій борисоглѣбскій монастырь, основанный въ 1220 г. полотскимъ княземъ Борисомъ Генвиловичемъ, кромѣ угодьевъ и населенныхъ имѣній, которыми надѣленъ былъ симъ княземъ при своемъ основаніи, въ послѣдствіи, чрезъ богатые вклады разныхъ усердствовавшихъ по благочестію лицъ, преимущественно знатнѣйшихъ нѣкогда въ Бѣлорусіи вельможъ: Соколинскихъ, Корсаковъ, Тышкевичей, Соломерецкихъ и Щитовъ, сдѣлался первокласнымъ и богатѣйшимъ изъ всѣхъ полотскихъ монастырей. Почему полотскіе архіепископы, еще задолго до временъ уніи, выхлопотали у польскихъ королей привилегію, по которой, съ саномъ архіепископа, соединялось и званіе настоятеля или архимандрита сего монастыря, съ правомъ полномочнаго владѣнія всѣми угодьями, имѣніями и пользованія всѣми принадлежащими монастырю доходами. Впрочемъ каждый новый архіепископъ, при назначеніи своемъ на полотскую каѳедру, получалъ отъ королей на это право подтвердительную грамоту,—и Іоасафатъ, получивъ ее, хотѣлъ немедленно принять сей монастырь подъ свое вѣденіе. Но главные его ктиторы Корсаки и Щиты, на томъ основаніи, чтобы православный сей монастырь не достался въ руки уніатскаго настоятеля, еще при жизни перваго изъ полотскихъ архіепископовъ, принявшаго унію, Григорія Загорскаго, захватили этотъ монастырь, со всѣми угодьями и имѣніями, въ свои руки и, не смотря на исковыя жалобы, какъ Загорскаго, такъ и преемника его, архіепископа Брольницкаго, владѣли монастыремъ до времени вступленія Іоасафата на полотскую архіепископію. По сему, когда Іоасафатъ требовалъ отъ нихъ, на основаніи испрошенной имъ королевской грамоты, передачи ему борисоглѣбскаго монастыря,

угрожая, въ случаѣ отказа, отобрать оный силою, — Корсаки, Тышкевичы и Щиты, со множествомъ православной шляхты, мѣщанъ и крестьянъ, засѣли въ семъ монастырѣ и, поставивъ на окружающихъ его стѣнахъ пушки, заряженныя ядрами, рѣшились до послѣдней крайности защищать монастырь оружіемъ, такъ что Іоасафату, при помощи только замковой стражи и вооруженныхъ уніятовъ и католиковъ, удалось завладѣть имъ, послѣ одинадцати дневной осады.

Однакоже вытѣсненные изъ полуразрушеннаго отъ пушечныхъ выстрѣловъ монастыря, названные недавно его ктиторы и не думали возвращать Іоасафату имѣній и принадлежащихъ монастырю угодій. Это заставило Іоасафата отыскивать ихъ судебнымъ порядкомъ и, по сильному ходатайству его въ судахъ, трибуналахъ и у короля, удалось ему получить декретъ, присуждавшій Корсаковъ и всѣхъ виновныхъ въ завладѣніи монастырскимъ имуществомъ, сполна возвратить его архіепископу, какъ настоятелю монастыря, да, кромѣ того, уплатить въ его пользу 30,000 польскихъ злотыхъ за протори и убытки ([17]). Въ объясненіяхъ своихъ на

[17]) Архивъ полотскаго борисоглѣбскаго монастыря смотри 1.) Жалоба архіеп. Іосафата на Корсаковъ и другихъ о завладѣніи монастырскими имѣніями, поданная въ 1618 г.; 2) Выпись изъ книгъ земскихъ полотскаго воеводства мироваго акта Корсаковъ съ архіепископомъ Кунцевичемъ; 3, № 1-й, 4.) Архивъ тадулинскаго монастыря, дѣло о имѣніяхъ къ полотскому борисоглѣбскому монастырю принадлежащихъ; 5.) Фамильный архивъ полотскаго уѣзда помѣщика Людвика Корсака: связка дѣло объ имѣніяхъ полотскаго борисоглѣбскаго монастыря; 6;) Архивъ полотскаго уѣзднаго суда: актовыя градскія книги за 1619, 20 и 22 годы и другія.

Изъ сохранившихся, въ разныхъ архивахъ витебской губерніи, рукописныхъ документовъ, къ сему иску относящихся, видно, что еще во времена Іосафата, большая часть бѣлорусской

исковыя жалобы Кунцевича, въ свое оправданіе, они писали, «что, хотя поискиваемыя Іосафатомъ имѣнія дѣйствительно предками ихъ пожертвованы были на вѣчныя времена въ пользу Борисоглѣбскаго монастыря, но пожертвованія эти были сдѣланы для монастыря, «древней грецкой вѣры», коей и они сами были ревностными послѣдователями. Теперь же, когда иноки сего монастыря и самъ его настоятель, полотскій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичь измѣнили сей древней вѣрѣ: «то мы ктиторы монас»тыря, потомки православныхъ вкладчиковъ, узнавъ о таковой »измѣнѣ, при томъ же и сами будучи православными, считаемъ »себя вправѣ удержать въ нашемъ вѣденіи всѣ монастырскія »угодья, имѣнія и самый монастырь съ принадлежащими къ »нему церквами до тѣхъ поръ, пока иноки и настоятель сего »монастыря не перемѣнятъ новой вѣры на древнюю и не возвра»тятся подъ *послушенство* константинопольскаго патріарха» ([18]). Такъ объяснялись Корсаки и другіе бѣлорусскіе знатные дворяне въ 1618 году. Но чрезъ два года они приняли другое убѣжденіе, ибо мы видимъ уже тѣхъ же дворянъ подписавшими въ 1621 году мировую съ Кунцевичемъ, въ которой обязались быть уніатами, съ условіемъ оставить за ними, какъ ктиторами монастыря, древнее право избирать для него настоятелей ([19]). Впрочемъ они, по сему вынужденному обязательству, перешли прямо въ латинство, а не въ унію. Такимъ образомъ эти и всѣ

шляхты, въ томъ числѣ Корсаки, Щиты, Тышкевичи, Соломерецкіе, Соколинскіе и друг., коихъ подписи встрѣчаются на сихъ документахъ, были ревностными послѣдователями православія или, какъ тогда обыкновенно выражались, древней грецкой вѣры.

[18]) Тамъ же.

[19]) Тамъ же. И такъ, они продали Іосафату вѣру предковъ за 30,000 злотыхъ!

другіе литовско-русскіе православные вельможи (и только одни вельможи), изъ одной привязанности къ земнымъ расчетамъ, не устояли въ борьбѣ съ папизмомъ и съ искушеніями,—полячились и, измѣною вѣрѣ предковъ, пятнали честь своей русской фамиліи. Но примѣръ ихъ мало пріобрѣлъ для уніи прозелитовъ изъ средняго и низшаго сословія народа. Народъ югозападной Руси стеналъ подъ гнетомъ насилій и гоненій, проливалъ рѣки слезъ и крови, чувствовалъ себя стѣсненнымъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ, лишался имѣнія, терпѣлъ пытки отъ поляковъ и жидовъ, бывшихъ орудіемъ католической пропаганды, и ничто не могло поколебать въ немъ преданности вѣрѣ—правой вѣрѣ предковъ. И если часть сего народа уступила, наконецъ насилію и неистовствамъ пропагандистовъ и принудительнымъ мѣрамъ правительства, то по крайней мѣрѣ предпочла латинству унію, оставившую невольнымъ образомъ, въ прежнихъ русскихъ церковныхъ обрядахъ, элементъ русской народности, въ послѣдствіи такъ много способствовавшей къ добровольному и единодушному возвращенію уніятовъ на лоно православія.

Изъ прочихъ дѣйствій Іоасафата, по управленію полотскою архіепископіею, намъ извѣстно только, что онъ, при древнѣйшей изъ полотскихъ церквей, Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ, своимъ иждивеніемъ устроилъ деревяныя келіи для женскаго монастыря, который населилъ выписанными изъ Вильны уніатскими монахинями, незадолго предъ тѣмъ учрежденнаго тамъ базиліанскаго ордена, надѣливъ сей монастырь землями, угодьями и отчасти доходами отъ имѣній къ полотской архіепископіи принадлежащими ([20]), да еще возобновилъ, пришедшій

---

[20]) Kulczynski Monologium Bazylanskie, M. Wrzesień 16 dzień, Stebelski. Dwa swiatła na horyzońcie Połockim etc. Roz. III, stron. 250—233.

отъ времени и разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ ветхость, Софійскій соборъ, приказавъ впрочемъ, снять украшавшія его пять главъ, которыя своимъ византійскимъ стилемъ, какъ замѣчаетъ уніятскій писатель Стебельскій, служили бы для будущихъ поколѣній безмолвнымъ памятникомъ древности православія въ Полотскѣ ([21]) и обличителемъ (прибавимъ отъ себя) въ отступничествѣ уніатовъ.

Архіепископъ Іоасафатъ не очень долго управлялъ полотскою епархіею. Неоднократныя, въ разныхъ городахъ Бѣлоруссіи, безуспѣшно дѣланныя покушенія на его жизнь окончились, какъ мы сказали выше, убіеніемъ его, въ 1623 году, въ Витебскѣ, ожесточенными православными гражданами сего города. Этотъ поступокъ былъ дѣломъ не нечаяннаго случая или мгновенной вспышки народнаго мщенія, но слѣдствіемъ давно задуманнаго замысла, къ которому подстрекнуло ихъ, кромѣ жестокости очерченныхъ выше гоненій со стороны Іосафата, еще и слѣдующее обстоятельство. Патріархъ іерусалимскій Θеофанъ, посѣтивши, на пути въ Москву, по порученію патріарха константинопольскаго, подвластную Польшѣ Русь, посвятилъ въ Кіевѣ (впрочемъ съ дозволенія короля) православнаго митрополита и нѣсколькихъ епископовъ на захваченныя уніятами каѳедры, въ томъ числѣ бѣлорусскаго дворянина Герасимовича, извѣстнаго подъ именемъ Мелетія Смотрицкаго,—на полотскую архіепископію. Несмотря на то, что король, въ слѣдствіе клеветы уніятовъ на патріарха, велѣлъ ловить и предавать казни новопоставленныхъ епископовъ, Смотрицкій благополучно прокрался въ 1621 году 3-го Марта въ Витебскъ и, явившись въ ратушу, предъявилъ права свои на полоцкую епархію и всенародно обвинилъ Іосафата въ отступничествѣ отъ православія.

---

21) Stebelski—тамъ же.

Вслѣдствіе чего, всѣ витебскіе граждане отказались отъ повиновенія сему послѣднему и составили актъ передачи церквей съ духовенствомъ вѣденію Смотрицкаго, котораго признали своимъ законнымъ пастыремъ. Примѣру жителей Витебска тотъ-часъ же послѣдовали и жители другихъ городовъ, преимущественно Полотска, Могилева, Мстиславля и Орши. Смотрицкій впрочемъ не смѣлъ открыто являться въ сихъ городахъ, но управлялъ паствою издали, посредствомъ секретныхъ письменныхъ сношеній и самъ, переодѣтый, скитался съ мѣста на мѣсто. Между тѣмъ Іосафатъ, съ помощію гражданскихъ властей, принялъ энергическія мѣры къ побужденію всѣхъ православныхъ повиноваться его духовной власти и хотя всѣ церкви опять были отняты имъ на унію, но православные продолжали ему противиться и не ходили въ уніятскія церкви, а собирались на богослуженіе въ устрояемыя ими за городами шалаши. Въ Витебскѣ въ 1623 году такихъ шалашей было два—одинъ на Заручевьѣ, другой за рѣкою Двиною, противъ пречистенской церкви и архіерейскаго дома. Лишеніе храмовъ и разныя гоненія, которыя испытывали православные отъ Кунцевича, усилили въ нихъ къ нему ненависть и ожесточеніе до такой степени, что они составили новый заговоръ и поклялись лишить его жизни при первомъ удобномъ случаѣ. Душею этаго заговора, говорятъ, ([22]) былъ Смотрицкій, тайно подавшій къ нему совѣтъ. Въ заговорѣ приняли участіе не только всѣ почти граждане Витебска и другихъ названныхъ выше городовъ, но и жители отдаленной Вильны.

---

[22]) Едвали основательно. Если сами уніаты, при всемъ ихъ желаніи обвинить въ этомъ убійствѣ Смотрицкаго, не могли доказать фактами дѣйствительности его участія въ смерти Іосафата, то тѣмъ болѣе потомство не имѣетъ ни какихъ данныхъ и побужденій къ этой клеветѣ.

И послѣ всѣхъ прежнихъ неудачныхъ покушеній на жизнь Іосафата, заговорщикамъ удалось, наконецъ, привести въ исполненіе свое намѣреніе въ Витебскѣ.

Вотъ какъ совершилось здѣсь, хотя юридически-незаконная, но заслуженная казнь упорнаго и немилосердаго гонителя православія. Въ концѣ Октября 1623 года Іосафатъ прибылъ въ Витебскъ съ тѣмъ, чтобъ окончательно обратить его жителей въ унію, и потому воздвигъ на нихъ такое гоненіе, въ которомъ повторились ужасы первыхъ вѣковъ христіанства и которое превысило мѣры всякаго терпѣнія. Онъ не только отобралъ отъ православныхъ всѣ церкви и выгналъ изъ города всѣхъ непреклонныхъ къ уніи священниковъ, но не дозволялъ имъ совершать богослуженіе въ построенныхъ (какъ сказано выше) для этой цѣли шалашахъ, разоряя ихъ и, посредствомъ вооруженной толпы уніятовъ и городской стражи, разгоняя собиравшихся въ нихъ на богослуженіе православныхъ. Тогда послѣдніе, имѣя въ главѣ своей членовъ городоваго магистрата и почти всѣхъ почетныхъ гражданъ, въ тайномъ совѣщаніи въ ратушѣ, положили непремѣнно избавиться отъ ненавистнаго имъ епископа. Искали только удобнаго случая къ осуществленію своего замысла, и случай не замедлилъ представиться. 12-го Ноября въ воскресный день, въ то время, когда Іосафатъ въ пречистенской, т. е., успенской церкви служилъ утреню, архидіаконъ его, по имени Дороѳей, подстерегши православнаго священника, по имени Илію, тайно переправлявшагося чрезъ рѣку Двину для совершенія богослуженія въ одномъ изъ шалашей, внезапно напалъ на него и, избивъ до полусмерти, связалъ по рукамъ и ногамъ и заперъ въ архіепископской кухнѣ. Вѣсть о такомъ поруганіи и насиліи православнаго священника быстро распространилась по городу и привела жителей въ такую ярость, что, съ первымъ ударомъ вѣчеваго колокола, всѣ до одного: взрослые, дѣти,

жены и старцы, вооружившись чѣмъ попало, съ страшнымъ воплемъ, напали на архіерейскій домъ. Освободивъ сперва изъ заключенія своего священника, они бросились на архіерейскихъ слугъ, въ томъ числѣ на вышесказаннаго архидіакона, и почти всѣхъ ихъ поранили ударами сабель, бердышей и другихъ орудій. Потомъ ворвались въ келью только что возвратившагося отъ заутрени архіепископа и, бросившись на него съ воплемъ: бей папежника, душехвата и т. п., разсѣкли бердышемъ его голову и добили выстрѣломъ изъ ружья. Въ тоже время другіе, увлеченные порывомъ мщенія, безпощадно разрушали и ломали все, что только попадалось имъ подъ руки. Тѣло убіеннаго Іосафата, вытащивъ изъ дворца на высокій берегъ Двины (что противъ успенской церкви), бросили въ рѣку, гдѣ поджидавшіе рыбаки втащили оное въ лодку, привязали къ шеѣ и ногамъ трупа камни, отвезли вверхъ по Двинѣ къ мѣсту, называемому Песковатикъ и бросили его по growing срединѣ рѣки. Только на третій день, когда народное смятеніе нѣсколько утихло, тѣло Іосафата было вытащено, по приказанію каштеляна замка и, послѣ оффиціальнаго освидѣтельствованія въ замкѣ, отослано на лодкѣ въ г. Полотскъ, гдѣ и погребено было въ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ.

Въ слѣдующемъ 1624 году папа Урбанъ VIII, по ходатайству короля и уніятскаго духовенства, однимъ движеніемъ самовольнаго пера, причислилъ Іоасафата къ лику блаженныхъ (beatorum) мучениковъ римской церкви, повелѣвъ праздновать (впрочемъ собственно только уніятамъ) память его 16-го Сентября ([23]). Для обнародованія папской буллы, произведшей гони-

---

[23]) Для насъ православныхъ поспѣшное причтеніе папою Іосафата къ лику блаженныхъ не можетъ не казаться страннымъ и кощунственнымъ, но въ римской церкви, послѣ отпаденія ея

теля христіанства въ мученики и для торжественнаго отпѣванія тѣла Іоасафатова, созванъ былъ, въ томъ же году, въ Полотскѣ

отъ единства со вселенскою, когда она сдѣлалась безмолвною рабою папскаго деспотизма и, слѣдовательно, лишилась той первоначальной свободы, которою наслаждалась подъ управленіемъ невидимой главы своей Іисуса Христа, произволъ папы сталъ для нея закономь, часто попиравшимъ догматику, канонику и преданіе христіанства. Въ убіеніи Іосафата папа видѣлъ, что дѣла, затѣянной его предшественникомъ уніи, идутъ плохо, посему, между энергическими мѣрами, предпринятыми имъ для поддержанія уніи, онъ счелъ необходимымъ убитаго уніатскаго епископа, какъ можно скорѣе объявить святымъ, чтобы показать православному міру, что и церковь уніатская имѣетъ своихъ святыхъ и, чтобы молвою о явленіи новаго священномученника, однихъ укрѣпить въ уніи, а другихъ обольстить къ принятію ея. Но признаніе человѣка святымъ, почти непосредствено послѣ его кончины, противно правиламъ даже римской церкви. Для сего нужно не только полное и повсемѣстное убѣжденіе Церкви о безукоризненной святости жизни почившаго, но и проявленіе чудесныхъ его дѣйствій послѣ смерти, и притомъ засвидѣтельствованныхъ присяжными свидѣтелями и оправданныхъ слѣдственною комиссіею, а особенно явленіе его тѣла нетлѣннымъ, по истеченіи многихъ лѣтъ. Съ Іосафатомъ, ни при его жизни, ни послѣ смерти, ничего подобнаго не было. Папа пожаловалъ его во святые, и политика польскаго правительства, личные интерессы уніатскаго духовенства и наконецъ невѣжество народа признали его такимъ и стали чествовать и ублажать, какъ истиннаго святаго. Правда, папа зашелъ въ этомъ дѣлѣ только до половины— онъ не дерзнулъ канонизовать Іосафата и не назвалъ его святымъ (sanctus), а только блаженнымъ (beatus),—безъ сомнѣнія, не желая столь наглымъ производствомъ Іосафата во святые, слишкомъ компроментировать римскую церковь и безъ того уже, не только протестантами, но нѣкоторыми добросовѣстными католическими богословами, осыпанную упреками за нововведенія и

соборъ высшаго уніятскаго и отчасти латинскаго духовенства, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго уніатскаго митрополита

искаженіе первоначальной чистоты и простоты Вѣры Христовой. Папѣ не безъизвѣстны были жестокости Іосафата, съ какими онъ мучилъ неповинныхъ православныхъ христіанъ, его безпокойный нравъ и корыстолюбіе, подъ вліяніемъ которыхъ онъ всю жизнь тягался въ судахъ за церковныя имѣнія, а особенно за архіерейское имущество,— его доносы и ябеды предъ гражданскими властями на православныхъ, которые, вслѣдствіе сего, были бросаемы въ темницы, въ узы и подвергаемы разнообразнымъ наказаніямъ,— его безжалостное обращеніе съ твердыми въ православіи священниками, которыхъ лишалъ онъ приходовъ, имущества и послѣдняго куска хлѣба, мучилъ кандалами, темницами, бичами и разными истязаніями. Папа слыхалъ о насильственномъ отнятіи Іосафатомъ православныхъ церквей и монастырей, обращеніи ихъ въ унію, запечатываніи и разрушеніи, о его поруганіи даже надъ мертвыми тѣлами православныхъ и надъ священными обрядами ихъ вѣры. Словомъ папѣ не безъизвѣстны были всѣ безчеловѣчные поступки Іосафата съ православнымъ народомъ, поступки, въ которыхъ упрекалъ его даже в. канцлеръ литовскій Сапѣга,— поступки, на которые постоянно и безуспѣшно жаловались православные королю, въ трибуналы и на сеймахъ и которые до того ожесточили ихъ противъ него, что не однажды покушались они на его жизнь и наконецъ убили въ Витебскѣ и, конечно, убили не понапрасну. И невозмутительно ли для духа встрѣтить имя такого человѣка въ числѣ святыхъ? Кого же послѣ этого назвать грѣшнымъ, если предводитель злонамѣренной политической партіи, гонитель, мучитель христіанъ, всю жизнь преслѣдовавшій чисто земные интересы, разорявшій церковь Христову изъ одного человѣкоугодничества, изступленнаго фанатизма и упорства,— причисленъ къ сонму святыхъ? Напрасно ужъ папа не вписалъ въ свои святцы именъ Діоклитіана, Нерона, Доміціана, Юліана— отступника и другихъ гонителей христіанства, которые отличались отъ Іосафата только пріемами

Іосифа Рутскаго. Торжество сіе совершалось въ полотскомъ Софійскомъ соборѣ. Лучшіе того времени проповѣдники произнесли

и повсемѣстностію гоненія на христіанъ. Напрасно послѣ этого не причисляютъ къ святымъ различныхъ преступниковъ, казнію которыхъ народъ либо правительство вынуждены бывали обуздывать зло въ человѣчествѣ и отсѣкать гнилые его члены!

Послѣ смерти, Іосафатъ никогда не проявилъ никакихъ чудесныхъ дѣйствій, и тѣло его подверглось естественному разложенію, подобно тѣламъ всѣхъ смертныхъ. Правда жизнеописатель Іоасафата Кульчинскій, а за нимъ и другіе базиліанскіе писатели, указываютъ на нѣкоторыя чудеса, будто бы совершенныя Іосафатомъ, послѣ его смерти, но ни одного изъ нихъ не подтверждаютъ никакими достовѣрными современными свидѣтельствами, а говорятъ о нихъ голословно, въ надеждѣ, что печатная ложь у невѣждъ получитъ авторитетъ истины. Нѣкоторыя чудеса такъ плохо ими сочинены, что не стоятъ и опроверженія. Они говорятъ, напримѣръ, что тѣло Іоасафатово, брошенное въ Двину въ Витебскѣ, отсюда само приплыло въ Полотскъ,— вверхъ противъ теченія Двины! (*) Или, что по молитвѣ къ Іоасафату одной шляхтянки, (**) возвращавшейся изъ Полоцка домой въ м. Ушачь, воскресла лошадь, околѣвшая на дорогѣ! (Смотри Кульчинскій Monolog. Bazyl.; Kulesza — Wiara Prawosławna; Stebelski Dwa Swiatła и проч. і Chronologia — и другихъ). А изъ коммисарскаго декрета о его убіеніи извѣстно, что онъ брошенъ былъ въ Двину, чрезъ три дня вытащенъ, освидѣтельствованъ въ замкѣ и отосланъ въ лодкѣ по теченію Двины въ Полоцкъ — для погребенія. Вотъ какъ можно вѣрить Кульчинскому и ему подобнымъ ревнителямъ уніи! Да если бы, по убіеніи Іоасафата, отъ его тѣла произошло что либо похожее на чудо, то слѣдователи, королевскіе комиссары, какъ ревностные католики, не преминули бы разгласить о томъ въ сказанномъ выше декретѣ, когда они исчисляютъ въ немъ всѣ мелочныя подробности, касающіяся убіенія Іоасафата, восхваляютъ

(*) Для незнакомыхъ съ мѣстностью замѣтимъ, что Полотскъ лежитъ въ отношеніи къ Витебску не вверхъ, какъ солгалъ Кульчинскій, а внизъ по теченію Двины

(**) Алекс. Радзиминской. Арх. б. ун. митр. въ Св. Син Опись №. 483 г. 1628.

нѣсколько надгробныхъ рѣчей на латинскомъ, польскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ, а іезуитъ Левъ Кревза заключилъ это requiem напы-

ложное его благочестіе, мнимыя добродѣтели и даже ношеніе имъ на тѣлѣ власяницы. Сверхъ того, если бы какія либо чудеса проявились послѣ смерти Іоасафата, то о нихъ не приминулъ бы упомянуть папа въ своей буллѣ о его беатификаціи; но въ ней о сихъ чудесахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Замѣтимъ также, что кромѣ сочиненій Кульчинскаго и другихъ уніятскихъ и латинскихъ писателей (**), сочинившихъ впрочемъ чудеса Іосафата спустя почти двѣсти лѣтъ послѣ его смерти; о нихъ не сохранилось никакого народнаго преданія, ни одного (за исключеніемъ чуда о воскресеніи лошади) письменнаго современнаго акта, ни другаго какого либо историческаго доказательства. Слѣдовательно, всѣ печатныя легенды уніатовъ и р. католиковъ о мнимыхъ чудесахъ Іосафата—чистый вымыселъ, произведеніе фантазіи базиліанскихъ монаховъ, желавшихъ увѣрить невѣжественную толпу, будто бы и унія имѣла своихъ святыхъ и притомъ чудотворцевъ.

Послѣ всего этого невольно спросишь: на чемъ же основали написты причтеніе Іосафата къ лику святыхъ? Неужели только на томъ, что онъ былъ умерщвленъ выведеннымъ изъ терпѣнія народомъ? Но исторія представляетъ намъ сотни примѣровъ подобныхъ жертвъ народной ненависти и праведнаго мщенія. Взгляните на ея страницы и вы увидите безчисленное множество народныхъ представителей, въ томъ числѣ и римскихъ папъ, погибшихъ разнаго рода неестественною смертію, однакожъ сама римская церьковь не дерзнула признать ихъ святыми или мучениками за одну ихъ насильственную кончину. Исчислимъ здѣсь однихъ римскихъ

(**) У писателей этихъ, кромѣ противурѣчій между собою, встрѣчаются противурѣчія съ точными оффиціальными о Іосафатѣ свидѣтельствами и документами, какъ напр. съ письмомъ Сапѣги и съ извѣстнымъ комиссарскимъ декретомъ. Да и было бы смѣшно и даже глупо вѣрить больше свидѣтельству позднѣйшихъ писателей, притомъ же частныхъ и очевидно имѣвшихъ интересъ скрыть истину, чѣмъ современнымъ свидѣтельствамъ оффиціальнымъ, каковы: акты, декреты, собственныя письма, протесты, жалобы и тому подобные юридическіе документы.

щеннымъ панегирикомъ Іоасафату (Kulczynski-Monologium Bazyl. Wrzesień 16, Stebelski Chronol. Roz. III, str. 288-291). Гробъ съ

папъ, и притомъ одного только столѣтія, насильственно кончившихъ жизнь въ Римѣ, въ столицѣ западнаго христіанства, такъ сказать, у подножія апостольскаго сѣдалища и отъ руки ихъ же духовныхъ чадъ — римскихъ католиковъ. Возмемъ хоть X столѣтіе. Папа Христофоръ I, низвергши съ престола предшественика своего Венедикта IV, самъ низверженъ Сергіемъ III, который велѣлъ его оковать въ цѣпи и бросить въ темницу, гдѣ онъ и умеръ голодною смертію. А сколько папъ въ семъ же вѣкѣ возвела, низвергла и извела извѣстная римская распутная женщина Марозія, болѣе четверти вѣка располагавшая папскимъ престоломъ и именами своихъ любимцевъ, управлявшая римскою церковью! (***) Такъ, она сначала возвела на папскій престолъ любовника своей матери Өеодоры, графини тускулянской, Іоанна IX, надѣясь подъ его именемъ папствовать, но когда обманулась въ своихъ надеждахъ, велѣла запереть папу въ чуланъ, гдѣ эго задушили подушками. Въ 928 году мятущійся народъ, на мѣсто задушеннаго Іоанна избралъ Льва VI, но Марозія потерпѣла его только 7 мѣсяцевъ; послѣ него избранъ былъ Стефанъ VII, но Марозія и его чрезъ два года умертвила ядомъ, дабы возвести на папскій престолъ сына своего, прижитаго съ папою Сергіемъ III. Сынъ ея Іоанъ XI, пять лѣтъ, по ея волѣ управлялъ западною церковію, но былъ низверженъ съ престола роднымъ своимъ братомъ Альбертомъ и заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ отъ яда. Стефанъ VIII, жестокостію своею возбудилъ къ себѣ такую ненависть, что чернь, поймавши его однажды, до того изуродовала лице его, что онъ всю жизнь принужденъ былъ скрываться въ келліи. Іоаннъ XII, другой сынъ Марозіи, стараніемъ ея на 19 году достигъ папства. Императоръ Оттонъ за нарушеніе клятвы, низвергъ

(***) Луипрандъ, латинскій писатель, съ ужасомъ отказывается говорить о томъ, что произвела Марозія, посредствомъ двухъ своихъ сыновъ: папъ Іоанна XI и Іоанна XII, прибравъ къ рукамъ своимъ власть гражданскую и духовную.

набальзамированнымъ его тѣломъ, былъ вынутъ изъ склепа и поставленъ въ церкви, гдѣ и находился до завоеванія Полотска войсками царя Алексѣя Михайловича. Когда онѣ приближались къ городу, тогдашній полотскій уніатскій архіепископъ Антоній Селлява бѣжалъ совсѣмъ уніатскимъ духовенствомъ въ Литву, куда унесъ и гробъ Іоасафатовъ. Сперва гробъ этотъ оставленъ былъ имъ въ м. Жировицахъ, потомъ перенесенъ въ Замостье. Преемникъ Селлявы митрополитъ и полотскій архіепископъ

Іоанна соборомъ и на мѣсто его поставилъ Льва VIII, котораго впрочемъ Марозія чрезъ 7 мѣсяцовъ низвела съ престола, дабы востановить сына своего, а Іоаннъ, осужденный соборомъ и императоромъ, наконецъ былъ заколотъ, на мѣстѣ преступленія, мужемъ одной его любовницы. Это случилось въ 964 году (****). Венедиктъ V, преемникъ Іоанна, послѣ 3-хъ мѣсячнаго папствованія, былъ низверженъ Марозіею и умеръ въ темницѣ. Венедиктъ VI въ самомъ началѣ своего папствованія умерщвленъ былъ мятежниками.— Преемникъ его Донусъ менѣе года управлялъ церковью, отравленъ ядомъ и народъ долго не соглашался почтить тѣло его погребеніемъ. Іоаннъ XIV умеръ отъ голода въ крѣпости св. Ангела въ Римѣ. Іоаннъ XVII казненъ императоромъ Оттономъ: ему отрѣзали носъ, уши и языкъ (+ 998).

Подобные примѣры насильственной смерти папъ можно встрѣчать почти въ каждомъ столѣтіи среднихъ вѣковъ, да и въ настоящее время (1848 года) было покушеніе со стороны римлянъ на жизнь нынѣшняго папы Пія IX. Только счастливый случай спасъ его отъ пули мятежника. Она ранила находившагося съ нимъ въ кабинетѣ кардинала.

(****) На соборѣ, созванномъ въ Римѣ въ 963 году, противъ сего папы, императоромъ Оттономъ, Іоаннъ былъ обвиненъ въ разныхъ гнусныхъ преступленіяхъ, между прочимъ въ томъ, что носилъ шпагу и шлемъ во время богослуженія, что пилъ за здоровье дьявола, что своимъ любовницамъ раздарилъ разныя церковныя вещи: чаши, дарохранительницы, кресты и проч. и что наконецъ отдалъ имъ въ управленіе многіе города. (Смотри Nowy Dykcionarz Histor. Warszawa, pod słowem Jan XII и другихъ.)

Гаврiилъ Коленда опять возвратилъ гробъ Іосафата въ Полотскъ и самъ переселился сюда на жительство, по возвращенiи сего города Польшѣ. Впрочемъ гробъ Іоасафата, (какъ оказалось послѣ) былъ пустъ, тѣло его неизвѣстно куда дѣвалось во время многолѣтняго его странствованiя. Въ послѣдствiи, по правой сторонѣ новосозданной архiепископомъ Гребницкимъ софiйской церкви, устроенъ былъ особый придѣлъ во имя Іоасафата. Въ немъ на престолѣ помѣщена была бронзовая гробница, съ серебрянными украшенiями, а сверху ея образъ Іоасафата. Базилiанскiе монахи распускали въ легковѣрномъ народѣ молву, будто бы въ этой гробницѣ лежали мощи Іоасафата и хотя ежегодно, въ день праздника его выносили эту гробницу на средину церкви для поклоненiя, но ее никогда не вскрывали, а поэтому мнимыхъ мощей Іоасафатовыхъ ни гдѣ ни кому неслучалось видѣть, по той простой причинѣ, что видѣть того нельзя, чего вовсе не было. Послѣ недавняго возсоединенiя унiатовъ съ православною церковью, рака эта перенесена была въ ризницу и вскрыта въ присутствiи многихъ свидѣтелей, но кромѣ клока волосъ и нѣкоторыхъ принадлежавшихъ Іоасафату архiерейскихъ облаченiй, не оказалось въ ней ни слѣда мощей, а тѣмъ болѣе всего тѣла.

Смерть архiепископа Іоасафата не облегчила однакожъ бѣдственной участи гонимыхъ въ Бѣлоруссiи православныхъ, напротивъ подала польскому правительству и папѣ законный предлогъ, подъ видомъ наказанiя принимавшихъ участiе въ убiйствѣ Іоасафата православныхъ, усугубить свои мѣры къ совершенному искорененiю православiя въ семъ краѣ. Король, узнавъ о витебскомъ происшествiи, тотчасъ нарядилъ въ Витебскъ комиссiю для изслѣдованiя факта и осужденiя виновныхъ. Въ числѣ членовъ сей комиссiи были: воевода виленскiй и староста могилевскiй Левъ Сапѣга, каштелянъ мстиславскiй Христофоръ Друцкiй–Соколинскiй, референдарiй и писарь великаго княжества

литовскаго Александръ Корвинъ-Гонсевскій, староста оршанскій, черѣйскій и пропойскій Богданъ Сапѣга и наконецъ витебскій воевода Николай Завиша. Слѣдствіе и судъ комиссары окончили съ необыкновенною торопливостію,—всего только въ три дня; они опасались прибытія козаковъ, которыхъ устрашенные жители Витебска чрезъ нарочныхъ гонцовъ звали на помощь. Ихъ протоколъ или декретъ, по дѣлу объ убіеніи Іоасафата, подписанъ былъ 22 Генваря 1624 г. Изъ него, между прочимъ, видно, что въ заговорѣ на жизнь Іоасафата принимали участіе нетолько всѣ почти жители Витебска, но даже Орши, Могилева, Полотска и самой Вильны. Душою же заговора были: писарь Гурко, священникъ Коменецъ, бургомистры: Наумъ Волкъ, Семенъ Ниша и въ особенности нѣкто Петръ Васильевъ Полочанинъ. Комиссія осудила около ста человѣкъ на смертную казнь, изъ которыхъ большая часть успѣла на время скрыться. Приговоръ сей тогда же приведенъ въ исполненіе. Изъ находившихся на лице осужденныхъ—двадцати отрублены головы на плахѣ предъ ратушею; имѣнія всѣхъ виновныхъ конфискованы; весь Витебскъ былъ признанъ виновнымъ, за что лишенъ права магдебургскаго и всѣхъ вообще правъ и преимуществъ, дарованныхъ его жителямъ и подчиненъ воеводскому управленію; снятъ и вѣчевой колоколъ— знакъ преимуществъ и свободы города, ратуша, въ которой составился заговоръ на жизнь Іоасафата, разрушена въ виду неутѣшно рыдавшаго народа. Соборную пречистенскую церковь, при которой совершено было преступленіе, опредѣлено сломать, а вмѣсто ея для уніатовъ выстроить на счетъ гражданъ новую въ большемъ размѣрѣ и великолѣпіи; на колокольнѣ ея повѣсить колоколъ, вылитый изъ бывшихъ колоколовъ прежней церкви, изъ вѣчеваго колокола и тѣхъ, которыми били въ набатъ, во время мятежа, а на немъ сдѣлать надпись, содержащую краткую повѣсть объ убіеніи Іоасафата. Многихъ гражданъ, признаныхъ комиссіею менѣе

виновными, заключили въ темницу, многихъ наказали плетьми, иныхъ же осудили на изгнаніе изъ города и государства, или разослали на поселеніе въ дальніе города; всѣ церкви переданы уніатамъ; всѣ, безъ исключенія, жители Витебска должны были принять унію, такъ, чтобы въ немъ неосталось никакихъ слѣдовъ православія.

Въ слѣдъ за наказаніемъ Витебска, послѣдовало повсемѣстное гоненіе православныхъ по всей Бѣлоруссіи. Въ Полотскѣ, Могилевѣ, Оршѣ и Мстиславлѣ, декретами того же короля Сигизмунда, по примѣру Витебска, запрещена православная вѣра, не дозволено строить и починять православныхъ церквей, всѣмъ жителямъ Бѣлоруссіи велѣно принять унію и быть, по дѣламъ вѣры, въ послушаніи полотскаго архіепископа ([24]).

Убіеніе Іоасафата представило удобный случай и папѣ Урбану VIII принять черезъ-чуръ дѣятельное участіе въ дѣлахъ бѣлорусской церкви. Въ посланіи къ королю Сигизмунду, онъ убѣждалъ его строго наказать убійцъ полотскаго архіепископа, угрожая проклятіемъ тому, кто откажется *омыть мечь свой въ крови виновныхъ* и совѣтуя не щадить въ дѣлѣ мести ни огня, ни меча, честилъ православныхъ названіями еретиковъ и схизматиковъ. Когда же донесено было ему о наказаніи убійцъ Іоасафата, то, въ другомъ посланіи своемъ къ Сигизмунду, папа благодарилъ и восхвалялъ сего короля за его ревность къ истребленію православія ([25]).

([24]) Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Описаніе Кіево-Софійскаго собора; Архивъ полотской духов. консисторіи, связка de unione.

([25]) Два письма папы Урбана къ королю Сигизмунду, письмо митрополита Рутскаго къ кардиналу Бондини, смотри въ отдѣлѣ актовъ.

О КНЯЗЬЯХЪ КОРИБУТАХЪ-ВИШНЕВЕЦКИХЪ.

(Окончаніе.)

Князь Михаилъ Михаиловичъ, староста овручскій, былъ совсѣмъ другихъ убѣжденій нежели братъ его. Какъ онъ, такъ и все семейство князя были истинно привержены къ православію и ни примѣръ брата, ни происки іезуитовъ не могли поколебать его вѣры.—Онъ до конца жизни помогалъ церквамъ и монастырямъ православнымъ и былъ въ дружбѣ, даже въ родствѣ съ православными.—Онъ былъ женатъ на дочери молдавскаго господаря Іереміи Могилы Раинѣ, двоюродной сестрѣ Петра Могилы, бывшаго впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ—([16]).

Изъ воинскихъ подвиговъ князя Михаила Михаиловича

([16]) Петръ Могила былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и полезныхъ архипастырей нашей церкви. Онъ имѣлъ неусыпное попеченіе о возвышеніи и распространеніи православія, старался искоренять въ малороссіянахъ ложныя мнѣнія, какія были поселены въ нихъ уніатами, отнялъ у сихъ послѣднихъ Софійскую кафедру, бывшую у нихъ 17 лѣтъ, возобновилъ Десятинную церковь, преобразовалъ въ Кіевѣ д. училище на манеръ иностранныхъ коллегій, подарилъ ему библіотеку, выписалъ для него способныхъ учителей изъ львовской православной академіи и вообще истратилъ на это заведеніе большую часть своего имѣнія. Училище это (впослѣдствіи названо академіею) долго именовалось, въ память своего учредителя, могилянскимъ.—Изъ сочиненій Петра Могилы пріобрѣло извѣстность *Православное исповѣданіе вѣры.*

особенно замѣчательно заступничество его за своего тестя. Когда молдаване свергли Іеремію съ престола,—князь Михаилъ Михаиловичъ, вмѣстѣ съ свояком своимъ, княземъ Корецкимъ, собрали на свой счетъ войско и отправились въ Молдавію. Въ пятнадцати сраженіяхъ князь Михаилъ разбилъ молдаванъ и наконецъ заставилъ ихъ снова признать князя Іеремію своимъ господаремъ.—Князь Михаилъ Михаиловичъ умеръ въ 1618 году, и похороненъ въ деревянной православной церкви въ Вишневцѣ, гдѣ гробъ его видѣнъ былъ до позднѣйшихъ временъ.

Послѣ князя Михаила Михаиловича остались: дочь Анна и сынъ Іеремія.

Княжна Анна была необыкновенно хороша собою; у ней было много поклонниковъ, въ томъ числѣ и самъ король Владиславъ IV, который хотѣлъ на ней жениться; но какъ князья Корибуты-Вишневецкіе были слишкомъ горды и неуступчивы,— то прочіе вельможи польскіе, боясь еще большаго возвышенія этого рода, старались всѣми силами воспрепятствовать этому браку; составилась сильная противная партія, которая съумѣла отклонить короля отъ его намѣренія. Главную причину разстройства брака приписываютъ тому, что княжна Анна исповѣдывала православную вѣру, а для того, чтобы сдѣлаться королевою, она должна была перейти въ католицизмъ. Враги Вишневецкихъ, зная религіозныя убѣжденія княжны, старались дѣйствовать на нее съ этой стороны, дѣлая ей разныя увѣщанія отъ имени дяди ея Петра Могилы;—и этимъ удалось имъ наконецъ достигнуть, что княжна отказалась отъ брака, во имя религіи предковъ, не смотря на убѣжденія своихъ близкихъ родственниковъ, перешедшихъ изъ честолюбія въ католическую вѣру. Впрочемъ, и безъ этихъ ухищреній, княжна Анна едва ли рѣшилась бы принять католическую вѣру, противъ желанія своей матери, княгини Раины, которая навѣрно не согласилась бы на такое отступ-

ничество. Мы увидимъ какъ эта религiозная женщина была привержена къ своей вѣрѣ и какъ старалась удержать въ ней своего сына, князя Iеремiю.—Впослѣдствiи княжна Анна вышла замужъ за Збигнѣва—Фирлея, старосту люблинскаго.

Князь Iеремiя остался по смерти отца своего малолѣтнимъ. Княгиня Раина воспитывала его при себѣ и, чтобы поселить въ немъ религiозныя убѣжденiя, поручила его надзору духовника своего, архимандрита Густинскаго монастыря, Исаiи Копинскаго. Но не удалось ей окончить начатое,—она вскорѣ заболѣла и умерла.

Боясь, чтобы послѣ ея смерти князь Iеремiя, подстрекаемый честолюбiемъ, которымъ были заражены всѣ вельможи польскаго королевства, какъ человѣкъ, владѣющiй огромнымъ богатствомъ, не перешелъ въ католицизмъ, съ коимъ, какъ сказано выше, были связаны особыя преимущества,—княгиня Раина, лежа на смертномъ одрѣ, въ присутствiи Исаiи Копинскаго, обязывала Iеремiю не поддаваться католицизму, подъ опасенiемъ проклятiя за нарушенiе ея наставленiй.

Однако князь Iеремiя не выполнилъ завѣта умирающей матери. Но будемъ разсказывать по порядку.

Оставшись круглымъ сиротою, князь Iеремiя поступилъ подъ опеку внучатнаго своего дяди, князя Константина Вишневецкаго, воеводы черноусскаго (нынѣшней гродненской губернiи), который былъ уже тогда католикомъ. Сдѣлавшись ревнителемъ своей новой религiи, князь Константинъ старался поселить такiя же убѣжденiя въ своемъ племянникѣ,—и съ этою цѣлiю отдалъ его на воспитанiе въ iезуитское училище, находившееся во Львовѣ. Извѣстно, что iезуиты учреждали свои коллегiумы и училища главнѣйше для того, чтобы распространять католицизмъ и въ особенности обращать въ него русское дворянство, принадлежавшее польскому королевству.—Поэтому, когда по-

ступалъ къ нимъ на воспитаніе ученикъ некатолическаго вѣроисповѣданія,—они домогались поселить въ немъ отвращеніе къ его вѣрѣ, осмѣивая ея догматы и, напротивъ, выставляя католицизмъ, какъ ученіе чистое и возвышенное. Такимъ образомъ они почти всегда достигали того, что окончившій образованіе въ ихъ училищахъ иновѣрецъ—ученикъ прилѣплялся къ латинству, а на прежнюю свою религію смотрѣлъ недоброжелательно.—Что же касается до молодыхъ людей знатныхъ фамилій, которые попадались имъ на воспитаніе,—то они почти никогда не избѣгали происковъ пропагандистовъ. Для обращенія въ католицизмъ подобныхъ учениковъ были употребляемы іезуитами самыя неусыпныя старанія.

Такъ случилось и съ княземъ Іереміею. Воспитывавшись подъ руководствомъ фанатическихъ учителей и подстрекаемый примѣромъ своего дяди и другихъ польскихъ магнатовъ,—онъ такъ проникнулся ученіемъ католицизма, что сдѣлался ревностнымъ его поклонникомъ; путешествіе же по Европѣ, гдѣ преобладало тогда католичество, еще болѣе укрѣпило молодого князя въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, внушенныхъ ему воспитаніемъ. Пылкій, честолюбивый,—онъ вполнѣ предался этому вѣроисповѣданію и, возвратясь въ отечество, сталъ съ запальчивостью фанатика стараться о его распространеніи. Построилъ костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, и Лохвицѣ и доминиканскій кляшторъ въ Прилукахъ, уважалъ и чествовалъ католическое духовенство и, въ угодность ему, притѣснялъ православныхъ, которыхъ презиралъ и называлъ раскольниками. Напрасно Исаія Копинскій, бывшій тогда кіевскимъ митрополитомъ, писалъ къ нему помянутое выше письмо ([17]), увѣщавая его обратиться къ вѣрѣ предковъ и напоминая ему завѣщаніе умиравшей матери. Князь

[17]) Смотри помѣщенное въ первомъ отдѣлѣ первой книжки письмо Исаіи Копинскаго.

Іеремія остался глухъ къ этимъ увѣщаніямъ и продолжалъ все болѣе и болѣе фанатически преслѣдовать своихъ прежнихъ единовѣрцевъ.

Какъ имѣнія князя Іереміи были большею частію въ Червоной Руси, на Волыни и въ Украинѣ, особенно въ нынѣшней полтавской губерніи, гдѣ находилось большее число жителей православнаго исповѣданія, — то, само собою разумѣется, большинство народа смотрѣло неодобрительно на дѣйствія молодаго князя, и какъ православные крѣпко держались своей вѣры и не поддавались проискамъ латинской пропаганды,—то это сильно ожесточало князя и онъ дѣлался неистовѣе къ своимъ подданнымъ, а по мѣрѣ того росла къ нему ненависть русскаго простаго народа.

По своимъ воинскимъ способностямъ князь Іеремія стоялъ выше всѣхъ современныхъ дѣятелей польскаго королевства и по справедливости признанъ современниками за лучшаго полководца. Кромѣ того онъ имѣлъ отличные для военнаго человѣка качества,—онъ былъ храбръ, дѣятеленъ, неутомимъ и, что было рѣдкостію въ то время между поляками, воздерженъ въ жизни; онъ, говорятъ современники, не зналъ въ молодости ни Бахуса, ни Венеры, велъ простой образъ жизни и съ твердостію переносилъ лишенія. Онъ любилъ строгій порядокъ и держалъ войско въ повиновеніи,—но оно любило и уважало его какъ за личныя достоинства, такъ и потому, что онъ былъ щедръ и тратилъ на воиновъ до 180 т. злотыхъ въ годъ изъ собственныхъ доходовъ. Мелкая шляхта была также къ нему привержена и почитала его своимъ благодѣтелемъ, потому что онъ держалъ ихъ нѣсколько тысячъ на своемъ иждивеніи, и вообще былъ ласковъ и обходителенъ съ низшими. При такихъ данныхъ князь Іеремія могъ бы достигнуть важныхъ степеней въ государствѣ и быть ему много полезнымъ,—но счастіе не служило

ему; судьба какъ бы хотѣла, чтобъ сбылось на немъ предсказаніе митрополита ([18]).—Оба короля, Владиславъ IV и Іоаннъ—Казиміръ его не жаловали, польскіе вельможи не любили его отъ того, что онъ былъ гордъ и заносчивъ, и вслѣдствіе того мѣшали его возвышенію, а война лишила его всего достоянія.

Воинскіе подвиги князя Іереміи начались въ 1634 году подъ Смоленскомъ и Бѣлою, гдѣ онъ воевалъ противъ русскихъ. Въ этотъ походъ князь выказалъ большія способности въ ратномъ дѣлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и звѣрскій характеръ; онъ съ такою жестокостію разорялъ города и села, что русскіе прозвали его Палѣемъ. Въ 1643 году, когда Омеръ-Ага, вождь татарскій, вступилъ въ Украину,—Вишневецкій овладѣлъ его станомъ и освободилъ плѣнныхъ. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году онъ снова разбилъ татаръ подъ Охматовымъ. Нѣчего и говорить, что въ эти оба случая Іеремія не переставалъ свирѣпствовать, такъ, что татары, которые сами не отличались человѣколюбіемъ къ иновѣрцамъ, прозвали князя Іеремію за его жестокости Кючюкъ Шайтаномъ.

Но вотъ стала волноваться Украйна и начала выбиваться изъ подъ ига Польши. Это отпаденіе угрожало князю Іереміи разстройствомъ состоянія,—но онъ, какъ и вся Польша, не думалъ сначала, что изъ этого выйдетъ что нибудь важное, и продолжалъ дѣйствовавь въ прежнемъ духѣ, презирая православный южно-русскій народъ и преслѣдуя схизматиковъ. Первыя дѣйствія малороссійскихъ гетмановъ не сдѣлали большаго вреда князю Іереміи; одного изъ нихъ, Полтора—Кожуха, онъ разбилъ на голову при р. Мерлѣ (харьковской губерніи), разсѣялъ все

---

[18]) Исаія Копинскій въ письмѣ своемъ къ Іереміи какъ бы предсказалъ ему, что домъ и родъ его уничтожится вслѣдствіе отступничества отъ вѣры и нарушенія завѣта матери.

его войско и продолжалъ владычествовать въ своихъ помѣстьяхъ по прежнему, думая силою и строгостію подавить начинавшееся возстаніе. Но вотъ является на сцену Богданъ Хмѣльницкій и роль князя Іереміи постепенно измѣняется. Услышавъ, что русскіе—православныс поселяне стали составлять загоны ([19]), или убѣгать къ Хмѣльницкому,—князь Іеремія собралъ до восьми тысячъ жившихъ въ его владѣніяхъ шляхтичей, пошелъ съ ними усмирять волновавшееся народонаселеніе и жестоко казнилъ всѣхъ попадавшихся ему въ руки. Въ каждомъ городѣ и селѣ ставили на рынкѣ висѣлицы, виновныхъ вѣшали, сажали на колъ, рубили головы ([20]). Воинственный князь не хотѣлъ слышать ни о какихъ сдѣлкахъ съ козаками, сильно негодовалъ на дворянъ, которые думали входить съ ними въ сношеніе, восклицалъ, побрякивая саблею, «вотъ чѣмъ слѣдуетъ удалить козаковъ», и присланныхъ къ нему съ письмомъ отъ Хмѣльницкаго шесть козаковъ велѣлъ посадить на колъ. Свирѣпствуя такимъ образомъ, князь Іеремія подходилъ къ Переяславлю, но услышавъ, что мятежники собираются подъ Лубны, гдѣ было его семейство,—воротился назадъ. Отправивъ семейство въ Вишневецъ, какъ болѣе безопасное мѣсто, кн. Іеремія явился въ Житомиръ, собралъ оставшихся на русской землѣ шляхтичей на сеймикъ, поддержалъ въ нихъ своимъ примѣромъ и убѣжденіями падающій духъ, увеличилъ свой отрядъ новыми охотниками, сдѣлалъ распоряженіе, вмѣстѣ съ кіевскимъ воеводою, о сборѣ съ повѣта на содержаніе войска, а до приведенія этой мѣры въ исполненіе, далъ на военныя издержки нѣсколько тысячъ злотыхъ собственныхъ денегъ.

Между тѣмъ Кривоносъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и лучшихъ сподвижниковъ Хмѣльницкаго, былъ посланъ симъ по-

19) Отдѣльныя шайки.
20) Пам. Кіев. Коммиссіи.

слѣднимъ противъ имѣній князя Іереміи. Свѣдавъ объ этомъ,— князь устремился въ глубь Украйны и громилъ все, что ни попадалось ему. Особенно онъ свирѣпствовалъ въ мѣстечкѣ Погребищѣ, гдѣ жители составили загонъ, мучительно тиранилъ и виновныхъ и невинныхъ, сажалъ на колъ, рубилъ головы, и болѣе всего издѣвался надъ православными священниками, которымъ просверливали буравомъ глаза (21) да еще въ маетности своей Немировѣ, гдѣ жители отказались ему повиноваться. Здѣсь князь Іеремія, когда взялъ Немировъ, былъ въ какомъ-то страшномъ, кровожадномъ изступленіи, самъ присутствовалъ при казняхъ и кричалъ палачамъ: «мучьте ихъ такъ, что бы они чувствовали, что умираютъ!» Немировцамъ вырывали глаза, распинали ихъ, растесывали пополамъ, сажали на колъ, обливали кипяткомъ и, кромѣ того, употребляли такія муки, говоритъ лѣтописецъ, какихъ и поганые не выдумаютъ (22). Наконецъ

---

21) Пам. Кіев. Коммиссіи.

22) Хотя князь Іеремія былъ крутаго нрава, но нельзя допустить, что бы звѣрство, съ которымъ онъ мучилъ православныхъ, прежнихъ своихъ единовѣрцевъ, происходило отъ побужденія собственнаго его сердца, потому что мы видимъ въ немъ многія весьма хорошія душевныя качества. Вѣроятно это было внушеніе іезуитовъ и вообще латинскаго духовенства, которые подстрекали его къ тому религіозными доводами, какъ горячаго поборника католицизма. Католическіе духовные не стѣснялись въ средствахъ къ достиженію своей цѣли, и безъ зазрѣнія совѣсти поощряли войско и правительство къ недостойнымъ поступкамъ и жестокостямъ, прикрываясь усердіемъ и ревностію къ ученію Христа.—Такъ, мы видимъ, было съ казачьимъ гетманомъ Остраницею. Когда разбитые имъ поляки заключили съ нимъ миръ и поклялись на Евангеліи свято сохранять положенные тогда условія,—духовенство, по власти усвоенной ему папою, разрѣшивъ ихъ отъ клятвы, подвигнуло къ гнусно-

князь Іеремія сошелся съ Кривоносомъ, и въ двухъ сраженіяхъ: при Константиновѣ и Росоловцѣ, обманувъ Кривоноса ловкимъ маневромъ, нанесъ ему пораженіе, и можетъ быть попрепятствовалъ бы еще много успѣхамъ козаковъ, но поспѣшилъ обезопасить свое семейство.— Отъ Росоловца Кривоносъ пошелъ на Баръ, взялъ его и произвелъ въ немъ сильное кровопролитіе. Когда вѣсть объ этомъ дошла до князя Іереміи,— онъ пришелъ въ изступленіе, и, въ отмщеніе, казнилъ всѣхъ козаковъ, которые только попались ему тогда въ руки.

Въ Варшавѣ въ это время, по случаю смерти короля Владислава IV, былъ собранъ примасомъ королевства чрезвычайный сеймъ, на которомъ разсуждали о дѣлахъ Украйны, и положено было отправить противъ козаковъ сильное войско. Зная военныя способности князя Іереміи,—нѣкоторые съ жаромъ предлагали отдать ему начальство надъ этимъ ополченіемъ, но большинство воспротивилось. Магнаты не любили князя Іеремію за раздражительность и высокомѣріе: онъ не терпѣлъ равнаго себѣ, никого не хотѣлъ ни о чемъ просить, никому не уступалъ, а если

му поступку — предательски захватить довѣрчиваго гетмана, и наконецъ въ Варшавѣ само духовенство, въ большомъ числѣ, торжественно открывало шествіе Остраницы и другихъ захваченныхъ съ нимъ казаковъ къ мѣсту казни, совершенной съ такою лютостію и безчеловѣчностію, что едва ли найдется много подобныхъ примѣровъ въ исторіи самыхъ грубыхъ, дикихъ народовъ. У однихъ изъ козаковъ, переломавъ руки и ноги, тянули по колесу жилы, другихъ, пробивъ на сквозь желѣзными спицами, подняли живыхъ на сваи, третьихъ прибили гвоздями стоячихъ къ доскамъ, облитымъ смолою и сожгли на медленномъ огнѣ, четвертыхъ разтерзали желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу, пятыхъ четвертовали. Женамъ страдальцевъ отрѣзывали груди и били ими по лицамъ еще живыхъ мужей, а потомъ и самихъ умертвили, дѣтей же пожгли въ виду отцовъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ. (Ист. Мал. рос. Бантышъ Каменскаго).

и дѣлалъ это,—то съ явнымъ презрѣніемъ къ тому, кому уступалъ. При томъ же русскіе ненавидѣли его болѣе всѣхъ, и даже Хмѣльницкій въ письмѣ къ Киселю, одному изъ тогдашнихъ воеводъ, прямо указывалъ на князя Іеремію, какъ на виновника войны, побудившаго къ тому козаковъ своими самовольными и звѣрскими поступками,—а потому если бы онъ командовалъ войскомъ,—то нельзя было надѣяться на скорое прекращеніе народныхъ волненій.—Начальство надъ отправляемымъ ополченіемъ поручено было Доминику-князю Заславскому, Конецпольскому и Остророгу; они сошлись съ непріятелемъ, въ Августѣ 1648 года, у Пилявы.

Сначала князь Іеремія, обиженный сеймомъ, хотѣлъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ войны, но, услышавъ о новыхъ грабежахъ козаковъ, не выдержалъ, собралъ собственнаго войска до двѣнадцати тысячъ и сталъ лагеремъ не вдалекѣ отъ войска Доминика. Здѣсь воинственный князь старался всѣми силами подвигнуть поляковъ къ битвѣ, и этотъ совѣтъ былъ весьма благоразуменъ: у нихъ было тогда довольно силы, чтобъ побѣдить Хмѣльницкаго, медлившаго начать военныя дѣйствія до прибытія татаръ, къ которымъ онъ обратился за помощію. Но и тутъ недоброжелательство къ князю Іереміи заставило полководцевъ не послушаться его совѣта. Хмѣльницкій хитрилъ, тянулъ время въ переговорахъ, а между тѣмъ стали татары подходить къ нему. Услышавъ о татарскихъ силахъ въ преувеличенномъ видѣ, Доминикъ съ войскомъ обратился въ бѣгство; козаки ихъ преслѣдовали съ ожесточеніемъ, множество перебили и взяли весь польскій лагерь. Князь Іеремія, извѣстившись о бѣгствѣ польскаго войска, пришелъ въ страшное негодованіе; старался поправить дѣло, останавливалъ бѣгущихъ шляхтичей просьбами, подарками и даже угрозами, мужественно отбиваясь въ тоже время отъ козаковъ, но, за всѣми стараніями, не могъ ничего сдѣлать: силы

его были весьма незначительны, чтобы противустать непріятелю. Видя это князь Іеремія послѣдовалъ за войскомъ Доминика во Львовъ. Здѣсь онъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія къ охраненію этого города и поспѣшилъ въ Варшаву.

На сеймѣ, въ концѣ 1648 г., князь Іеремія былъ наконецъ выбранъ региментаремъ (главнокомандующимъ), но, послѣ торжественнаго коронованія новаго короля Іоанна Казиміра, былъ собранъ другой сеймъ, на которомъ снова разсуждали о дѣлахъ Малороссіи и кому поручить начальство надъ войскомъ. Король не любилъ князя Іеремію еще принцемъ и былъ недоволенъ имъ за то, что онъ на выборахъ держалъ сторону не его, а Ракочи, придворные тоже вооружились противъ князя, а къ этому распространились невыгодные о немъ слухи, будто бы онъ находится въ сношеніяхъ съ венгерцами, что, по тогдашнему положенію, было весьма вредно Польшѣ. Все это было причиною, что князя Іеремію отстранили отъ званія главнокомандующаго. Предлагали другихъ начальниковъ, но паны не согласились,—а потому самъ король принялъ начальство, назначивъ себѣ помощниками: Фирлея, Ланскоронскаго и Остророга.

Какъ безпорядки въ Украйнѣ все болѣе распространялись,—то король отправилъ туда войско, подъ командою Фирлея и двухъ его товарищей. Князь Іеремія, обиженный сеймомъ, вновь хотѣлъ удалиться отъ театра войны, но опять не выдержала его пылкая натура. Онъ снова собралъ на свой счетъ войско и явился въ польскомъ лагерѣ.

Поляки встрѣтились съ непріятелемъ у Збаража. Какъ ихъ было менѣе козаковъ и татаръ, пришедшихъ съ ханомъ на помощь къ Хмѣльницкому,—то поляки, по совѣту князя Іеремiи, окопались близь города землянымъ валомъ, чтобы вести оборонительную войну. 12 Іюля 1649 г. начался приступъ. Козаки и татары нападали съ неистовствомъ и уже ворвались въ окопы;

поляки потеряли духъ, говорили, что имъ невозможно сражаться противъ такого множества непріятеля и думали бѣжать и запереться въ збаражскомъ замкѣ. Это было бы ихъ конечною гибелью. Князь Іеремія убѣдилъ войско остаться въ окопахъ, съ толпою отважныхъ кинулся на непріятеля и отбилъ приступъ съ большимъ урономъ для наступавшихъ. Тогда Хмѣльницкій рѣшился обложить поляковъ, томить ихъ безпрестанною пальбою и морить голодомъ, козаки сдѣлали вокругъ вала, которымъ окружили себя поляки, другой валъ, поставили на него пушки и стали громить поляковъ; положеніе послѣднихъ становилось ужаснѣе день ото дня: не доставало пороха, потрескалось отъ частой пальбы огнестрѣльное орудіе, не доставало ни инженеровъ, ни артиллеристовъ, и вскорѣ открылся голодъ, — ѣли падаль, кошекъ, собакъ, мышей, а когда и этого не достало, начали ѣсть кожу отъ возовъ и обувь ([23]); даже напиться нельзя было чистой воды, козаки бросали въ нее трупы, чтобы испортить. Ко всему этому удушье отъ лѣтняго жара, тѣснота и смрадъ отъ мертвыхъ тѣлъ дѣлали положеніе осажденныхъ невыносимымъ. Ропотъ въ польскомъ войскѣ возрасталъ всё болѣе и болѣе, начались перебѣги къ козакамъ, стали неотступно кричать въ толпѣ, что нужно бросить окопы и запереться въ замкѣ; а между тѣмъ козаки не переставали дѣлать нападенія и открывать по временамъ убійственную канонаду. Весь лагеръ польскій былъ въ ужасномъ страхѣ, одинъ только князь Іеремія не падалъ духомъ, заохачивалъ жолнѣровъ къ бою, удерживалъ войско въ окопахъ и разными выдумками обманывалъ его, что король идетъ къ нимъ

[23]) Хотя оставалось еще нѣсколько жизненныхъ припасовъ, которыми могли бы продовольствоваться главные начальники отряда, но князь Іеремія и многіе другіе отказались отъ нихъ, и ѣли ту же пищу, которою питалось прочее войско.—Такъ, напримѣръ, князь Іеремія ѣлъ супъ изъ мышей.

на выручку (24). Въ такомъ положеніи пробыли поляки почти сорокъ дней и, къ чести своей, или лучше сказать князя Іереміи, не сдались. Заключенный королемъ съ Хмѣльницкимъ и крымцами миръ при Зборовѣ освободилъ ихъ.

Въ концѣ Ноября 1649 г. князь Іеремія прибылъ въ Варшаву. Народъ встрѣтилъ его съ восторженными рукоплесканіями и почестями, какими пользовались только короли, католическое духовенство всенародно благодарило его отъ лица церкви, разсказы о воинскихъ подвигахъ князя переносились изъ устъ въ уста... Однимъ словомъ, князь Іеремія сдѣлался народнымъ героемъ, къ неудовольствію короля и придворныхъ.

Между тѣмъ статьи зборовскаго договора нужно было приводить въ исполненіе. Хотя этотъ миръ былъ заключенъ съ козаками побѣжденнымъ королемъ, слѣдовательно съ большими невыгодами для Польши, но, за всѣмъ тѣмъ, зборовскій договоръ произвелъ въ простомъ народѣ неудовольствія. По договору этому простой народъ долженъ былъ оставаться въ зависимости отъ прежнихъ владѣльцевъ и обязанъ былъ на нихъ работать, что простому народу крѣпко не нравилось и онъ отказывался отъ повиновенія панамъ, а паны, стараясь удержать за собою власть, стали жаловаться, и многіе, не видя удовлетворенія своимъ претензіямъ, начали приводить войска и водворять въ своихъ помѣстьяхъ порядокъ вооруженною рукою. При чемъ не забывали вымѣщать надъ народомъ обиды за прежнія ихъ оскорбленія и стали тиранить ихъ. Особенно князь Іеремія и родственникъ его Конец-

---

24) Король дѣйствительно шелъ съ войскомъ, но онъ не зналъ о состояніи отряда, находившагося подъ Збаражемъ. Козаки зорко сторожили поляковъ и всѣ посылаемые изъ збаражскаго лагеря гонцы попадались имъ въ руки. Одинъ только послѣдній посланникъ удачно проползъ изъ збаражскаго лагеря и принесъ королю объ немъ вѣсть.

польскій, злѣйшіе враги козаковъ, мучили своихъ подвластныхъ.— Эти обстоятельства и вѣроломство польскихъ войскъ, посланныхъ королемъ къ Каменцу-Подольскому, подъ начальствомъ Потоцкаго, ([25]) который сталъ самоуправно наказывать безчеловѣчнымъ образомъ подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ крестьянъ,—произвели сильное негодованіе въ Украйнѣ и были причиною новой войны. Хмѣльницкій вновь вызвалъ татаръ и ополчился. Король собралъ противъ козаковъ посполитое рушенье и выступилъ въ походъ. На этотъ разъ походъ былъ удаченъ. Королевскіе войска сошлись съ непріятелемъ подъ Берестечкомъ и, 29 Іюня 1651 г, одержали совершенную побѣду. Татары измѣнили козакамъ и ушли съ поля битвы, Хмѣльницкій послѣдовалъ за ними, чтобы уговорить хана возвратиться, и былъ имъ задержанъ, а войско его, оставшееся безъ предводителя, разсѣялось Честь этой побѣды польскихъ войскъ принадлежитъ исключительно князю Іереміи,— онъ два раза разрушилъ планы Хмѣльницкаго, хотѣвшаго раздвоить польскія силы, первый началъ битву и, врѣзавшись въ средину непріятеля, своею храбростію воодушевилъ поляковъ и нанесъ пораженіе козакамъ.

По окончаніи генеральнаго сраженія,—князь Іеремія и Кали-

---

25) Польскія войска, посланныя подъ начальствомъ Потоцкаго для наблюденія за дѣйствіями казаковъ, стали дѣлать нападенія на поселянъ, подъ видомъ укрощенія бунтующихъ, а Потоцкій многихъ, подозрѣваемыхъ въ мнимой измѣнѣ, сталъ немилосердно наказывать. Несчастныхъ четвертовали, сажали на колъ, а избѣгшихъ смерти калечили безчеловѣчнымъ образомъ: однимъ отрубали руки, другимъ руки и ноги, третьимъ обрѣзывали носы и уши и вырывали глаза.... Толпа этихъ страшно—изуродованыхъ калекъ притащилась въ Чигиринъ къ Хмѣльницкому, громко вопія о мщеніи, и произвела въ козакахъ страшное негодованіе на поляковъ. Козаки гремѣли саблями и кричали: кара клятво—преступникамъ.

новскій были отправляемы королемъ для преслѣдованія непріятелей. Бѣдные козаки, убѣжавъ изъ подъ Берестечка, скитались по лѣсамъ, питаясь корнями и травою.... Калиновскій привелъ много плѣнныхъ изъ нихъ, но князь Іеремія не бралъ въ плѣнъ, а истреблялъ всѣхъ попадавшихся ему козаковъ безъ пощады. Въ одномъ мѣстѣ онъ захватилъ такихъ несчастныхъ скитальцевъ до трехъ тысячъ человѣкъ, изувѣченныхъ, полуживыхъ и всѣхъ ихъ велѣлъ добить. [26] Это былъ послѣдній воинскій и послѣдній звѣрскій поступокъ въ жизни князя. Посланный вмѣстѣ съ Потоцкимъ прекратить въ Украйнѣ возстаніе,— князь Іеремія внезапно заболѣлъ и 16 Августа 1651 г. умеръ на стоянкѣ, въ Паволочи.

Смерть князя Іереміи причинила большую скорьбъ всему польскому войску.— И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ храбрый, мужественный и великолѣпный полководецъ, въ чемъ отдаютъ ему справедливость и поляки и русскіе, и при томъ рьяный приверженецъ польской Рѣчи Посполитой. Когда несчастія подрывали составъ польскаго государства,—онъ съ горестью восклицалъ «Господи спаси отечество!» и жертвовалъ своимъ достояніемъ на поддержку государственной власти. Положимъ, что онъ, какъ человѣкъ съ большимъ умомъ, ясно видѣлъ, что богатство его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе, которымъ онъ пользовался, зависѣли отъ цѣлости состава польскаго королевства, потому что съ отторженіемъ волновавшейся страны, онъ терялъ все свое достояніе (что и случилось), но все же смѣлыя его дѣйствія, въ ущербъ своему состоянію, какъ наприм. сформированіе на свой счетъ войскъ и денежныя ссуды на военныя дѣйствія, явно говорятъ въ его пользу. Другіе магнаты, имѣвшіе также имѣнія въ Украйнѣ, не дѣлали такихъ пожертвованій, но за то русскіе были

---

[26]) Богданъ Хмѣльницкій Н. Костомарова.

въ восторгѣ, получивъ вѣсть о его смерти. Это былъ страшный бичъ для православныхъ: они смотрѣли на него какъ на отщепенца и съ омерзеніемъ произносили его имя. Дѣйствительно, неистовства, съ которыми князь Іеремія мучилъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, не могутъ оправдаться никакими его заслугами, ни обстоятельствами, и названіе кровожаднаго тирана заклеймило навсегда память объ этомъ человѣкѣ, который, при другомъ воспитаніи, могъ бы быть истиннымъ и уважаемымъ героемъ своего времени.

Тѣло князя Іеремiи, при звукѣ трубъ и залпѣ изъ пушекъ и ружей всего войска, было отправлено въ Вишневецъ, гдѣ похоронены его предки. Вѣрная дружина князя провожала гробъ его. Хорунжій, въ знакъ послѣдней чести, держалъ опущенное знамя, а предводители шли съ непокрытыми головами ([27]).

Отъ князя Іеремiи остался одинъ только сынъ Михаилъ, прижитый имъ, въ 1638 году, отъ супруги его Гризельды, дочери короннаго канцлера Ѳомы Замойскаго, (который впослѣдствіи царствовалъ въ Польшѣ). По смерти отца Михаилъ остался почти въ нищетѣ, потому, что всѣ имѣнія князя отошли съ Украйной отъ польскаго королевства. Участіе въ молодомъ князѣ приняли: королева Людовика-Марія, супруга Іоанна Казиміра и королевскій братъ Іоаннъ-Албертъ, епископъ брацлавскій и плоцкій. Они дали ему приличное воспитаніе въ высшихъ заграничныхъ училищахъ и, кромѣ того, королева, умирая, завѣщала ему по шести тысячъ злотыхъ ежегодной пенсіи.

Князь Михаилъ провелъ свою юность въ Вѣнѣ, занимаясь науками и изученіемъ языковъ. Онъ былъ большой лингвистъ, особенно по тогдашнему времени, зналъ языки: польскій, русскій, турецкій, латинскій, нѣмецкій, италіанскій и французскій.

---

[27]) Богданъ Хмѣльницкій Н. Костомарова.

Неизвѣстно какое онъ имѣлъ намѣреніе насчетъ своей будущей жизни, судя же по тогдашнимъ обстоятельствамъ, ему предстояла незавидная карьера, какъ человѣку безъ состоянія. Вдругъ счастіе вздумало неожиданно еще разъ блеснуть этому гордому дому самой привѣтливой улыбкой, какъ умирающему предъ самымъ концемъ жизни.

Король Іоаннъ-Казимиръ, наскучивъ своевольствомъ магнатовъ, отказался отъ престола. Явилось много претендентовъ на корону и народъ польскій, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, раздѣлился на партіи. Главную партію составляли Пражмовскій, архіепископъ гнѣзнѣнскій, примасъ королевства и Іоаннъ Собѣскій, гетманъ коронный съ своими приверженцами.— Они хотѣли возвести на польскій престолъ французскаго принца Конде, и эта партія имѣла уже перевѣсъ, потому, что ей покровительствовало французское правительство, но противная партія, боясь, чтобы не дать первенства французской, которая со вступленіемъ на престолъ принца Конде значительно усилилась бы, старалась развить мысль, что гораздо лучше, вмѣсто иностранца, выбрать своего законнаго государя изъ древнихъ фамилій, происходящихъ отъ владѣтельныхъ князей. Мысль эта нашла много приверженцевъ, начались на сеймѣ совѣщанія, но долго не соглашались избиратели въ назначеніи короля, потому что, выбирая кого либо изъ бывшихъ въ то время магнатовъ,— другіе боялись, въ ущербъ себѣ, возвышенія родныхъ и близкихъ пріятелей избираемаго, а нѣкоторые даже опалы, такъ какъ польскіе вельможи были большею частію въ постоянныхъ между собою ссорахъ. Среди такихъ недоразумѣній былъ неожиданно предложенъ въ короли князь Михаилъ Корибутъ-Вишневецкій. Кроткій, добродушный князь, жившій вдалекѣ отъ двора и неимѣвшій ни друзей, ни враговъ, показался магнатамъ и дворянству всего удобнѣе для избранія; ни одна партія

чрезъ этотъ выборъ не выигривала и не проигривала на счетъ другой. Князь Михаилъ нисколько не помышлялъ объ этомъ и даже наканунѣ не зналъ о своемъ избраніи. Неожиданное счастіе сильно его встревожило; онъ какъ бы предчувствовалъ, что съ предлагаемымъ ему почетнымъ титуломъ сопряжены его будущія несчастія, и со слезами на глазахъ просилъ, чтобы *мимо прошла эта чаша*,—но чаша не прошла.—Онъ былъ возведенъ на престолъ 7 іюля 1669 г., а 29 сентября коронованъ въ Краковѣ.

Четырехлѣтнее царствованіе Михаила было безпрерывною цѣпью неудачъ и огорченій. Во первыхъ французская партія, все еще остававшаяся весьма сильною, не переставала недоброжелательствовать ему и даже главные члены этой партіи примасъ и гетманъ коронный покушались свергнуть его съ престола: для защиты короля, дворянство составило конфедерацію и дѣло доходило до междоусобія, которое едва успѣли отклонить; а во вторыхъ въ тоже почти время послѣдовалъ разрывъ съ турками,—они ворвались въ Польшу, взяли Каменецъ-Подольскъ и угрожали Чермной Руси. Король принужденъ былъ заключить съ турками унизительный миръ при Богучавѣ, но Собѣскій убѣдилъ государственныхъ чиновъ отвергнуть этотъ миръ. Начали дѣятельно вооружаться. Король самъ отправился къ войску, но на пути скончался во Львовѣ 10 Ноября 1673 года, на тридцать пятомъ году отъ рожденія. О смерти его говорили различно: одни утверждали, что его отравили, а другіе говорили, что онъ умеръ отъ невоздержности въ пищѣ.

Несчастіе преслѣдовало этого короля и въ семейной жизни. 15 марта 1670 года онъ женился на Елеонорѣ Австрійской, дочери императора Фердинанда III, но она не взлюбила его и вслѣдствіе какихъ-то семейныхъ распрей, вскорѣ послѣ вѣнца, уѣхала и уже не возвращалась къ мужу; неизвѣстно, что по-

будило Елеонору къ этому поступку. Послѣ Михаила не осталось никакого потомства.

Такъ пресѣклась самая знаменитая отрасль князей Корибутовъ-Вишневецкихъ и какъ бы дѣйствительно сбылось на ней предсказаніе м. Копинскаго, пророчившаго князю Іереміи уничтоженіе его дома за отступничество отъ заклинанія умиравшей матери. Копинскій, убѣждая князя возвратиться къ религіи предковъ, напомнилъ ему, что клятва матери выкореняетъ домы.

Оставалась еще вторая линія рода князей Корибутовъ-Вишневецкихъ, но и она не долго пережила первую. Со смертію князя Михаила воеводы виленскаго, канцлера и великаго гетмана литовскаго, скончавшагося бездѣтнымъ въ 1744 году, и эта линія прекратилась.

Изъ этой послѣдней отрасли рода князей Корибутовъ-Вишневецкихъ болѣе замѣчательны два брата Адамъ и Константинъ, внучатные дяди князя Іереміи, игравшіе важныя роли въ исторіи русскихъ самозванцевъ. Въ домѣ князя Адама, въ мѣстечкѣ Брагинѣ, служилъ Отрепьевъ и впервые выдалъ себя за царевича Дмитрія. Князь Адамъ, вѣроятно съ цѣлію возвыситься, призналъ его царевичемъ и представилъ брату своему Константину. Въ 1608 году, послѣ гибели Отрепьева, князь привелъ двѣ тысячи всадниковъ въ Орелъ на помощь второму Лжедимитрію и, вмѣстѣ съ княземъ Рожинскимъ, опустошалъ Россію. Годъ его смерти неизвѣстенъ. Братъ князя Адама—Константинъ былъ самымъ ревностнымъ заступникомъ за перваго самозванца,—онъ познакомилъ его съ тестемъ своимъ Юріемъ Мнишкомъ, воеводою сандомірскимъ, собралъ вольницу и слѣдовалъ за нимъ въ Россію. Когда Отрепьевъ погибъ и

(28) Письмо м. Копинскаго къ Іереміи Кор. Вишнев. Смотри кн. I. От. I. № 4.

московскіе жители бросились на домы, занимаемые поляками,— князь Константинъ упорно защищался и сдался уже тогда, когда подвезли пушки къ тому дому, гдѣ онъ жилъ. Его отправили въ Кострому, откуда освободившись, онъ вторично привелъ изъ Польши отрядъ войска и дѣйствовалъ съ нимъ при осадѣ Сапѣгою Сергіевской Лавры и, впослѣдствіи, въ походѣ на Россію королевича Владислава. Князь Константинъ умеръ въ 1544 году, 78 лѣтъ отъ роду.

По пресѣченіи этой линіи князей Корибутовъ-Вишневецкихъ родовыя имѣнія и капиталы ихъ перешли въ родъ, существующихъ и нынѣ, родственниковъ ихъ по женской линіи— Мнишковъ.

С. Ступишинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ семъ отдѣлѣ, въ концѣ статьи г. Кулиша «Паденіе шляхетскаго господства въ Украйнѣ и проч.», гдѣ говорится, *что жиду стоило только выкреститься, что бы быть шляхтичемъ*, пропущено слѣдующее подстрочное примѣчаніе:

Czacki, *O Żydach i Karaitach*, wyd. K. S. Turowskiego, str. 54. См. также Литовскій Статутъ, разд. 7, арт. 16. Указывая на это право, Чацкій дѣлаетъ между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: «Żydzi trzymając arendy w południowych prowincyach, nękali chłopów, i przyłożyli się do tego powstania, które wstydem i smutkiem naszych naddziadów okryło».

ОБРАЗЧИКЪ
МЕЖДУ-НАРОДНАГО
МИРОЛЮБІЯ и ПРАВДОЛЮБІЯ ПОЛЯКОВЪ.

(Отвѣтъ Львовской „Народной Газетѣ“)

Современно демонстраціямъ уличнымъ, польскіе публицисты, этнографы и даже бельлетристы пустили въ ходъ демонстраціи литературныя. Читая эти брошюры, журнальныя выходки, протесты, не знаешь, чему болѣе удивляться: злонамѣренному ли искаженію исторической правды, нелѣпости ли воззрѣній, безсильной запальчивости тенденцій, легковѣрію ли *своихъ людей*, которые принимаютъ всякій фальшивый грошъ польскій за ходячую монету, самую нелѣпую клевету на Россію — за «фактъ совершившійся». Изданіе наше сдѣлало, между прочимъ, своею задачею казнить эти клеветы, защитить исторію юго-западной и западной Россіи отъ этого невѣжественнаго либо злонамѣреннаго искаженія, ловить на лету всякій фальшивый звукъ враговъ русской народности и православія и заглушать его полнымъ аккордомъ громогласной истины. Сюжетовъ и побужденій для подобной дѣятельности накопилось, въ послѣднее время, немало. Враги наши такъ наивны, что сами помогаютъ нашей работѣ,— поминутно предлагая темы для національно-религіозной съ ними полемики: этого мало,— въ запальчивости своей, они такъ неосторожно выставляютъ наружу слабыя стороны своихъ воззрѣній,

протестовъ и тенденцій, что поражать ихъ было бы жалко, еслибы не было необходимо.

И теперь мы затрудняемся выборомъ клеветы, напрашивающейся на обличеніе. Ихъ такъ много, всѣ онѣ такъ жалки и несостоятельны, такъ злостны и коварны,— и всѣ онѣ на очереди. Не имѣя возможности говорить обо всемъ вдругъ, обратимъ въ настоящій моментъ вниманіе хоть на тотъ бредъ, который мерещится «Народной Газетѣ» (Narodowa Gazeta) львовской, при поднятіи международныхъ славянскихъ вопросовъ. Этотъ бредъ, при всей своей фантастичности, предпочли мы въ настоящемъ разѣ другимъ бреднямъ и потому еще, что въ немъ сгруппированы всѣ почти коренныя нелѣпости, которыми польскіе писатели-патріоты хотятъ ввести въ заблужденіе невѣжество либо легковѣріе своихъ ближнихъ и явственно обозначены ихъ принципы, тенденціи и пріемы полемическіе,

«Мы (поляки), говоритъ Народная Газета (№ 4. 1862 г.), желаемъ русинамъ тогоже, чего и себѣ,—возврата всѣхъ вообще давнихъ правъ гражданскихъ и дворянскихъ, какія имѣла шляхта польская, русская и литовская.» Заявивъ это невинное желаніе, Газета, какъ то неловко и неохотно, прибавляетъ: «это желаніе простирается не на однихъ дворянъ, но и на весь народъ... который живетъ *на польской землѣ*».

Любопытно было бы знать тотъ актъ, на основаніи котораго Народная Газета называетъ землю русскую землею польскою и ту связь, въ какой состоитъ воскрешеніе правъ шляхты съ воскрешеніемъ правъ не шляхты.

Но такъ какъ Народная Газета видимо уклоняется отъ бесѣды съ людьми развитыми, такъ какъ она разсчитываетъ на невѣжество массы— или что тоже хочетъ ловить рыбу въ мутной водѣ, такъ какъ она, говорю, обращается только къ русинамъ, разумѣя, конечно, подъ этимъ названіемъ простолюдье руси-

ское: то мы предоставляемъ сему послѣднему случай отвѣчать самому за себя на призывъ Народной Газеты, предполагая въ развитыхъ нѣсколько русинахъ хоть общее понятіе о своемъ прошедшемъ. Чтожъ отвѣтятъ русины на льстивыя предложенія поляковъ, заявленныя Народною Газетою? Мы думаемъ, что они отвѣтятъ имъ такъ: «Вы уже слишкомъ считаете насъ простодушными, когда хотите увѣрить, что земля, на которой мы живемъ,— земля польская. Нужно не имѣть ни стыда, ни сознанія, чтобы возвыситься, или точнѣй—унизиться, до подобнаго посягательства на чужую собственность, и при томъ такъ гласно. Землю, которую вы называете такъ безцеремонно своею, исторія застала уже населенною тѣми самыми племенами славянскими, которыя живутъ на ней и теперь, за исключеніемъ горсти пришельцевъ. Была, правда, несчастная историческая минута, когда земля эта, или точнѣй ея обитатели, стонали подъ игомъ деспотизма вашихъ предковъ; была минута, когда сѣверовосточные братья славянъ, стѣсненные порабащеніемъ монгольскимъ, немогли защитить отъ вашего насилія своихъ юго-западныхъ собратій; но эта страшная минута давно пролетѣла. Благодаримъ Провидѣніе, что она пролетѣла и молимъ Его, чтобъ она не возвращалась! Въ теченіи этой минуты предки ваши успѣли записать въ нашей исторіи много кровавыхъ страницъ, длинную вереницу насилій, своеволія, попранія правъ божескихъ и человѣческихъ. Потомъ Провидѣнію было угодно, чтобы разрозненные на время братья снова бросились въ объятья другъ друга, чтобы никогда уже не разставались на зло мнимымъ друзьямъ и явнымъ врагамъ, желающимъ поселить въ семьѣ русской разладъ и отчужденіе. И ужели потому только, что Литва, либо Польша, либо та и другая въ *уніи*, своевольничали на чужой территоріи хуже монголовъ, въ теченіи нѣкотораго времени, поляки могутъ, не краснѣя, называть эту территорію своею? Ужели человѣкъ,

присвоившій себѣ чужую вещь, по оплошности ея хозяина, и продержавши эту вещь у себя нѣсколько дней, имѣетъ право въ смыслѣ территоріальномъ считать ее своею! Говоримъ: *присвоившій*, и нисколько не винимся въ неточности эпитета: всему свѣту извѣстно, что Польша вкралась въ земли русскія, какъ карманщикъ, что она овладѣла ими путемъ захвата, во время историческаго пожара и славянской летаргіи,—овладѣла даже не по праву завоевателя. Говоримъ: *нѣсколько дней*, и еще менѣе винимся въ невѣрности сравненія: что въ жизни человѣческой день, то въ жизни народа годъ, а въ жизни человѣчества вѣкъ. Если же поляки смѣютъ называть землю русскую своею потому только, что владѣли ею по праву *захвата*, то не большее ли право имѣемъ называть ее своею мы, владѣющіе ею по праву *возврата* или отобранія нашей собственности у похитителей? Мы думаемъ, что татары большее имѣютъ право называть сѣверовосточную Русь своею, нежели поляки—югозападную: первые по крайней мѣрѣ владѣли ею по праву завоевателей. Даже Польши мы не называемъ—своею, хоть имѣемъ права на это присвоеніе болѣе ясныя, чѣмъ права поляковъ на присвоеніе земли нашей —и прежде и теперь. Поэтому мы бы совѣтовали полякамъ перемѣнить свои химерическія претензіи на умѣнье пользоваться гостепріимствомъ народа, завѣщаннымъ ему его предками. Неумѣнье имъ пользоваться можетъ кончиться хуже, чѣмъ неумѣнье владѣть народомъ. Есть предѣлъ и славянскому гостепріимству и великодушію; есть черта, за которою незлобіе и снисхожденіе обращаются въ самоубійство. Не умѣетъ пришлецъ или ренегатъ ужиться на чужой почвѣ, среди чуждой семьи, будетъ метаться во всѣ стороны, чтобы *насолить* хозяину, будетъ своими капризами, притязаніями, вредными затѣями нарушать покой семьи гостепріимной, и ему могутъ, пожалуй, *указать двери*. И это будетъ самая велико-

душная мѣра—выжить изъ дому безпокойнаго сосѣда. Есть, повторимъ снова, предѣлъ и славянскому гостепріимству и великодушію.

Еще забавнѣе для насъ русиновъ права, которыя сулятъ намъ добродушные поляки. Какія, въ самомъ дѣлѣ, это права, позвольте спросить васъ, господа поляки? Вы ясно отвѣчаете: прежнія (dawne). Если такъ, то благодаримъ вамъ покорно за эти права! Права эти на нашемъ языкѣ называются самоправствомъ шляхты, поглощавшимъ всякое право — холопа, правомъ шляхтича надъ холопомъ, равносильнымъ праву человѣка надъ собственнымъ животнымъ или вещію, механика—надъ машиной, —правомъ пана надъ свободой, совѣстью, дѣятельностью, собственностью и жизнію холопа. Вотъ тѣ давнія права, къ воскресенію которыхъ призываете вы насъ. Трактовать о нихъ тоже, что трактовать о правахъ неодушевленнаго предмета, или, пожалуй, о правахъ темничнаго узника, связаннаго по рукамъ и ногамъ. Еще разъ благодаримъ покорно за эти права.

Ужъ нѣтъ ли тутъ какого либо недоразумѣнія? Быть можетъ вы, гг. поляки, не то хотѣли сказать,—вмѣсто давнихъ правъ обѣщаете новыя? Еслибъ даже и такъ, то мы вамъ что то плохо вѣримъ. «Ожгешься на молокѣ, будешь дуть и на воду» ([1]). У насъ еще осталось настолько памяти, чтобы не забыть нашего прошедшаго и настолько самосохраненія, чтобы не желать повторенія этого прошедшаго въ будущемъ. Да и зачѣмъ намъ пускаться въ глубь прошедшаго, гадать о будущемъ, когда и настоящее говоритъ намъ весьма наглядно, что вы также не можете измѣнить своихъ къ намъ отношеній, какъ рысь неможетъ измѣнить своей пестроты и негръ—кожи.

---

[1]) Читатель долженъ быть снисходительнымъ къ попадающимся здѣсь популярностямъ; это вѣдь говорятъ русины.

Подъ чужимъ правительствомъ, на чужой землѣ, при ослабленномъ владычествѣ вашемъ надъ нами,—что вы даете намъ? Живя нами, вы живете для самихъ себя. Получая отъ насъ все, вы не удѣляете намъ почти ничего. На обѣщанія только не скупится ([2]) ваша братія, вѣрная своей пословицѣ: czego nie kupuję, tego nie żałuję, а на дѣлѣ—таже давняя спѣсь, доходящая до самообожанія, таже прессировка всякаго, кто послабѣе, таже ненависть—явная или скрытная—ко всему русскому и православному,—словомъ тѣже доблести предковъ, съ прибавкою новаго чувства безсильной зависти къ тому благополучію и человѣчности, какія даровалъ недавно великодушнѣйшій изъ славянскихъ повелителей меньшей своей о Христѣ братіи.

Развивая далѣе нить своихъ желаній, великодушная Народная Газета сулитъ «всякому уѣзду, всякой области свои сеймики (sejmiki), избирательные суды и управы, употребленіе въ школахъ и во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ того языка, какой будетъ избранъ большинствомъ жителей,» словомъ обѣщаетъ «самостоятельное гражданское развитіе каждой страны» съ тѣмъ только маленькимъ условіемъ, чтобы всѣ эти области составляли одно цѣлое, одно семейство подъ однимъ общимъ сеймомъ и правительствомъ», или что тоже, чтобы эти сеймики—прибавимъ отъ себя—поглотить въ сеймѣ, какъ каплю въ морѣ.

Вы желаете знать, гдѣ русины найдутъ это эльдорадо, это свободное развитіе? «Народная газета такъ откровенна, что не желаетъ мучить васъ сомнѣніемъ,—она прямо говоритъ,

---

[2]) И эти обѣщанія далеко не двусмысленны. Цѣль ихъ навербовать возможно большую партію сочувствующихъ польскимъ интересамъ, поселить недовольство настоящимъ, побудить къ разъединенію славянскихъ племенъ, обѣщая тѣмъ кто поближе несбыточное будущее,—какъ это будетъ раскрыто ниже.

что «русинъ всего легче можетъ осуществить эти надежды въ единеніи съ Польшею».

Любуясь картиной этого блаженства русиновъ подъ польскимъ правленіемъ и варшавскимъ сеймомъ, невольно вспомнишь одно мѣсто изъ божественнаго Евангелія. Однажды, такъ говоритъ это мѣсто, искуситель поставилъ Богочеловѣка на высокой горѣ и сказалъ Ему: все, что Ты видишь отсюда, всѣ блага міра, я отдамъ Тебѣ, только лишь поклонись мнѣ. Не подобную ли роль бѣса—искусителя разыгриваетъ предъ русинами Народная Газета? Не обѣщаетъ ли она также того, чего дать не можетъ?—Не сулитъ ли она русинамъ всѣхъ благъ подъ условіемъ только удовлетворенія тщеславію и гордымъ замысламъ поляковъ? Но мы опять взялись за чужое дѣло; пусть русины отвѣчаютъ сами за себя.

«Знаемъ мы, скажутъ, навѣрно, русины, ваши сеймы и сеймики, вашу свободу языка! Ваши сеймики—это столкновеніе шляхетскихъ самолюбій, это арена, на которой сражались панскія партіи, для рѣшенія только вопроса: чья возметъ. На этихъ сеймикахъ полагались сѣмена конфедерацій, заѣздовъ (³), будущихъ насилій, пожаровъ, междоусобицъ, волненій, притѣсненій. Не рѣдко, во время самыхъ сеймиковъ, бурный говоръ польской шляхты, задобренной и раскураженной горѣлкой милостивыхъ пановъ, смѣнялся звуками оружія, кровопролитіемъ. Само собою, что на этихъ сеймикахъ или въ результатѣ ихъ, всего больше доставалось бѣднымъ холопамъ, какъ силѣ мате-

---

³) Заѣзды—это нападенія (большею частію безпричинныя, во-время ночи) одного магната на домъ другаго. Одинъ изъ такихъ образчиковъ разбойничьяго самоправства довольно вѣрно схваченъ съ натуры въ «Тадеушѣ» Мицкевича, но картина эта вышла бы еще эффектнѣй, если бы писалъ ее не полякъ патріотъ, желающій скрыть болѣе рѣзкія черты.

ріальной, какъ причинѣ орудной къ осуществленію панскихъ намѣреній. Имущество и жизнь беззащитныхъ хлоповъ были ни почемъ для пана, когда ему хотѣлось пересилить сосѣда, составить конфедерацію, сдѣлать заѣздъ и т. п. По этому поводу сложилась народная пословица русиновъ: «паны бьются, а у мужика лобъ трещитъ,»—пословица, весьма удачно схватившая эгоизмъ и жестокости пана и животную страдательность холопа. Но что говорить о неурядицахъ на сеймикахъ и послѣ сеймиковъ, когда и генеральные сеймы не отличались ни большею сдержанностію, ни большимъ порядкомъ, ни большимъ правдолюбіемъ и гуманностію. Разница между сеймами и сеймиками выходила только въ количествѣ пановъ, но не въ качествѣ ихъ затѣй и тенденцій; что великій панъ на сеймикѣ дѣлался на сеймѣ мелкимъ, что отъ постановленій сеймовыхъ страдала вся нація, а не захолустье, не область;—а принципы и тенденціи и сеймиковъ и сеймовъ были однѣ и тѣже; расширеніе сословныхъ правъ шляхетскихъ въ ущербъ правъ народныхъ, или точнѣй—узаконеніе полнаго самоуправства первыхъ надъ послѣднимъ,—нетерпимость ко всему, что не польское, не католическое, не стѣснявшаяся ни какими мѣрами, сглаживанье національностей, входившихъ въ составъ царства польскаго и насильственное ассимилированіе ихъ сему послѣднему,—узаконеніе произвола сильныхъ и всевозможныхъ нелогичностей, жестокостей и несправедливостей. Развѣ на сеймахъ не наносили оскорбленій неприкосновенной даже у дикихъ особѣ народныхъ повелителей, развѣ не на сеймахъ узаконено право жизни и смерти пана надъ холопомъ, развѣ на сеймахъ не случалось того, что изъ печныхъ дверецъ высовывалась голова пьянаго шляхтича, орала во все горло: nie pozwalam и такимъ образомъ уничтожала, полезную или вредную,—бурную или спокойную работу сеймовыхъ головъ въ теченіи

трехъ и болѣе дней,—развѣ не на сеймахъ вотще гремѣли голоса Конискихъ въ защиту самыхъ святыхъ правъ народности и православія, попранныхъ произволомъ шляхты и пропагандою Рима; развѣ не на сеймахъ или по вліянію ихъ кончали жизнь въ самыхъ звѣрскихъ и изобрѣтательныхъ мукахъ герои русиновъ: Коссинскій, Наливайко, Павлюкъ, Остряница, ихъ сподвижники съ семействами и многіе другіе? Развѣ не сеймы нарушали słowo honoru, мирные трактаты и всякія другія обязательства и права человѣчности? Но не въ этомъ мимоходномъ очеркѣ характера польскихъ сеймовъ и сеймиковъ обрисовать всю ихъ уродливость, самоволіе, попраніе всего, что люди привыкли считать святымъ и неприкосновеннымъ. И на этихъ несчастныхъ сеймахъ и сеймикахъ русины не смѣли даже, какъ говорятъ, разинуть рта: все русское и православное могло только являться на нихъ въ ролѣ просителей, никогда не получавшихъ удовлетворенія въ самыхъ законныхъ нуждахъ, въ самыхъ вопіющихъ обидахъ и несправедливостяхъ.

Свободному употребленію русскаго слова въ школѣ и администраціи мы—русины еще менѣе вѣримъ, чѣмъ свободѣ голоса на сеймикахъ и сеймахъ, сулимой намъ поляками. Вѣковые опыты доказали, что полякъ не можетъ ужиться съ чуждою народностію безъ судорожной жажды ассимилированія себѣ всего не ихняго. Упускаемъ изъ виду всѣ насилія народному языку, какія испытали русскіе въ злополучное время тираніи надъ ними поляковъ и до какихъ не унижались никогда даже варвары,—посмотримъ на образчики современной намъ толеранціи въ этомъ родѣ поляковъ. Изъ за чего бьются (на половину) русины галицейскіе съ поляками, какъ не изъ за навязыванья имъ сими послѣдними своего языка, своей азбуки? Кто какъ не поляки (въ коалиціи съ римскими пропагандистами) навязали уже ее нѣкоторымъ племенамъ славянскимъ? Не они ли осмѣ-

лились предложить свою тщедушную и безобразную азбуку даже намъ, обитателямъ великаго царства славянскаго, на землѣ котораго живутъ, законами котораго управляются, незаслуженнымъ гостепріимствомъ котораго пользуются ([4])? Чегоже можно ожидать отъ подобныхъ толерантовъ, когда они будутъ управляться и управлять своимъ произволомъ, когда они почуютъ подъ собою почву болѣе прочную, болѣе свою? Не считайте насъ, однимъ словомъ, гг. полонофилы, до того ужъ ограниченными, что мы не видимъ вашей ловушки, не понимаемъ вашихъ затѣй и намѣреній. Мы очень хорошо видимъ, что вы поставлены въ необходимости говорить намъ: «косю, косю, захились въ оглобли» а тамъ и давай стегать бичемъ во что попало.

Далѣе «Народная Газета» начинаетъ громоздить такія клеветы на клеветы, которыя ниже всякой критики,—такія обѣщанія на обѣщанія, которыя скорѣе выполнитъ Гэтти—Гамаюнъ, нежели Народная Газета или поляки. Забавнѣе всего въ этомъ хаосѣ всевозможныхъ безстыдствъ слѣдующая выходка, такъ неподражаемо совмѣстившая ложь съ приманкой: «съ того момента, когда Русь соединилась (!) съ Польшею...., она освободилась отъ самоволія князей и во всей полнотѣ приняла участіе во всѣхъ правахъ и свободахъ Польши. Сами русины не отвергаютъ того, что польское законадетельство предоставляло имъ свободу языка, религіи и всѣхъ правъ народныхъ». Въ подтвержденіе этой общности интересовъ, или, какъ выражается «Народная Газета, «гражданскаго единства русиновъ съ поляками (iednolitny naród), братнихъ узъ ихъ равноправности, свободы и дружнаго стремленія къ общимъ цѣлямъ одного народа,—представляетъ она пулю, которая ранила князя

---

[4]) См. Вѣст. Т. I. Отд. III, стр. 21—34.

Шумлянскаго, русскаго епископа львовскаго, сражавшагося за одно съ поляками подъ Журавнымъ и Вѣною. Нечего сказать,— образцовое доказательство! Неужели потому только, что Понятовскій и Домбровскій бились съ русскими въ рядахъ французовъ, поляки съ французами, составляли одинъ народъ, пользовавшійся одними правами.— Да если установить подобную карту для доказательства единства народовъ, то на земномъ шарѣ не найдется ни одного народа, который бы остался при своемъ собственномъ имени и не имѣлъ бы правъ на особое названіе. Въ 12 году Францію, по этой теоріи, нужно было бы назвать и Австріей, и Польшей и какъ угодно, а въ 13 и 14— Россія должна уже была называться Австріей, Пруссіей и еще какъ нибудь.

Но не въ этой мелочи здѣсь дѣло, а въ нагломъ до невѣроятности попраніи самыхъ очевидныхъ историческихъ истинъ, въ глумленіи надъ извѣстными всему свѣту фактами. О равноправности русиновъ — съ поляками, о свободѣ ихъ гражданской, о свободномъ употребленіи роднаго языка кое-что уже сказано; теперь остается, на сколько то позволяетъ объемъ настоящей замѣтки, обрисовать ту братскую любовь поляковъ къ русинамъ, и на обротъ,— ту свободу религіи, какими наслаждались послѣдніе подъ властію первыхъ. Но не будемъ мѣшаться въ чужія дѣла,— предоставимъ и въ настоящемъ разѣ самимъ русинамъ право изъясняться въ любви предъ поляками и благодарить ихъ за вѣротерпимость.

Удивляемся, скажутъ русины, какъ это «Народная Газета» замѣтила одну пулю, ранившую русскаго, сражавшагося въ рядахъ польской арміи, а промахнула мильоны пуль, убившихъ мильоны поляковъ и русиновъ, въ теченіи болѣе нежели двухвѣковой, кровавой ихъ борьбы другъ съ другомъ? Ибо, со времени захвата покойною Польшею русскихъ провинцій, что такое рисуетъ намъ исторія, какъ не постоянныя усилія первой лишить всѣхъ правъ,

убить всякую національность послѣднихъ и энергичную защиту состороны сихъ послѣднихъ моральнаго и матеріальнаго достоянія, завѣщаннаго имъ предками. Кровавы эти страницы исторіи! Болѣе продолжительной и упорной борьбы двухъ народовъ непредставляетъ былое человѣчества. Упорство съ одной и ожесточеніе отчаянія съ другой стороны доходили нерѣдко до самыхъ крайнихъ предѣловъ истребленія. Истощалась натуга воображенія въ изобрѣтательности пытокъ и казней, небыло пощады ни грудному младенцу, ни стоящему надъ могилой старцу. Въ этой свалкѣ всевозможныхъ страстей болѣе страдалъ, конечно, слабѣйшій,— русинъ, иногда долго терпѣвшій и плакавшій, но, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, старавшійся, по крайнему своему разумѣнію и средствамъ, отмстить врагу за кровныя обиды, защитить отъ поруганія вѣру и могилы предковъ. И эти отношенія поляки смѣютъ называть братними, это попраніе всякаго права — равноправствомъ русина съ полякомъ! Кто не знаетъ, что ненависть поляка ко всему русскому есть родовая, существенная его примѣта; что этой примѣтѣ не измѣнялъ онъ въ теченіи вѣковъ, не измѣняетъ и теперь, ни на одинъ день, ни словомъ ни дѣломъ! Кто незнаетъ, что слово *ляхъ* есть самое бранное слово на языкѣ русина, слово, выше (или ниже, какъ угодно) котораго только слово *Іуда*. Не изъ братской ли любви одинъ плѣнный запорожецъ обратился къ своему товарищу по плѣну съ такою просьбой: «выколі міні очи, щобъ небачили вражого ляха»?— Не но любви ли къ русину поляка, у сего послѣдняго сложилась пословица: «jak swiat swiatem, tak polak rusinowi niebędzie bratem»? Правда, порою, въ этой пословицѣ являлось на мѣстѣ русина слово moskal; но эта мимоходная перемѣна буквы ни сколько не вліяла на измѣненіе вѣковѣчнаго смысла пословицы и ея популярнаго примѣненія. Впрочемъ мы слишкомъ распространились о предметѣ, нестоившемъ и намека.

Еще менѣе мы имѣемъ охоты много говорить о вѣротерпимости поляковъ. И мы и поляки очень хорошо знаемъ, что большая и самая упорная половина нашихъ столкновеній и обоюдныхъ жестокостей была изъ за пропаганды, не стѣснявшейся никакими средствами съ одной и защитою религіозныхъ убѣжденій съ другой стороны; что только въ первые вѣка гоненій на христіанство сіе послѣднее столькоже потерпѣло отъ язычниковъ, сколько подъ владычествомъ Польши православіе отъ христіанъ. Когда по квитку только жида арендатора совершалась христіанская треба, когда этотъ жидъ имѣлъ законтрактованное право надъ жизнію и смертію цѣликомъ запроданнаго ему паномъ провославнаго христіанина; не изъ любви ли во время уманской рѣзни козаки повѣсили на стѣнѣ костела пана, жида и собаку и написали подъ ними: *жидъ, ляхъ, собака усе вира еднака*; но что сказать о религіозной нетерпимости поляковъ, о тѣхъ насиліяхъ, униженіяхъ, жестокостяхъ, подъ которыми стонали православные подданные Польши!.

Правда, современные намъ потомки гонителей православія всю отвѣтственность за эту тиранію сваливаютъ на уніатовъ, на ренегатовъ, т. е., самаго же православія; но это «миганье украдкой на Петра» есть одна изъ неудачнѣйшихъ попытокъ замаскировать ясное дѣло и, что называется, отвести въ другую сторону слѣды преступленія. Мы бы никогда не кончили, если бы захотѣли хоть перечислить всѣ явныя и тайныя стѣсненія, прижимки, насилія, несправедливости, которыми заявили свою вражду къ православію польскіе паны, ихъ сеймы и правительство,— если бы захотѣли указать отвергнутыя и лицами и управами стоны, вопли и жалобы православныхъ на жестокость пановъ, жидовъ, ксендзовъ и другихъ орудій истязанія ихъ физическаго и моральнаго. Развѣ не сеймовыми постановленіями православные лишены всѣхъ правъ и преимуществъ, какія были предоставлены

католикамъ и даже жидамъ, развѣ не правительство лишило креселъ въ сенатѣ прямыхъ потомковъ св. Владиміра—потому только, что они были православные? Развѣ могучіе паны ни въ чемъ небыли виноваты, когда въ ихъ имѣніяхъ жгли и рѣзали православныхъ, разрушали ихъ церкви, грабили имущества? Развѣ не паны разсѣкали на части тѣла православныхъ и разсылали ихъ, для возбужденія полезнаго для нихъ ужаса, по окрестнымъ селамъ и мѣстечкамъ? Развѣ не паны увеличивали цыфру своихъ доходовъ продажею жиду свободы, и дѣятельности, и вѣры, и жизни православныхъ? Вы хотите фактовъ? Имя имъ легіонъ.

Быть можетъ вы скажете: положимъ, что наши предки не совсѣмъ былиснисходительны къ вашей вѣрѣ и народности, за что же вы упрекаете насъ? Развѣ мы обязаны отвѣчать за ихъ грѣхи? Мы не такъ нелогичны и несправедливы, что бы казнили потомковъ за преступленія предковъ: никто не уличитъ насъ въ этой придирчивости, этомъ злоупотребленіи права сильнаго. Мы только разказываемъ былое въ назиданіе и вразумѣніе нашихъ собратій. Мы неупрекали бы даже вашихъ предковъ, еслибъ ихъ попытки не вызывали насъ и словомъ и дѣломъ на эти воспоминанія старины, когда вы клевещете на нашу исторію, навязываете намъ небывалыя къ вамъ отношенія, ужели мы должны только поддакивать? Когда вокругъ насъ кипитъ видимая и не видимая пропаганда, вербовка къ польской національности даже алфавитомъ, уже ли мы должны быть нѣмы какъ рыба и какъ она глотать приманки на вашихъ коварныхъ удочкахъ? Когда вокругъ насъ столько заявляется манифестацій вашей къ намъ вражды, вашихъ затѣй ополячить насъ и окатолизировать, ужели мы должны увлекаться вашими утопіями, отказаться отъ здраваго смысла и памяти, забыть прошедшее, испортить прекрасное настоящее и погубить себя въ будущемъ? Мы на васъ не налагаемъ, ниче-

го даже, по примѣру вашему, вамъ ненавязываемъ, мы только зорко слѣдимъ за направленіемъ вашихъ ударовъ и храбро обращаемъ ихъ на голову начинающихъ. Хотя эти удары и слабы тѣмъ неменѣе нужно защищать себя отъ нихъ, чтобъ оплошность наша не повела къ опаснѣйшимъ,—а защищаясь невольно иногда и ранишь нападающаго. Мы весьма ясно видимъ даже причины слабости вашихъ ударовъ: онѣ въ отношеніи вашемъ, недалекомъ отъ положенія разсѣяннаго Израиля; а почувствуй вы подъ собою почву болѣе собственную, получи вы жизнь безъ контрольную, сгрупируй вокругъ себя массу болѣе числительную, и вы пойдете историческимъ путемъ вашихъ предковъ, въ васъ воспроизведутся всѣ ихъ фамильныя примѣты: польская фанаберія, почтительныя отношенія съ жидомъ, насиліе совѣсти православнымъ, донкихотская удаль и другіе пріемы политическаго самоуправленія. За логичность этаго вывода ручается прошедшее и настоящее. Видите гг. поляки, что вы не расточили нравственного наслѣдства (подобно тому, какъ расточили матеріальное) предковъ и что упреки наши, обращенные къ вамъ не такъ неосновательны, какъ это вамъ кажется, или точнѣе, какъ этого вамъ хотѣлось бы. Изъ всего сказаннаго видно, что говорить вмѣстѣ съ Народною газетою, что «у русиновъ одно съ поляками прошедшее, одно настоящее и одно можетъ быть будущее», значитъ лгать на прошедшее, смотрѣть безъ глазъ на настоящее и съ фантастичностію поляка заблуждаться на счетъ будущаго.

(*Окончаніе впредь*).

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

и опровержение статьи г. Падалицы, помѣщенной въ №№ 17 и 27 Виленскаго Вѣстника, противъ Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ.

Нашъ журналъ вызванъ необходимостью рѣшить и уяснить разнорѣчивые вопросы, касающіеся нашей народности, подмѣчать умышленныя и невольныя неправды, разоблачать затѣи и тенденціи нашихъ недоброжелателей и выводить ихъ наружу путемъ выводовъ, выработанныхъ историческою критикою.

Для полученія этихъ результатовъ, мы должны вслушиваться въ говоръ окружающей насъ среды, и въ звуки разныхъ толкованій, должны вступать въ разсужденія открыто, казнить орудіемъ гласности всякое лукавство международное и заглушать диссонансы, которые портятъ общественную гармонію.

Пора уже поставить лицемъ къ лицу всепроникающій свѣтъ исторической критики съ призрачными туманами эгоистическихъ видовъ и увлеченій, безпощадно и безобразно утрирующихъ предметы, близкіе нашему сердцу. Пора, между прочимъ, разоблачить и тѣ іезуитскія средства, которыми политическіе мечтатели и затѣйщики ненормальныхъ групировокъ, усиливаются затмить истину; хотя бы пришлось дотрогиваться до болѣзненныхъ ранъ и уколотыхъ самолюбій.

Подвергая гласности рѣшеніе столь важныхъ жизненныхъ вопросовъ, мы, конечно, должны найдти себѣ такую точку опоры, которая оставалась бы непоколебимою при всѣхъ движеніяхъ умовъ и массъ; эта точка неподвижная — истина историческая.

Мы — русскіе славяне, не нуждаемся въ матеріалахъ для уясненія нашихъ народныхъ вопросовъ

и достиженія цѣли прогресса. Но среди насъ, по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, накопилось очень много чужеземныхъ элементовъ; до слуха нашего постоянно долетаютъ диссонансы западныхъ идей, ультрамонтанскихъ тенденцій, чуждыхъ нашему характеру и враждебныхъ нашей народной мысли. Передъ нами много книгъ, еще болѣе брошюръ, и громадное количество отдѣльныхъ статей. Постараемся говорить о нихъ безъ гнѣва, безъ ненависти, опираясь на исторію.

Оцѣнкою этихъ сочиненій мы займемся въ свое время, а теперь нѣсколько коснемся дѣйствій кіевскаго ученаго общества, извѣстнаго подъ именемъ Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, своими добросовѣстными и безцѣнными историческими трудами, вызвавшаго современную полемику въ «Днѣ», «Современникѣ», «Виленскомъ Вѣстникѣ» и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Кіевская коммиссія для изданія актовъ существуетъ уже 19 лѣтъ и, въ продолженіи этого времени, издано ея трудами огромное количество историческихъ матеріаловъ, которые много пополнили пробѣловъ въ исторіи юго-западной Россіи [1]).

Между прочимъ, Коммиссія издала въ началѣ прошлаго года первый томъ актовъ: «Шляхетскихъ провинціальныхъ сеймовъ». Передовая статья проф. Иванишева вызвала весьма сильную оппозицію со стороны нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ. Эта полемика записана на страницахъ текущей литературы, и мы не станемъ распространяться о ней, чтобы не повторять извѣстнаго.

Мы сказали выше, что кіевская коммиссія какъ будто вызвала эту полемику: благодаримъ съ нашей стороны за иниціативу ея это ученое общество, — тѣмъ болѣе, что въ возраженіяхъ противъ коммисіи заключается вся исповѣдь политической и исторической вѣры польскихъ публицистовъ, живущихъ въ южно-русскихъ краяхъ.

---

[1]) Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ Вѣстника мы помѣстимъ критическое обозрѣніе трудовъ Коммисіи, вмѣстѣ съ историческимъ очеркомъ дѣятельности этого общества.

Нападки со стороны нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ противъ кіевской коммиссіи подали поводъ и ей и другимъ отвѣчать на эти нападки печатно. Коммиссія, собравъ всѣ возраженія своихъ критиковъ, старалась окончательно оправдать себя и обезоружить своихъ противниковъ. Цѣль ея была почти достигнута: до сихъ поръ никто не дѣлалъ ей больше возраженій, какъ вдругъ, послѣ перепечатанія статьи коммиссіи, въ Виленскомъ Вѣстникѣ, явилась въ немъ задорная статья г. Падалицы, (Виленск. Вѣст №№ 17 и 27) которую мы и подвергаемъ критическому разбору.

Г. Падалица въ началѣ своей статьи говоритъ: «намъ не можно имѣть на столько свободы, какъ бы мы желали, и мы больше данныхъ видимъ на сторонѣ нашихъ противниковъ, но все-таки мы кое-что разсчитываемъ на здравый смыслъ публики и безпристрастіе русскихъ историковъ и критиковъ».

Если г. Падалица подъ словами, что «онъ видитъ больше данныхъ на сторонѣ коммиссіи и стѣсняется выраженіемъ своихъ убѣжденій» понимаетъ тоже самое, что понималъ г. Грабовскій, выражаясь, что «статья его не будетъ напечатана и что ему нѣтъ возможности защищаться»: то г. Падалица столько же ошибается, сколько ошибся и г. Грабовскій [1]); далѣе продолжаетъ г. Падалица:

«Гг. Иванишевъ и Юзефовичъ выбираютъ только акты, соотвѣтствующіе ихъ цѣлямъ. Мы знаемъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло, мы умѣемъ опредѣлить направленіе ихъ магнитной стрѣлки, — мы знаемъ очень хорошо, что подобнаго рода наука есть умышленное искаженіе истины изъ политическихъ своевременныхъ цѣлей; баснописецъ хлопочетъ о нравственномъ выводѣ изъ басни».

Мы спрашиваемъ публику, можно-ли, соблюдая хотя бы кое-какіе законы приличія, сказать уже что нибудь оскорбительнѣе и можно ли пошлѣе и неудачнѣе подводить подъ одинъ уровень басни и акты историческіе?

Г. Падалица однакоже говоритъ: «жалѣемъ, что

---

[1]) «День» № 15.

намъ нельзя сказать, къ чему именно все это направлено, но намъ кажется, что нашу скромность оцѣнятъ гг. И. и Ю. и уволять насъ отъ болѣе откровенныхъ объясненій». Мы увѣрены, что гг. Иванишевъ и Юзефовичъ нисколько не намѣрены увольнять г. Падалицу отъ прямаго и открытаго защищенія своихъ возраженій. Да и кто вамъ не позволяетъ представить ваши доказательства? Ровно никто. А потому, мы думаемъ, что для пишущаго низко прикрывать свою научную немощь какою-то вынужденною скромностію. Одно изъ двухъ г. Подалица: или представьте ваши опроверженія, основанныя на историческихъ актахъ, или вы должны причислить себя къ ловкимъ фразерамъ, которые, за недостаткомъ доводовъ, хотятъ изворотами гальванизировать мертвое дѣло и какъ-бы нибудь уклониться отъ неминуемаго пораженія на полѣ историческихъ изслѣдованій о нашемъ краѣ.

Г Падалица говоритъ, что коммиссія владѣетъ матеріалами неизвѣстными обществу. Если это тѣ данныя коммиссіи, о которыхъ г. Падалица говоритъ выше, то она не виновата, что ненамѣренное или намѣренное равнодушіе къ дѣлу народной исторіи со стороны помѣщиковъ здѣшняго края было причиною того, что всѣ матеріалы коммиссіи до сихъ поръ не разработаны [1]). Слишкомъ ужъ наивно обвиняетъ г. Падалица коммиссію даже за то, что поляки незнакомы съ историческими документами. Дѣйствительно, эти данныя на сторонѣ коммиссіи, но намъ кажется, что эти данныя не дѣлаютъ чести тѣмъ, которыхъ защищаетъ г. Падалица. Далѣе: г. Падалица подъ выраженіемъ: «больше данныхъ» разумѣетъ, конечно, данныя, выработанныя трудами науки и тѣмъ самимъ мимовольно сознается, что у него данныхъ меньше, что онъ не имѣетъ основательныхъ знаній въ исторіи. Неужели и тутъ виновата тоже коммиссія? А незнаніе г. Падалицы исторіи мы можемъ доказать, разсматриваяего статью.

Желая доказать, что г. Совинскій былъ правъ,

---

[1]) Отвѣтъ кіевской археогр. коммисіи на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ. Кіевъ 1861 г. стр. 9—10.

возражая, что г. Иванишевъ отъ книгъ декретовыхъ бѣжитъ какъ отъ огня, г. Падалица говоритъ:

«Извѣстно, что актовыя книги раздѣлялись на «*поточныя*, *записовыя* и *декретовыя*. Въ первыя вписы-«вались ежедневныя происшествія, позывы, мани-«фесты. Въ другія вписывалось, по прошенію раз-«ныхъ лицъ, то, что кому хотѣлось — достой-«ныя вниманія и ничтожныя вещи; въ третьи, «наконецъ, судебные приговоры.... Кіевская ком-«миссія не обратила на это вниманія, но какъ только «ей попался документъ о притѣсненіи, или злоупо-«требленіи, напечатала его безъ объясненій и по та-«кимъ документамъ составила свой взглядъ на дѣло. «За тѣмъ справедливо сослался г Совинскій на де-«кретовыя книги и уличилъ г. Иванишева, что онъ «умышленно уклоняется отъ нихъ, такъ какъ декре-«товыя книги дали бы болѣе справедливое понятіе «на счетъ характера тѣхъ же самыхъ происшествій, «нежели позывы и протесты».

Если бы г. Падалица оставался вѣренъ, хотя словамъ, которыя онъ самъ же сказалъ въ отвѣтѣ г. Костомарову, что «надобно сперва хорошо ознакомиться съ польскими актами, чтобы почерпать изъ нихъ свѣденія объясняющія исторію», онъ бы по крайней мѣрѣ опредѣлилъ, что именно значили эти «достойныя вниманія и ничтожныя вещи», помѣщаемыя въ записовыхъ книгахъ. Эта неопредѣленность наводитъ подозрѣніе, что авторъ, быть можетъ, и не видѣлъ записовой книги.

Но, оставивъ въ сторонѣ это подозрѣніе, оцѣнимъ огромное открытіе сдѣланное г. Падалицею, именно, что книги раздѣлялись на *записовыя*, *поточныя* и *декретовыя* и что коммиссія умышленно просмотрѣла декретовыя книги, относящіяся къ дѣламъ XV и XVI столѣтій.

Извините г. Падалица, если мы вамъ скажемъ, что въ это время разряда декретовыхъ книгъ не существовало въ древней Польшѣ; мы готовы объяснить вамъ это дѣло.

Книги раздѣлялись сначала на два разряда: *Земскія* и *Городскія*. Городскія, въ свою очередь, заключали въ себѣ два отдѣла: книги записовыя и книги

поточныя, и въ эти-то городскія книги вписывались, между прочимъ, судебныя дѣла, которыя, по методѣ польскаго судопроизводства, составляли: протестъ или протестація, заявленная въ городѣ отъ имени истца (powód); послѣ въ случаяхъ уголовныхъ дѣлъ, поступало освидѣтельствованіе вознаго, далѣе позывъ, который вручалъ возной, имѣя при себѣ двухъ шляхтичей. Въ этомъ позывѣ писалось, что такое-то именно лице, по такому-то именно поводу, требуется на судъ въ городъ, въ означенномъ рокѣ, или срокѣ.

Если бы вы г. Падалица прочитали хотя VI томъ исторіи Мо ачевскаго, вы бы нашли всѣ эти свѣдѣнія и узнали бы, что если со дня отдачи позыва, въ шестинедѣльный промежутокъ, нѣтъ въ актовой книгѣ судебнаго прѣнія по этому дѣлу, то вы его и не найдете. А знаете почему? Потому, что польскіе законы повсемѣстно слѣдовали принятой ими юридической аксіомѣ, что мировая сдѣлка прекращаетъ дѣло. Ваши нредки, г Падалица, до XVII столѣтія почти всѣ дѣла оканчивали мировыми сдѣлками, и потому, относительно дѣлъ, которыхъ вы насчитали 14, нѣтъ ни судебныхъ прѣній, ни декретовъ въ городскихъ книгахъ. Въ этомъ, г. Падалица, легко вы можете убѣдиться изъ актовъ, которые въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. Декретовыя же книги явились въ XVII столѣтіи, именно въ то время, когда число судебныхъ дѣлъ увеличилось и мировая сдѣлка стала рѣже. Поэтому мы вынуждены повторить вамъ, г. Падалица, то, что уже сказала коммиссія въ своемъ отвѣтѣ, т. е. «что благороднѣе было бы показать, гдѣ эти декретовыя книги находятся», а отъ себя повторимъ собственныя ваши слова, которыми вы такъ дорожите, что сказали ихъ уже г. Костомарову, а потомъ повторяете и коммиссіи, именно: «что надобно вамъ сперва хорошо ознакомиться съ польскими актами, чтобы почерпать изъ нихъ свѣдѣнія, объясняющія исторію»

Г. Падалица, приводя дѣла между Іоной Крассинскимъ и княземъ Острожскимъ, между Терлецкимъ и Закревскимъ, и другія [1], говоритъ: «такіе

[1] Надобно замѣтить, что приведенный, какъ одностороннее свидѣтельство, актъ о нападеніи школьниковъ Іезуитской коллегіи

односторонніе выводы для насъ недостаточны....., а слѣдовательно тутъ нельзя произносить послѣдняго слова».

Отвѣчая на этотъ пунктъ возраженій г. Падалицы, мы вынуждены привести слова, сказанныя нами въ отвѣтѣ коммиссіи (стр. 11). «Статьи редактора коммиссіи имѣютъ цѣлью изобразить предметы только въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ они представляются въ актахъ, и потому эта статья не можетъ считаться законнымъ историческимъ очеркомъ, а только матеріаломъ, требующимъ дальнѣйшей обработки и пополненія».

Такъ г. Падалица, мы видимъ, что коммиссія, слѣдуя принципу, что надобно сперва хорошо ознакомиться съ польскими актами, чтобы почерпать изъ нихъ свѣденія, объясняющія исторію, старалась добросовѣстно съ ними ознакомиться. Она успѣла это сдѣлать, значительно объяснила эти акты и вмѣсто того, чтобы проникать пророческимъ духомъ въ сущность декретовыхъ книгъ, которыхъ въ XV и XVI вѣкѣ не было, старалась ознакомить съ польскими актами людей, которые, научившись не только раздѣленію актовыхъ книгъ, но изучивъ и сущность заключающихся въ нихъ документовъ, могутъ со временемъ приступить къ окончательному разъясненію тѣхъ вопросовъ, которые, по словамъ г. Падалицы, иначе понимаются теперь, чѣмъ десять лѣтъ

на луцкое братство, изъ перваго тома «Памятниковъ» и приписанный г. Иванишеву, редактированъ членомъ коммиссіи г. Максимовичемъ. Этотъ актъ самъ собою опровергаетъ возраженіе г. Падалицы. Въ концѣ этого документа, мы читаемъ: a ten czas stawili tyleż protestantes Woznych Iwana Korodińskiego y Iachima Trzystałowskiego na oglądanie tych excezsów tedyż zaraz od Urzędu przydanych, którzy się tudzież w Zamku przed urzędem stając jawnie ustnie i dobrowolnie ku zapisaniu do ksiąg w moc swoiey prawdziwiey Relacyi zeznali się. (Стр. 219—220 Памятники т. I).

Извѣстно (можетъ быть г. Падалица и не знаетъ), что возные люди служили по выбору изъ шляхты, и что сознаніе возного имѣло законную силу слѣдствія. Возный, который бы призналъ фальшивую реляцію, подвергался смертной казни. На этомъ основаніи актъ протестаціи о нападеніи іезуитовъ имѣетъ историческое значеніе и долженъ быть принятъ, какъ несомнѣнная истина.

тому назадъ. Сколько въ этомъ трудѣ достанется заслуги на вашу долю, г. Падалица, сколько на долю коммисіи предоставьте право судить другимъ. Иначе вы сдѣлаетесь судьею въ собственномъ дѣлѣ.

Теперь, пусть позволитъ г. Падалица предложить себѣ вопросъ, на какомъ основаніи вступаетъ онъ въ полемику объ исторіи, не имѣя не только основательныхъ познаній историческихъ, но даже не понимая значенія источниковъ.

Г. Падалица говоритъ, что въ этомъ прѣніи дѣло не о люблинской и брестской уніи, и что онъ понимаетъ въ чемъ это дѣло: «видимъ всѣ, говоритъ г. Падалица, что это историческая цѣпь, что мы споримъ теперь только о далекихъ ея звѣньяхъ, что мы держимъ эту цѣпь неконченною въ нашихъ рукахъ, и еслибъ мы не сознавали, что эти новыя звѣнья, которыя сегодня-ли, завтра-ли придется додѣлать, должны имѣть свою логическую послѣдовательность и отношеніе другъ къ другу», далѣе: «для этого мы протестуемъ и ссылаемся на исторію всякій разъ, когда услышимъ фальшивую науку, умышленно принаровленную къ политическимъ и своевременнымъ цѣлямъ».

Если г Падалица упрекаетъ коммиссію въ цѣляхъ своевременныхъ и говоритъ, что она посредствомъ историческихъ актовъ рѣшаетъ вопросы своевременные, то этими словами усвояетъ великую заслугу трудамъ коммиссіи, сознавая, что труды ея, кромѣ научнаго интереса имѣютъ еще живой современный интересъ, который составляетъ дѣйствительное достоинство каждой науки и которымъ условливается примѣнимость къ дѣлу ученыхъ изслѣдованій. Но намъ кажется, что и цѣль полемики г. Падалицы тоже житейская или точнѣе политическая и даже эгоистическая; намъ кажется даже, что преслѣдованіе этой именно цѣли и было причиною того, что статьи г. Падалицы нравятся людямъ одной съ нимъ партіи, живущимъ въ южномъ и западномъ русскомъ краѣ.

Но допустимъ, что гг. Падалица, Иванишевъ и Юзефовичъ преслѣдуютъ одинаковыя цѣли—политическія, своевременныя,—какое же у нихъ въ этой борьбѣ между собою оружіе.

Г. Падалица говоритъ, что онъ всегда видитъ

болѣе шансовъ побѣды на сторонѣ коммиссіи; съ своей стороны также мы старались доказать, что ему не достаетъ ни знанія предмета и даже охоты пріобрѣтать это знаніе. Г. Падалица самъ чувствуетъ, что ему трудно воевать; почему же воюетъ, не имѣя научныхъ доспѣховъ?

Это объясняютъ намъ слова статьи: «Мы осмѣливаемся замѣтить гг. Иванишеву и Юзефовичу, что Маколей былъ англичанинъ и писалъ для англичанъ, что никто изъ его соотечественниковъ не имѣлъ повода заподозрить его въ пристрастіи точно также, какъ у насъ никто не подозрѣваетъ въ пристрастіи Лелевеля, хотя онъ столь же горькую правду говорилъ намъ въ глаза[1]). Находимся ли мы въ подобномъ другъ къ другу отношеніи? Вѣжливость не дозволяетъ намъ отвѣчать на этотъ вопросъ».

Умолчаніе г. Падалицы, какъ нельзя лучше понятно; другими словами это выходитъ: еслибъ Лелевель былъ г. Иванишевымъ или Юзефовичемъ, а эти господа Лелевелемъ, мы бы имъ повѣрили, потому что, не имѣя возможности отличать истины отъ лжи, мы судили бы a priori, и то, что у г. Иванишева и Юзефовича ложь, это же самое у Лелевеля обратилось бы въ правду. Вы хотѣли сказать, я знаю, что все, что бы я ни написалъ, будетъ принято съ восторгомъ моею кастой, и хотя бы ни одно мое положеніе не было не опровергнуто, на моей сторонѣ будетъ побѣда. Неужели обаяніе побѣды такъ увлекаетъ г. Падалицу, что онъ не стѣсняется ни какими пожертвованіями и готовъ одинаково торжествовать побѣду надъ трупами и друзей своихъ и враговъ? Да и логично ли поставлять въ такой зависимости дѣло истины отъ лица, высказывающаго ее? Неужели истина перестаетъ быть истиною отъ того только, что она

---

[1]) Мы въ ближайшихъ номерахъ нашего журнала постараемся познакомить русскую публику съ безпристрастіемъ этого исторіографа—идола польскихъ публицистовъ. Теперь скажемъ только, что онъ рѣшительно второй экземпляръ Мицкевича, когда говоритъ о Россіи. Да и ни одинъ полякъ не можетъ быть безпристрастнымъ историкомъ. Ультрамонтанскія идеи, которыми напитаны всѣ поляки, всегда руководствуютъ его перомъ, когда онъ начинаетъ что либо писать о Россіи и о Восточной церкви.

заявлена Иванишевымъ, а не Лелевелемъ? Какъ? У истины нѣтъ своей точки опоры, неподвижной, при какихъ угодно вліяніяхъ субъективныхъ? Какъ будто иначе читаетъ и понимаетъ документы историческіе Иванишевъ, а иначе Лелевель! Какъ будто врагъ не можетъ сказать такой же святой правды какъ и другъ! А вамъ, г. Падалица, не помѣшала даже скромность ваша и мнимое умолчаніе назвать гг. Иванишева и Юзефовича своими врагами. Какъ же иначе понять вашу (недавно цитованную) скромную фразу? Нѣтъ г. Падалица, если цѣль вашей борьбы, — уясненіе истины, то вы должны бросить этотъ пустой и смѣшной изворотъ будто вы владѣете истиною, да нельзя ее высказать; вамъ нужно отрѣшиться отъ всѣхъ кастаціонныхъ тенденцій и предразсудковъ и, при недостаткѣ ученыхъ данныхъ, по крайней мѣрѣ проникнуться любовію къ цѣлой массѣ народа (не шляхтичей только, конечно), за который какъ будто вы воюете. Портите ли вы, улучшаете ли ваше дѣло своими пріемами и оружіемъ битвы, судить будутъ ваши соотечественники, (т. е. люди одной партіи съ вами), если не теперь, то въ послѣдствіи. А въ настоящемъ случаѣ скажемъ вамъ, г. Падалица, откровенно, что вы горько ошибаетесь, если думаете, что всѣ ваши соотечественники сочувствуютъ вашимъ тенденціямъ (да впрочемъ вопросъ кто ваши соотечественники, еще требуетъ разрѣшенія, — мы знаемъ васъ и подъ настоящимъ именемъ, — но это имя ни русское, ни польское).

Далѣе (мы слѣдуемъ строка за строкой за отвѣтомъ) г. Падалица говоритъ серьезно; иногда только увлеченный патріотическою желчью, онъ выкидываетъ словцо не слишкомъ приличное ученому прѣнію. Но насъ мало интересуютъ эти претензіи на остроуміе; лучше поговоримъ о дѣлѣ, а дѣло вѣдь важное,— дѣло люблинской уніи 1569 года.

Г. Иванишевъ, для сообщенія своимъ выводамъ болѣе послѣдовательной связи, предъ обзоромъ уніи 1569 года, бросилъ бѣглый взглядъ на унію 1386 года, вотъ слова его: «Въ 1386 году, великое княжество литовское, заключавшее въ своемъ составѣ югозападную и западную Россію, соединилось съ Поль-

шею, подъ власть одного государя, великаго князя литовскаго Ягеллы. Это соединеніе имѣло чисто федеративный характеръ. Цѣль союза состояла въ томъ, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ непріятелей и содѣйствовать политическому могуществу обоихъ государствъ [1]). На основаніи такого федеральнаго союза, каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранять главныя условія политической независимости, именно, отдѣльную территорію и особые органы законодательной, судебной и административной власти» [1]) спрошено ли было согласіе русскаго народа въ лицѣ его депутатовъ на это соединеніе?! Нѣсколько магнатовъ не составляютъ народа! [2])»

Г. Падалица, какъ будто не желая понимать этихъ словъ, говоритъ въ своей статьѣ: «Разсматривая безпристрастно эту эпоху, мы убѣждаемся, что унія литовская не только была дѣломъ политически обдуманнымъ, не только давала Литвѣ въ Польшѣ образованнаго и сильнаго союзника *), но что этотъ союзникъ нуженъ былъ ей, какъ опора противъ Крестоносцевъ, Татаръ и Москвы, и что это обстоятельство раньше или позже, должно было склонить Польшу къ союзу» [3]).

Мы видимъ въ этихъ словахъ полное повтореніе словъ проф. Иванишева, съ тою только разницей, что г. Падалица, упрекая отвѣтъ коммиссіи въ злоумышленномъ извлеченіи отрывковъ изъ Морачевскаго, самъ слѣдуетъ хитрой тактикѣ — перемѣною словъ и выраженій достигнуть перемѣны мысли.

---

[1]) Contra insultus quorundam hominum assistere, regem et coronam, regnum et regnicolas Poloniae et eorum necessitates perpetuo adjuvare quod et ipsi (i. e. regnicolae Poloniae) nobis pari modo tenebuntur facere vice versa «Privilegium praelatorum Lithvaniae 1401 Voll Legg. t, 1 p. 60». Profensione fortiori, unionem et conaexionem ad effectum deducere conabantur» Ibid. p. 288.

[1]) Архивъ югозападн. Россіи ч. 2, т. I, стр. XVII.

[2]) Г. Кояловичъ довольно обстоятельно разъяснилъ способъ, какъ смастерилась люблинская унія (см. День).

* Неужели тогдашняя Польша была образованнѣе тогдашней Руси (разумѣемъ времена Ягелла), — едва-ли.

[3]) Kurjer Wileński № 27 — 1862 г.

Професоръ Иванишевъ, разсмотрѣвъ кратко характеръ федеративнаго союза 1386 года, говоритъ: «Характеръ федеративнаго союза Литвы съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году на люблинскомъ сеймѣ. Въ этомъ году, юго-западная Россія, заключавшая въ себѣ волынское и брацлавское воеводства, а также княжество кіевское, отдѣлены были отъ Литвы и включены въ составъ польскаго королевства, въ формѣ провинцій, какъ части къ своему цѣлому, какъ членъ къ своему тѣлу и главѣ» [1]).

«Такое соединеніе должно было имѣть послѣдствія гибельныя для обоихъ народовъ. Двѣ почти равносильныя, но, по своимъ основнымъ началамъ, совершенно противоположныя народности, отличавшіяся образомъ правленія, языкомъ и религіею, должны были находиться въ непрерывномъ столкновеніи и парализировать развитіе государства. Съ этихъ поръ, ни Польша, ни юго-западная Россія не знали покоя. Между тѣмъ, какъ другія государства, подъ защитою централизирующей монархической власти, осаживались на своихъ территоріяхъ, обособляли свою народность и укрѣплялись въ силахъ, для того, чтобы перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ формамъ государственной жизни, Польша и юго-западная Россія истощали свои свѣжія силы во внутренней борьбѣ противоположныхъ народностей и въ распряхъ аристократіи, оказавшейся неспособною къ самоуправленію». [2])

Безпристрастіе и основательность такого взгляда на вещи оправдались историческими происшествіями. Войны Хмѣльницкаго, истощившія силы польскаго государства, смуты религіозныя, непримиримая вражда народа противъ своихъ господъ, дожившая до нашего времени, доказываетъ яснѣе всѣхъ разсужденій, что соединеніе Литвы съ Польшею имѣло гибельныя послѣдствія для обоихъ народовъ и повели скорѣе къ разъединенію ихъ, нежели къ соединенію.

Г. Иванишевъ въ постоянныхъ жалобахъ дво-

---

[1]) Jakó własny a prawdziwy członek ku własnemu ciału i głowie. Vol Legg. t. II, pag. 753 art. 2.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи ч. II, т. I, стр. XXI—XXII.

рянъ противъ угнѣтенія языка и вѣры, видитъ предвѣщаніе послѣдовавшей кровавой катастрофы, а г. Падалица видитъ только «нѣкотораго рода нерѣшимость, нѣкотораго рода боязнь силъ своего могущественнаго союзника, о притомъ и разумное пониманіе тѣхъ выгодъ, которыя должны были выйдти изъ обоюднаго соединенія силъ», г. Иванишевъ опираетъ свои слова на изданныхъ актахъ, выводы его подтверждаетъ исторія; г. Падалица опираетъ выводъ свой на звучной, порою напыщенной фразѣ, выводъ его — фантазія, результатъ — рукоплесканіе фанатиковъ.

Это анахроническое велерѣчіе о величіи, о могуществѣ умершей Польши производитъ весьма грустное впечатлѣніе; оно напоминаетъ италіанскаго лазарони, думающаго о величіи Сципіоновъ и Брутовъ.

Еслибъ мы не знали, еслибъ мы не были убѣждены, что подобныя слова, подобнаго рода фанатическая ярость единственно принадлежатъ полонизировавшемуся западно-русскому дворянству, мы бы готовы подумать, что слова почтеннаго польскаго ученаго Адріана Кршижановскаго: «Powstaje z upadku, kto poznaje swe błędy, odradza się, kto z pojętemi rozbrat bierze, a z drogi falszu i materjalizmu przechodzi na drogę prawdy i ducha. Taka iest istota odrodzin, czyli postępów ludzkości», [1]) — не понятны въ наше время польской націи.

Но подобнаго рода ультрамонтанскіе псевдопатріотическіе пріемы полемики видимъ только у тѣхъ, которые нарекшись именемъ польской націи подъ грозою козацкаго возстанія, у тѣхъ, которые, измѣнивъ народнымъ началамъ своей земли, подобно турецкимъ ренегатамъ, существуютъ только отъ слабости общества, ростутъ, кормясь только силами чуждаго имъ народа, какъ паразиты, и все таки остаются ex lex ex terra!

Пусть извинятъ читатели за это маленькое отступленіе; мы снова идемъ дальше за г. Падалицей. Г Падалица говоритъ въ продолженіи своей статьи слѣдующее:

«Равно не выдерживаетъ безпристрастной критики мнѣніе г. Иванишева, будтобы универсалъ Сигиз-

---

[1]) Dawna Polska изд. II, стр. XLV.

мунда Августа, изданный 23 Мая 1569 года, по есть административный актъ, и что онъ противенъ законамъ, ибо предшествовалъ сеймовому постановленію уніи Литвы съ Польшей, состоявшемуся 11 Августа 1569 года. Г. Иванишевъ нарочно путаетъ факты и числа и воюетъ, какъ дитя. Хотя грамота о присоединеніи волынской земли къ польскому королевству, какъ мы видимъ изъ II тома Volum. Leg. (754) издан. 26 Мая 1569 года, но сеймъ дѣйствовалъ съ 23 Декабря 1568 года, какъ это ясно видно изъ самой грамоты. Кромѣ того и самый универсалъ, изданный г. Иванишевымъ въ собраніи актовъ (часть II, т. I, № 1) еще яснѣе показываетъ порядокъ времени, ибо говоритъ: дагнитарятамъ, княжатамъ, панятамъ и урядникамъ чрезъ листы наши розсказали есьмо были, абы вси, для учиненія присяги, намъ и короне польской повинное, тутъ ся на кветню неделью близко прошлую ставили подъ унію, въ тамтехъ универсалѣхъ, описанную. Которого часу, на жаданіе всихъ становъ тоѣжъ земли Волынское, на четвертыйпадцать день мая помянули есьмо» и т. д.

«Слѣдовательно такой универсалъ не былъ актомъ незаконнымъ, состоявшимся внѣ сеймоваго круга и ни въ какомъ случаѣ не могъ быть такимъ. Напротивъ, онъ явился вслѣдствіе согласія штатовъ и во время сейма, а если почтенному профессору не чужды законы и конституціи польскаго короля, то онъ долженъ бы знать, что никакое государственное постановленіе, а тѣмъ болѣе такой важности, какъ присоединеніе двухъ земель волынской и кіевской, не могло состояться безъ воли самаго короля. Возраженіе смѣшное и ничтожное не только въ отношеніи къ закону, но и фактамъ историческимъ, ибо подтвержденіе уніи 11 Августа и конституціи (776 и 750 Vol. Legg.) суть акты также законные, какъ первый, и не опровергаютъ, а доказываютъ первый».

Тутъ г. Падалица опять берется за исторію и опять доказываетъ свою въ ней недалекость. Волынская земля и кіевское княжество составляли часть великаго княжества литовскаго, которое, находясь въ федеративномъ союзѣ съ Польшей, сохраняло свою автономію. Польскій король Сигизмундъ Августъ, не

имѣвшій права безъ согласія сейма распоряжаться въ Польшѣ, былъ единовластнымъ владѣтелемъ въ Литвѣ и, по собственному желанію, не имѣя никакой надобности обращаться къ сейму, приказалъ совершить присягу соединенія двухъ народностей, подъ угрозою конфискаціи имѣній.

Г. Падалица эту принудительную присягу сравниваетъ съ балотировкой Савои и Ниццы или Пармы, Модены и Неаполитанскаго королевства,—и говоритъ, что подписи на присяжныхъ листахъ не болѣе карточекъ со словами: oui и non (?!).

Мы не будемъ разбирать этихъ въ высшей степени ученыхъ выводовъ и остроумныхъ сближеній, относительно современнаго италіанскаго вопроса, а пойдемъ дальше. Вслѣдствіе изданнаго универсала 25 Мая 1569 года, наступили присяги и подписи, дѣло соединенія совершено по волѣ королевской, а сеймъ подтвердилъ его только 11 Августа.

Вотъ чѣмъ важенъ универсалъ и въ чемъ именно заключается разница взглядовъ на дѣло: г. Падалица вѣритъ, что соединеніе было добровольное и законное, а професоръ Иванишевъ, не отвергая законности факта соединенія, отвергаетъ законность и справедливость выраженія, что это соединеніе было добровольное. Подъ угломъ только зрѣнія г. Иванишева становится понятною постоянная оппозиція со стороны шляхты южно-русскаго края, выразившаяся впослѣдствіи кровавой оппозиціей цѣлой массы народа. По этому весьма основательно г. Иванишевъ говоритъ: «Присоединеніе юго-западной Россіи къ Польшѣ, постановленное на люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партіею западно-русскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ польскими аристократами. Хотя король въ своихъ грамотахъ утверждалъ, что соединеніе совершилось по искреннему желанію и добровольному соизволенію всѣхъ сословій земли волынской и княжества кіевскаго; однакожъ это увѣреніе опровергается позднѣйшими королевскими распоряженіями» [1]).

[1]) Архивъ юго-запад. Россіи ч. II, т. I, стр. XXIII.

Дальнѣйшее возраженіе г. Падалицы есть образчикъ слишкомъ безцеремоннаго обращенія его съ историческою истиною и чужими словами. Онъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ передовой статьи проф. Иванишева: «государство во время междуцарствія, распадалось на нѣсколько аристократическихъ республикъ, слабо связанныхъ между собою. Всѣ королевскія судебныя мѣста прекращали свои дѣйствія; верховная власть государя, въ отношеніи къ суду и мѣрамъ внутренней безопасности, переходила къ дворянамъ. Дворянство каждаго воеводства избирало изъ среды своей депутатовъ, для управленія краемъ, установляло порядокъ судопроизводства и опредѣляло наказанія за нарушеніе законовъ. Депутаты рѣшали дѣла окончательно. Для строгаго исполненія приговоровъ: дворяне обязывались на непослушнаго депутатскому суду возстать всѣ вмѣстѣ и каждый особо идти войной, какъ противъ врага отечества, опустошить его имѣнія и лишить его жизни и чести».

Г. Падалица увѣряетъ, что это мнѣніе профес. Иванишева почерпнуто изъ постановленія каптуроваго суда дворянъ земли волынской, отъ 27 Іюля 1574 года, изданнаго въ I т. 2 ч. стр. 18.

Дальше (подлинныя слова г. Падалицы): мы видимъ изъ этой дефиниціи г. Иванишева, до какой степени почтенный профессоръ не понялъ духа этого порядка дѣлъ, когда постановленіе, изображающее понятіе нужды порядка, принялъ простодушно за постановленіе своеволія и противозаконности. Г. Падалица хочетъ непремѣнно доказать, что профессоръ Иванишевъ считаетъ каптуровый судъ мятежомъ и нарушеніемъ законовъ и громко восклицаетъ: нѣтъ, это не такъ!

Еслибъ г. Падалица внимательно прочиталъ отрывокъ изъ статьи проф. Иванишева, онъ бы убѣдился, что напрасно возражалъ; проф. Иванишевъ не смотритъ на каптуровые суды, какъ на мятежъ и противузаконіе; это ясно обозначается словами его статьи.

Но если г. Падалица желаетъ опровергнуть положеніе, что междуцарствіе вело за собою гибельныя по-

слѣдствія, если онъ желаетъ доказать, что это не такъ, что въ то время государство не раздѣлялось на нѣсколькихъ враждебныхъ партій магнатскихъ, то мы мимоходомъ напомнимъ ему нѣкоторыхъ польскихъ историковъ, весьма согласныхъ съ Иванишевымъ. Такъ Морачевскій и Лелевель говорятъ о бурныхъ и несчастныхъ для народа временахъ междуцарствія, во время которыхъ выработался аристократическій деспотизмъ, ведущій за собою анархію. Такъ Нѣмцевичъ [1]) разсказываетъ дѣла Замойскихъ и Зборовскихъ и извѣстные выстрѣлы во время элекціоннаго сейма; такъ Коховскій [2]) говоритъ о смутахъ, при воцареніи Іоанна Казиміра, такъ Островскій [3]) разсказываетъ о религіозныхъ ссорахъ и смятеніяхъ, которыя усиливались во время междуцарствія и проч.

Слѣдующихъ нѣсколько словъ отвѣта г. Падалицы, относящихся къ устройству войска написаны съ цѣлію, чтобы въ концѣ ненужной для дѣла тирады пустить остроту. Попала ли эта острота въ цѣль, это насъ не касается

Далѣе г. Падалица обращается къ разсмотрѣнію вопроса религіозной уніи, окончившагося брестскимъ соборомъ, или, лучше сказать, соединеніемъ Украины съ Московскимъ государствомъ, на берегахъ Прута. Г. Падалица говоритъ, что разъясненіе вопроса церковной уніи принадлежитъ польскимъ источникамъ и что, благодаря этимъ источникамъ, въ наше время понимаютъ иначе это происшествіе, чѣмъ десятокъ лѣтъ тому назадъ.

Намъ кажется, что объ этомъ никто не споритъ. Стоитъ только прочитать сочиненіе Кояловича, чтобъ узнать, какіе драгоцѣнные матеріалы, какое громадное количество уцѣлѣло ихъ на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Громадность ихъ весьма естественна; унія вводилась не только посредствомъ административныхъ распоряженій, но и всѣми возможными

---

[1]) Dzieje panowania Zygmunta III Jul. Urs. Niemcewicza — томовъ III.

[2]) Annalium Poloniae ab obitu Vladislavi IV, Climacteres, scriptore Vespasiano a Kochovo Kochowski. 3 Vol.

[3]) Dzieje kościoła polskiegn—przez X. Ostrowskiego S. P.,— томовъ III.

средствами ученой диспуты. Времена XVI и XVII столѣтій извѣстны, какъ времена схоластицизма. Извѣстно, что польское правительство, для ополяченія русиновъ, запрещало имъ имѣть свои школы, а вмѣсто ихъ учреждало на всемъ пространствѣ Руси школы польскія, въ которыхъ получали образованіе даже православные епископы, вслѣдствіе чего стали часто употреблять польскій языкъ въ своихъ сочиненіяхъ. По этому, и вся почти полемика объ уніи писалась на польскомъ и латинскомъ языкахъ, но съ этими сочиненіями надобно обращаться весьма осторожно; это сочиненія полемическія, и только глубокое ихъ изученіе не дозволитъ впасть въ преувеличенія и ошибки противъ исторической истины. Впрочемъ, въ настоящее время, при открытіи множества подлинныхъ актовъ и документовъ, относящихся къ уніи, сочиненія эти дѣлаются источникомъ второстепеннымъ. Исторія уніи Кояловича есть первый опытъ раскрытія этого событія, на основаніи сихъ документовъ. И мы вполнѣ согласны съ г. Падалицею, что теперь дѣйствительно понимаются вопросы уніи во многомъ иначе, чѣмъ лѣтъ десятокъ назадъ и, конечно, иначе, чѣмъ понимаетъ г. Падалица, едва-ли приготовленный къ сужденію о такомъ дѣлѣ, какъ церковная унія. Слава Богу, въ такого рода источникахъ теперь недостатка не будетъ. Центральные архивы, за тѣмъ церковные, монастырскіе, государственные и проч. наполнены десятками тысячь историческихъ документовъ, которыми легко будетъ опрокинуть всякое искаженіе истины и клеветы на Россію польскихъ запальчивыхъ публицистовъ, къ числу которыхъ, судя по печатнымъ проявленіямъ въ вышеупомянутыхъ періодическихъ изданіяхъ, мы имѣемъ полное право причислить и г. Падалицу. Теперь нѣтъ недостатка и въ любителяхъ исторической истины, которые всѣмъ удовольствіямъ жизни предпочитаютъ удовольствіе искать ее въ архивной пыли. Къ числу такихъ адептовъ истины, по всей справедливости, принадлежатъ гг. Иванишевъ и Юзефовичъ, которые такъ не нравятся г. Падалицѣ, собственно изъ-за того, что издаваемые ими акты препятствуютъ польскимъ писателямъ продолжать морочить человѣчество, распро-

страняемыми ими по Европѣ и западной части русской Имперіи, quasi историческими сочиненіями, испещренными выдуманными фактами, для достиженія своихъ политическихъ химеръ,—каковы возстановленіе умершей Польши w starożytnich granicach. Да, г. Падалица справедливо говоритъ, что теперь иначе понимаютъ вопросъ уніи, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ; потому, что разъяснили его не столько, завѣщанныя стариной, полемическія сочиненія, сколько изданія археографической коммиссіи; коммиссій виленской и минской, а наконецъ и кіевской, учрежденныхъ для изданія мѣстныхъ актовъ, которые, будучи свободны отъ недостатковъ схоластической силлогистики, бросаютъ болѣе вѣрный и яркій взглядъ на прошедшее.

Такимъ образомъ, розысканія проф. Иванишева въ первый разъ вѣрно обрисовали личность Терлецкаго, а I-й томъ 1-й части архива юго-западной Россіи объяснилъ туманныя доселѣ происшествія брестскаго собора. Г. Кояловичь много почерпалъ матеріаловъ для своей «Исторіи церковно-литовской уніи» изъ 1-й части I тома юго-западной Россіи; г. Соловьевъ принялъ почти безъ измѣненія взглядъ проф. Иванишева на это дѣло. Но г. Падалица, уважая мнѣніе г. Соловьева, приводя отрывки изъ его сочиненія, начиная свое возраженіе объ уніи афоризмомъ, что теперь иначе надобно понимать это дѣло,—вотъ какое высказываетъ мнѣніе:

«Унія была непосредственнымъ слѣдствіемъ тѣхъ безпорядковъ и безорганизацій, въ какихъ находилась Восточная церковь еще въ половинѣ XVI столѣтія. Польское правительство въ цѣлой борьбѣ, которая произошла отъ этого впослѣдствіи, не только не обнаруживало прозелитическаго характера, но чаще всего становилось примирителемъ враждебныхъ сторонъ, постоянно возвращало ихъ на законный путь. Настоящая (коренная) Польша играла весьма слабую роль въ цѣлой этой борьбѣ; но дѣло сіе велось на Руси и русинами, которые, поссорившись между собою, или по собственному убѣжденію, или для личныхъ видовъ, обратились въ католицизмъ или въ унію, или же остались при Восточной Церкви. Вотъ они то, а не поляки подняли религіозное волненіе въ своемъ отечествѣ и

ссорились между собою. Коренные поляки не могли принимать въ этой борьбѣ участія уже и потому, что ихъ, какъ римскихъ католиковъ, эти ссоры не касались ощутительно. (Еще бы? Таковъ ли характеръ католицизма? Полно-те г. Падалица!)»

Что уніи предшествовали іерархическія нестроенія Восточной Церкви, это аксіома. Почти тоже говоритъ профессоръ Иванишевъ въ I томѣ 1-й части Архива юго-зап. Россіи. Что до XVI столѣтія коренные поляки (народъ) не принимали въ этой ссорѣ живаго участія, высказывается и въ статьѣ проф. Иванишева, во 2-й части I томѣ. Но что польское правительство не имѣло въ этомъ спорѣ прозелитическаго характера, на это нельзя отвѣчать однимъ словомъ, тѣмъ болѣе отрицательнымъ. Скажемъ только, что сохранились цѣлыя сотни сеймовыхъ постановленій, королевскихъ декретовъ, универсаловъ, указовъ и т. п., слишкомъ ощутительно доказывающихъ, что именно польское правительство затѣяло унію, и до конца существованія Польши поддерживало ее, часто самыми незаконными и насильственными мѣрами. Множество таковыхъ документовъ уже напечатано въ разныхъ изданіяхъ древнихъ актовъ, но большая часть изъ нихъ, находясь въ разныхъ казенныхъ и частныхъ архивахъ юго-западной и западной Россіи, ожидаетъ обнародованія. Впрочемъ, довольно напомнить г. Падалицѣ о польскихъ дессидентахъ, къ числу коихъ, главнымъ образомъ, принадлежали православные, чтобъ уличить въ несправедливомъ взглядѣ его на польское правительство, относительно участія сего послѣдняго въ дѣлѣ уніи.

Г. Падалица, чтобы мнимымъ доказательствомъ укрѣпить свой выводъ, приводитъ въ статьѣ письмо литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ Кунцевичу, напечатанное въ X томѣ на стр. 8 Исторіи Соловьева; (См. отдѣлъ 1 настоящей книжки), но г. Падалица далъ, какъ намъ кажется, одностороннее направленіе своимъ выводамъ, и даже игралъ слишкомъ неосторожно съ такимъ мечомъ обоюду — острымъ, какъ письмо Льва Сапѣги [1]).

---

[1]) Впрочемъ Левъ Сапѣга, рожденный отъ православныхъ ро-

Что въ Польшѣ были люди понимающіе дѣло, что многіе видѣли хорошо зло уніи, объ этомъ свидѣтельствуютъ современные источники [1]); но что, съ воцареніемъ Сигизмунда III, правительство содѣйствовало всѣми силами іезуитской пропагандѣ, что папа дѣйствовалъ на Сигизмунда, а Сигизмундъ стоялъ въ главѣ упорной и жестокой пропаганды, что Сигизмундъ выслалъ Поцѣя и Терлецкаго въ Римъ, что брестскій соборъ былъ дѣломъ состроеннымъ Сигизмундомъ и ксендзами, что короткое царствованіе Владислава IV не могло залѣчить этихъ ранъ, что фанатизмъ, поддерживаемый іезуитами, волновалъ умы и сердца противъ дизунитовъ на сеймахъ, что правленіе Іоанна Казиміра дало сильный перевѣсъ іезуитамъ въ Польшѣ; объ этомъ даже стыдно спорить. Мы прибавимъ только одно примѣчаніе, по поводу словъ г. Падалицы, въ которыхъ онъ отчасти повторяетъ тоже самое, что высказалъ когда-то и г. Грабовскій, — будто церковная унія была слѣдствіемъ безпорядковъ и дезорганизацій, въ какихъ находилась Восточная Церковь еще въ половинѣ XVI вѣка. По какой это логикѣ, для того, чтобы внести болѣе порядка въ какую нибудь церковь, мы позволили бы себѣ насиліями и казнями подчинять ее другой церкви и изъ одной превращать ее въ другую? По какому же праву, спросимъ теперь частнѣе, Рѣчь Посполитая, съ ордою іезуитовъ, позволила себѣ, подъ предлогомъ большаго порядка въ Восточной Церкви, преслѣдовать ея членовъ и, съ мечомъ въ рукахъ, требовать, чтобы она подчинилась римской. Неужели вы не замѣчаете, что объяснять унію такими причинами, значитъ говорить вздоръ?

Г. Падалица смотритъ иногда (впрочемъ рѣдко) на вещи прямѣе, чѣмъ другіе: онъ не считаетъ Кунцевича святымъ — мученикомъ и не подражаетъ г. Грабовскому, считающему іезуитовъ существами *са-*

дителей, окрещенный и воспитавшійся въ православіи, потомъ перешедшій и долгое время пробывшій въ реформатской вѣрѣ, хотя и сдѣлался р. католикомъ не задолго до написанія сего письма къ Кунцевичу, не симпатизировалъ ни латинству, ни уніи.

[1] См. въ 1 Отдѣлѣ 1 книжки „Голосъ“ № 1.

мыми невинными; но, при всей очевидности фактовъ, увлекается еще страшнымъ фанатизмомъ. Вотъ его слова, слѣдующія сейчасъ же за приведеннымъ письмомъ Льва Сапѣги къ Кунцевичу: «Польша сдѣлала огромную ошибку, соглашаясь на унію и становясь такимъ образомъ слѣпымъ орудіемъ іезуитскаго фанатизма, но за чѣмъ же возлагать на нее отвѣтственность за все, даже за домашніе споры русиновъ, и злоупотребленія собственныхъ священниковъ». Такое мнѣніе высказываетъ и проф. Иванишевъ въ передовой статьѣ 1 тома II части Архива юго-западной Россіи: «Въ государственномъ составѣ древней Польши существовала, чуждая народнымъ интересамъ, иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на разумъ и совѣсть польскаго и западно-русскаго народа; эта власть заключалась въ римской пропагандѣ. Религіозный фанатизмъ, занесенный въ Польшу римскою пропагандою, поселялъ раздоръ между единоплеменными народами; онъ, какъ погребальный факелъ, бросалъ свой зловѣщій свѣтъ на всю исторію Рѣчи Посполитой и велъ это государство къ политической смерти»[1]). Далѣе ученый професоръ говоритъ о гибельныхъ послѣдствіяхъ автономіи духовенства, которое составляло какъ бы государство въ государствѣ, обращаясь съ доносами въ Римъ. Это впрочемъ такъ понимаютъ и польскіе историки.

Г. Падалица, сознавая, что Польша, дозволивъ развиться іезуитской пропагандѣ, сдѣлала большую ошибку (не нужно забывать и того, что іезуиты не столь преслѣдовали цѣли религіозныя, сколько политическія), за всѣмъ тѣмъ говоритъ, что дѣло уніи было чисто религіозной борьбой и что это была ссора русиновъ съ русинами. Но это г. Падалица сказалъ, кажется, только для того, чтобъ имѣть возможность поцитовать звучныя слова «Современника»: «если римская пропаганда и унія взяли подъ свое знамя знатнѣйшихъ сыновъ Восточной Церкви, тутъ не за что упрекать другихъ, а нужно упрекнуть самихъ себя, почему мы не умѣли возвысить просвѣщенія на ту степень, на которую возвысило его рим-

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи ч. II т. 1 стр. LVI.

ское духовенство, чтобъ удержать ихъ при Восточной Церкви?» Жалкая односторонность выводовъ и фанатическое упорство въ присутствіи неопровергнутыхъ фактовъ! Польша дѣлаетъ ошибку, соглашаясь на унію, польское правительство дозволяетъ іезуитамъ захватывать въ свои руки народное образованіе, насиловать убѣжденіе, тиранить неунитовъ; а между тѣмъ дѣло уніи считается чисто религіозной борьбой, и требуется отъ лишенной защиты и покровительства польскаго правительства отъ гонимой, преслѣдуемой Восточной Церкви образованія! Гдѣ же взять его, когда и насиліе и всѣ козни римской пропаганды въ государствѣ благоговѣвшемъ предъ нею, апплодировавшемъ предъ нею, все было направлено къ отнятію всѣхъ средствъ, къ самостоятельному образованію у православныхъ, а потомъ даже и у уніатовъ? Можетъ быть въ іезуитскихъ коллегіяхъ? Хитро, да только теперь какъ ни прячьте голову, а хвосты видны. Прочтите хотя проэктъ польскаго іезуита (въ Днѣ и въ 1 книжкѣ нашего журнала) и вы будете имѣть вѣрнѣйшее понятіе о многомъ, что дѣйствительно дѣлалось въ Польшѣ противъ православной русской народности постоянно, до позднѣйшихъ временъ.

Мы видимъ изъ цѣлаго взгляда г. Падалицы на дѣло уніи, что онъ хватается за что ни попало, лишь бы успокоить свой фанатическій взглядъ на вещи; но въ отсутствіи фактовъ, садится верхомъ на фразу «Современника» и, быть можетъ, ожидая еще разъясненія вопроса отъ издаваемыхъ постоянно матеріаловъ этого предмета,—удерживается отъ нанесенія послѣдняго смертоноснаго удара коммиссіи. И мы удерживаемся отъ послѣднихъ словъ; только, по случаю вопроса, вызваннаго «Современникомъ» объ образованіи, указываемъ мимоходомъ на этотъ маленькій историческій документъ, помѣщенный въ нашемъ журналѣ, и далѣе на прошеніе уніатскаго духовенства (1 Отд. №№ 2 и 3).

Намъ уже казалось, что ученое наше прѣніе кончено, но г. Падалица, въ концѣ своей статьи, еще бросаетъ возраженіе весьма интересное, потому что дѣло о народности: «Дворянство на Руси, гово-

ритъ г. Падалица, было точно также польскимъ, какъ и православнымъ и, защищая свою вѣру и свою вольность, не переставало чувствовать и думать по-польски.... Здѣсь дѣло о весьма важномъ вопросѣ, потому что это дѣло о народности, которую умышленно затмѣваютъ эти господа, и дворянина считаютъ чѣмъ-то чужимъ русскому народу. Русскій дворянинъ такой же самый русинъ, какъ и не дворянинъ. Это такой фактъ, въ очевидности котораго нельзя сомнѣваться. Вѣроисповѣданіе тутъ не значитъ ровно ничего, ибо оно относится непосредственно къ дѣламъ совѣсти, а не къ правамъ на землю, на которой онъ выросъ, которой служилъ и за которую равнымъ образомъ сражался одинъ и другой. Если бы религія могла здѣсь имѣть вліяніе на родъ вещей, то идолопоклонство имѣло бы это право по преимуществу. Могло дворянство пойти по одному, народъ по другому пути религіозныхъ понятій; одни могли выработать такое, другіе другое будущее; тѣ тутъ, другіе въ другомъ мѣстѣ видѣть истину; но все это не отнимаетъ у однихъ въ пользу другихъ права собственности».

Дворянство тоже самое, что народъ русскій, это правда, что они имѣютъ одинаковое отношеніе къ землѣ, которую защищали отъ враговъ, это правда, что религія не составляетъ единственнаго признака народности, и этого никто не отвергаетъ; мы на все это согласны. Но что дворянство на Руси было польскимъ по убѣжденію—это нелѣпость: оно было чисто русскимъ душой и тѣломъ до римской пропаганды, поддержанной польскимъ правительствомъ.

Если г. Падалица рѣшаетъ вопросъ чисто народный, то на какомъ основаніи смѣшиваетъ его съ вопросомъ о правѣ собственности на землю помѣщиковъ и народа? Это, г. Падалица, вопросъ чисто административный, а не народный, и притомъ вопросъ небезопасный [1]).

---

[1]) Мы подбираемъ документы, выясняющіе какимъ путемъ польскіе выходцы и туземные ренегаты, во время владычества Польши надъ Малороссіею и другими частями Россіи, дѣлались владѣльцами русскихъ земель и помѣстимъ ихъ на страницахъ

Но мы понимаемъ отъ чего все это тревожитъ г. Падалицу: передъ его глазами, на-вѣрно, рисуются кровавыя картины прошедшаго, и онъ, подобно всѣмъ здѣшнимъ помѣщикамъ, боится за свою собственность. Хотя это дѣло не касается нашего вопроса, но намъ кажется, что на томъ основаніи, что народъ русскій, а помѣщики поляки, нѣмцы, жиды и проч. никто не станетъ отнимать у послѣднихъ землю, однажды навсегда сдѣлавшуюся ихъ собственностію.

Дѣло въ томъ, точно ли дворяне южно-русскаго края—русины по крови, но р. католики, по вѣрѣ и по понятіямъ, могутъ быть достойными представителями туземнаго, православнаго русскаго народа въ дѣлѣ уясненія его вопросовъ? Нѣтъ и сто разъ нѣтъ! И самъ г. Падалица мимовольно сознался въ этомъ, сказавъ, что дворянство послѣдовало другому направленію, чѣмъ народъ, что одни выработали такое, другіе—другое будущее, что народъ тутъ (на родинѣ на родной почвѣ) видитъ счастіе, а помѣщики въ другомъ мѣстѣ (на чужбинѣ).

Мы сказали на чужбинѣ! И не даромъ! Тутъ въ южнорусскомъ краѣ, все ваше сословіе чуждо народу. Разорвавъ однажды узлы народной связи, вы разорвали ихъ навсегда, вы напрасно станете «додѣлывать эти неоконченные звѣнья исторической цѣпи»! Неужели вамъ кажется, что въ историческомъ развитіи народа могутъ находиться пробѣлы, что историческая цѣпь порвалась, что вы тотъ мастеръ, который ее додѣлаетъ? Русскій народъ —это постоянныя звѣнья той исторической цѣпи, отъ которой вы отпали; а народъ никогда не измѣнялъ своимъ началамъ и, не разрывая исторической цѣпи своего прошедшаго, ускореннымъ шагомъ подвигается къ своему

нашего журнала. Тогда дѣло разъяснится, имѣютъ ли право нынѣшніе владѣльцы сихъ земель въ Руси называть ее Польшею, потому только, что они владѣютъ землями русской страны, какъ прибѣгаютъ они къ такой уловкѣ теперь, когда противъ ихъ химерической тенденціи (возстановленія Польши въ starożytnich granicach) указываютъ имъ на значительное предъ ними большинство русскаго народонаселенія, на русскій общенародный языкъ и общенародную вѣру.

будущему. Отъ васъ зависитъ только примкнуть къ этой цѣпи, но не додѣлывать ее.

Печальное представляется зрѣлище при взглядѣ въ наше время на шляхту южно-русскаго края! Не находя подъ собою никакой точки опоры на родинѣ, она обращается къ польской націи, не имѣя возможности принести ей въ доказательство своей единоплеменности ничего, кромѣ испорченнаго языка, стариннаго права собственности, наданнаго въ чужой землѣ и на счетъ туземцевъ отъ несуществующаго уже польскаго правительства, и совершеннаго отсутствія здравыхъ понятій о духѣ, обычаяхъ и исторіи польскаго народа; да еще убійственнаго для славянскихъ народностей р. католичества.

ОБЩІЯ СООБРАЖЕНІЯ

О НАРОДНЫХЪ У НАСЪ ШКОЛАХЪ.

Нѣтъ надобности говорить о важности народныхъ школъ, о необходимости правильнаго ихъ устройства, объ ихъ у насъ неотлагаемости: это нашъ жизненный вопросъ.—Безпримѣрный разладъ образованности съ историческою жизнію и съ духомъ народнымъ,—разладъ, котораго результаты даютъ намъ знать о себѣ все болѣе и болѣе, есть прямое слѣдствіе умственнаго развитія, отрѣшеннаго отъ народа, не имѣющаго въ его почвѣ корней, привитаго къ намъ извнѣ и существующаго, какъ чужеядное растеніе, на счетъ развитія нашихъ собственныхъ духовныхъ силъ.—Такой разладъ не можетъ не привести насъ къ какой нибудь пагубной катастрофѣ, ежели сама жизнь не овладѣетъ своимъ развитіемъ и не освободится отъ чужеядныхъ нарощеній. А это можетъ осуществиться только тогда, когда весь народъ приметъ участіе въ нашей умственной жизни. Дайте народу школы, дайте здравому народному смыслу возможность принять въ ней участіе, и будьте увѣрены, что, изъ этой точки отправленія, сама жизнь поведетъ все наше развитіе естественно, правильно и самобытно.

Но, чтобъ обратиться въ дѣйствительную жизненную силу, народное образованіе не должно быть произведеніемъ искуственнымъ: всякая искуственность въ дѣлѣ жизни или вызываетъ ея противодѣйствіе или парализуетъ ея собственныя отправленія. По этому народныя школы должны быть созданіемъ самой народной жизни: въ этомъ отношеніи ей должна быть предоставлена полная свобода. Дѣло общества, или распоряжающаго его дѣлами правительства, *сдѣлать возможнымъ* для народа открытіе школъ.

Что же для этого нужно?

Нужно, прежде всего, чтобы школы не были для нашего народа, еще весьма бѣднаго, экономическимъ бременемъ, и чтобы были для нихъ учителя.

Ближайшимъ и самымъ удобнымъ орудіемъ народнаго образованія есть, разумѣется, духовенство. Безъ его участія, правильное народное образованіе не мыслимо.—Сельскіе священники должны быть непосредствеными просвѣтителями народа: въ этомъ заключается неотъемлемая принадлежность ихъ назначенія. Такое отношеніе къ народу вполнѣ оправдано духовенствомъ во всѣхъ странахъ протестантскихъ; а если ультрамонтанскій фанатизмъ римскаго духовенства дѣлаетъ исключеніе изъ этаго общаго правила, подчиняя свои отношенія къ народу своекорыстнымъ цѣлямъ, то это исключеніе никакъ не можетъ прилагаться къ нашему православному духовенству, котораго характеръ не имѣетъ ничего общаго съ римскимъ. Говорятъ, что наше сельское духовенство стоитъ на слишкомъ низкой ступени развитія, (*) чтобъ служить съ успѣхомъ дѣлу народнаго образованія. Но въ такомъ случаѣ должно позаботиться о томъ, чтобы измѣнился уровень нашего духовенства, должно уяснить себѣ причины его упадка, устранить ихъ и возвратить этому важному органу народной жизни его истинное значеніе, а не обходить его въ такомъ дѣлѣ, которое прямѣе и ближе, чѣмъ къ кому другому, относится къ нему. Возстановить значеніе нашего духовенства совсѣмъ не такъ трудно, какъ обыкновенно думаютъ, потому, что всѣ главнѣйшія причины его упадка находятся не *въ немъ*, а *внѣ его*, именно въ общемъ отношеніи нашей церкви къ государству и обществу. Поставте церковь въ правильное отношеніе къ тому и другому (что сдѣлать не трудно и что сдѣлать необходимо), и общій характеръ нашего духовенства самъ собою быстро измѣнится: человѣческое достоинство тотчасъ проявляется въ людяхъ, коль скоро пріобрѣтаетъ возможность проявляться, а съ возвышеніемъ духа—возвышается и весь уровень человѣческій Желать отстраненія духовенства отъ народнаго образованія можетъ только умственное ослѣпленіе или злонамѣренность.

Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобы народныя

(*) Людей окончившихъ полный курсъ наукъ въ семинаріяхъ, дающихъ дѣльныхъ преподавателей во всѣ не только низшія, но и среднія учебныя заведенія—гражданскія и военныя, назвать стоящими на слишкомъ низкой степени развитія— это крайняя несправедливость и обида. *Прим. Ред.*

школы должны подлежать административному вѣденію духовной власти. (**) Духовная власть должна даже уклоняться отъ этого, во имя интересовъ самой церкви, потому что всякое административное вмѣшательство въ жизнь народа, въ какомъ бы ни было отношеніи, всегда вредитъ нравствен-

---

(*) Редакція Вѣстника имѣетъ причины не раздѣлять этого убѣжденія почтеннаго автора. Главная изъ этихъ причинъ та, что, если устранить священника отъ управленія сельскою школою, или иначе — *школою при церкви*, то она рискуетъ остаться безъ всякаго управленія. А мировой посредникъ и братство, скажетъ авторъ? Но главою братства (о мировомъ посредникѣ замѣтимъ кое что ниже), въ дѣлѣ заправленія школою, все же долженъ быть священникъ, какъ президентъ, или какъ угодно его назовите. Да и какое тутъ управленіе? То же самое, какое существуетъ и теперь и на какое никто не жалуется. Не нужно только понимать администраціи въ отвлеченномъ или, по крайней мѣрѣ, обширномъ ея значеніи, чтобы видѣть, что заправленіе сельскою школою не превышаетъ моральныхъ средствъ священника и не противорѣчитъ его значенію. Быть можетъ почтенный авторъ судитъ объ этомъ предметѣ потому вліянію, какое проявили на образованіе древніе братства, наприм: луцкое, кіевское, виленское и многія другія? Но между этими братствами и братствами *сельскими*, равно какъ школами при церкви сельской и тѣми, которымъ *покровительствовали* эти братства (*)—безконечное различіе. Въ главѣ первыхъ нерѣдко стояли владѣтельные особы, важнѣйшіе въ краѣ духовнаго (по преимуществу) и свѣтскаго сословія и другіе развитые люди; послѣднія же составляются (*если еще составляются*) изъ людей большею частію неграмотныхъ, ровно ничего непонимающихъ въ дѣлѣ образованія. Если священникъ заправляетъ всѣми моральными нуждами народа, то уже ли у него не достанетъ умѣнія или досуга заправлять (въ зимнюю пору) дюжиною ребятишекъ, особенно, когда это дѣло составляетъ одну изъ коренныхъ, *моральныхъ нуждъ* его прихода? Иное дѣло экономическая сторона школы: въ этомъ отношеніи она можетъ и должна (и то по указанію священника) состоять на попеченіи всего общества, или, пожалуй, братства, а пока онѣ сгрупируются,—сельскаго управленія, но въ педагогическо-нравственно-административную часть школы общество не можетъ мѣшаться какъ по своей многолюдности, такъ и потому, что оно можетъ своею неразвитостію, или точнѣе умственною слѣпотою, парализировать добрыя намѣренія и благоразумную распорядительность священника. Поручить имъ это дѣло не будетъ ли тоже, что поручить глухому управленіе оркестромъ? *Прим. Редак.*

(*) Покровительствуемыя школы все же имѣли свою администрацію.

ному авторитету духовенства. Школы должны подлежать вѣдѣнію свѣтской власти. На этомъ основаніи и сельскіе священники не должны имѣть въ школахъ никакого начальничьяго характера: они, какъ наставники въ вѣрѣ и какъ блюстители нравственности народной, должны ограничиваться въ нихъ преподаваніемъ Закона Божія и наблюденіемъ за общимъ направленіемъ обученія: ихъ пастырскій авторитетъ, здѣсь, какъ и вездѣ, долженъ опираться на нравственное вліяніе, а не на оффиціальное право, и ежели священникъ пользуется такимъ вліяніемъ, то оно совершенно достаточно для поддержанія его авторитета въ школѣ, а ежели онъ имъ не пользуется, то было бы скорѣе вредно, чѣмъ полезно ввѣрять ему школьную дирекцію. Должно сознаться, что, при нынѣшнемъ состояніи нашего сельскаго духовенства, только такое его отношеніе къ школамъ возможно и раціонально. Нельзя также возлагать на сельскихъ священниковъ и всего труда обученія, потому уже одному, что для семейнаго нашего духовенства, при сложныхъ обязанностяхъ его прямаго назначенія, такой трудъ былъ бы слишкомъ обременителенъ и едвали даже исполнимъ, безъ упущенія съ той или съ другой стороны.—По этому, для предметовъ грамотности, непремѣнно должны быть въ школахъ особые учителя.

Но гдѣ взять нѣсколько десятковъ тысячъ учителей, необходимыхъ для нашего народа?

Чтобы найти ихъ, поборники нашего современнаго прогреса требуютъ полной свободы обученія. А что такое эта свобода, сами прогресисты позаботились уже объяснить намъ въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ.—Это явленіе не можетъ быть разсматриваемо какъ частное, случайное. Множество другихъ фактовъ ежедневно заявляютъ въ нашей наукѣ, литературѣ и положительной жизни, что общее состояніе умовъ находится у насъ не въ нормальномъ положеніи. Умственный недугъ, въ самыхъ уродливыхъ формахъ, охватилъ у насъ цѣлыя массы изъ, такъ называемыхъ, образованныхъ классовъ и, особенно, изъ молодыхъ поколѣній, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при допущеніи всѣхъ и каждаго къ народному обученію, народныя школы обратились бы у насъ въ главные центры дѣятельности нашего горячечнаго прогреса. Каковы бы ни были причины этого недуга, но я не думаю, чтобы можно было завѣдомо допустить къ народному воспитанію прикосновеніе зараженныхъ элементовъ, во имя какого-бы ни было начала.

Отъ зараженной среды одно спасеніе—карантинъ. Чтобы

отдѣлить отъ зараженной здоровую среду нашего народа— одно средство: дать ему учителей изъ его же собственной среды.—Къ этому побуждаютъ и другія еще соображенія: *во первыхъ*, необходимость установить между народомъ и школами то сочувственное отношеніе, которое одно можетъ обезпечить успѣхъ послѣднихъ, а сочувствіе къ нимъ всего вѣрнѣе пробудится въ нашемъ народѣ, когда онъ встрѣтитъ въ наставникахъ своихъ-же братій; *во вторыхъ*, экономическій расчетъ, который можетъ быть достигнутъ только при учителяхъ, взятыхъ изъ народа, какъ увидимъ ниже.

Приготовленіе такихъ учителей не представляетъ ни какихъ особенныхъ затрудненій, и, если взяться за это дѣло какъ слѣдуетъ, съ полнымъ сознаніемъ его важности, отстранивъ административное соперничество вѣдомствъ и устремясь общими силами къ цѣли общаго интереса,—то можно приготовить все нужное намъ число учителей въ два, или много въ три года.— Для нашего безграмотнаго народа нѣтъ еще никакой нужды въ ученыхъ педагогахъ: ему прежде всего нужна грамотность, а для обученія грамотѣ нужны хорошіе учителя-громотѣи,— неболѣе. Дальнѣйшія требованія народнаго образованія выскажетъ сама жизнь, а съ требованіями явятся, въ свое время, и средства для ихъ удовлетворенія.

Нужные матеріалы для этой цѣли имѣются повсемѣстно въ нашихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, при которыхъ вездѣ должны быть открыты школы для приготовленія учителей (²). Эти заведенія будутъ, такимъ образомъ, во всѣхъ центрахъ сельскаго населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ и училищахъ найдутся преподаватели, которые охотно посвятятъ себя этому важному народному дѣлу, и выполнятъ свой долгъ честно и добросовѣстно, довольствуясь за свой трудъ умѣреннымъ вознагражденіемъ. Найдутся такіе же законоучители и по городамъ.— При хоро-

²) Въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ уѣздныхъ училищъ мало, и гдѣ необходимо, однакожъ, открыть учительскія школы во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, ихъ можно устроить въ помѣщеніяхъ приходскихъ училищъ; разумѣется, независимо отъ нихъ, назначивъ въ каждую такую школу особаго законоучителя и свѣтскаго преподавателя, съ жалованьемъ и правами уѣздныхъ учителей.— Двухъ этихъ лицъ, лишь бы они были способны, весьма достаточно для предположенной цѣли. Такія школы, какъ и открытыя при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, должны быть въ завѣдываніи учебнаго вѣдомства.

шей методѣ обученія, для курса учительскихъ школъ будетъ очень достаточно двухъ лѣтъ, нетолько для образованія хорошихъ учителей-грамотѣевъ, но и для сообщенія имъ нѣкоторыхъ общихъ понятій о природѣ, о земномъ шарѣ и о жизни человѣческихъ обществъ.

Чтобы привлечь къ учительскому званію дѣтей изъ лучшихъ и достаточныхъ семействъ, необходимо присвоить этому званію такія льготы, которыя дѣлали бы его выгоднымъ и для всѣхъ желательнымъ. Освобожденіе лично сельскихъ учителей отъ рекрутства, съ зачетомъ ихъ очереди семействамъ, а равно и отъ всѣхъ другихъ повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ, было бы достаточно для созданія учительскому званію такого положенія и для привлеченія къ нему дѣтей, изъ семействъ, которыя въ состояніи принять на себя учительское тягло безмездно, за однѣ лишь предоставленныя ему обществомъ льготы. Такимъ образомъ разрѣшилась бы едва-ли не самая трудная, экономическая сторона задачи.

По учрежденіи учительскихъ школъ, слѣдуетъ объявить сельскимъ обществамъ о ихъ существованіи, ихъ цѣли и льготахъ, сопряженныхъ съ учительскимъ званіемъ, съ тѣмъ, что общества, желающія завести у себя школы, имѣютъ право помѣщать туда мальчиковъ, отъ 16 до 18 лѣтняго возраста, для приготовленія ихъ къ учительскому званію, на семейномъ или общественномъ иждивеніи, по мірскому усмотрѣнію. Можно ожидать, что такіе институты нигдѣ не останутся пусты, и что черезъ два, или много три года, послѣ ихъ учрежденія, нашъ народъ повсемѣстно пріобрѣтетъ возможность открывать школы, безъ всякаго для него бремени въ экономическомъ отношеніи.

Въ открытіи школъ сельскія общества не должны быть стѣсняемы никакими формальностями. Право на открытіе школы они пріобрѣтаютъ исполненіемъ только двухъ условій: приготовленіемъ себѣ учителя и постройкою школьной избы, съ соблюденіемъ необходимыхъ для этихъ помѣщеній требованій. За тѣмъ открытіе школы совершается по мірскому приговору, съ благословеніемъ священника, безъ всякаго вмѣшательства чьей бы то ни было власти, а общество только увѣдомляетъ о томъ мироваго своего посредника.

Вся распорядительная власть по содержанію школъ принадлежитъ сельскимъ обществамъ; непосредственными же хозяевами въ нихъ суть учителя грамотности.— Что же касается до общаго управленія ими, или, вѣрнѣе, до общаго

наблюденія за ними, то, принимая въ соображеніе неразрывную ихъ связь съ совершающимся у насъ устройствомъ крестьянскаго быта и зависимость ихъ отъ общаго хода этого дѣла, едва ли было бы удобно выдѣлять ихъ *теперь же* изъ вѣдомства, завѣдующаго этимъ дѣломъ, а потому, мнѣ кажется, что ихъ слѣдовало бы подчинить вѣдѣнію мировыхъ учрежденій, а не учебнаго вѣдомства. Въ началѣ, когда потребуется самое близкое и часто, руководящее наблюденіе за ихъ несложившимся еще устройствомъ, учебное вѣдомство не будетъ имѣть къ тому достаточныхъ способовъ; при томъ его власти будутъ имѣть въ глазахъ народа слишкомъ чиновническій характеръ; мировые посредники, по совершенно другому ихъ характеру въ понятіи народномъ, и по непосредственному ихъ отношенію къ сельскимъ обществамъ, будутъ, напротивъ, имѣть къ тому всю возможность (3). Равно и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія могутъ съ гораздо большимъ удобствомъ, чѣмъ губернскія дирекціи и окружныя учебныя управленія, слѣдить за ходомъ дѣла, входящаго въ общую систему ихъ соображеній и распоряженій.— Отъ сельскихъ школъ, вообще, надо стараться отстранить какъ можно болѣе всякій казенный характеръ, котораго народъ нашъ не понимаетъ иначе, какъ съ формальной стороны.— Даже и надъ учительскими школами, которыя, по свойству ихъ учрежденія при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, не могутъ не подлежать вѣдѣнію учебнаго вѣдомства, было бы, по моему мнѣнію, полезно допустить вліятельное попечительство мировыхъ посредниковъ тѣхъ участковъ, въ чертѣ которыхъ эти школы находятся.

Но такой порядокъ едва ли примѣнимъ къ нашимъ западнымъ губерніямъ.— Какъ ни щекотливъ этотъ вопросъ, но онъ такъ важенъ, что его нельзя обойти молчаніемъ; а потому, позволяя себѣ полную откровенность, я прошу всѣхъ и каждаго не давать словамъ моимъ никакого оскорбительнаго смысла, а принять ихъ какъ прямой выводъ изъ существа самаго

---

3) Едвали! Возмите во вниманіе только то, сколько мировыхъ посредниковъ въ уѣздѣ, и какъ многосложны ихъ обязанности,—то вы сами увидите, что возлагаете на нихъ бремя не сподручное, неудобовмѣстимое и рѣшительно безполезное для школы. Вотъ что значитъ устранить отъ заправленія школою законнаго ея ближайшаго приставника! Послѣ того непонимаемъ кому и навязать это заправленіе. *Прим. Ред.*

дѣла. Во всемъ нашемъ западномъ краѣ, польское дворянство постоянно заявляетъ, фактически и печатно, такія притязанія, послѣ которыхъ было бы съ нашей стороны слишкомъ неблагоразумно призывать его членовъ къ наблюденію за воспитаніемъ нашего народа: это воспитаніе прямо противорѣчитъ всѣмъ здѣшнимъ польскимъ стремленіямъ. По этому мировые посредники этого края не могутъ быть допущены ни къ какому вліянію на народныя школы. Чѣмъ же замѣнить ихъ?— Здѣсь есть у жизни свое собственное для того средство. Во всемъ западно-русскомъ краѣ, народная жизнь, въ вѣковой борьбѣ за вѣру и народность, выработала такое учрежденіе, которое гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ вся козацкая сила, отстаивало и отстояло ихъ, и которое сохранилось не только въ преданіи, но и въ живыхъ остаткахъ, до нынѣшняго времени. Я разумѣю православныя братства. Прилагаю здѣсь объ ихъ остаткахъ свѣдѣніе, составленное, по моей просьбѣ, г. Ѳ. Лебединцовымъ, спеціально занимающимся этимъ предметомъ и позволившимъ мнѣ напечатать это свѣдѣніе, какъ приложеніе къ статьѣ моей. Такихъ остатковъ найдется, вѣроятно, не мало. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что такъ называемые *братчики* существуютъ въ здѣшнемъ краѣ при многихъ сельскихъ церквахъ.—Остатки эти свидѣтельствуютъ о жизненности учрежденія и о его сообразности съ духомъ народнымъ, а потому возстановленіе братствъ не можетъ представить здѣсь никакихъ зутрудненій. Для этого достаточно только разрѣшить имъ *быть* и позволить имъ *возраждаться*, предоставивъ всю заботу о ихъ возрожденіи мѣстному духовенству. Нѣтъ сомнѣнія, что южно-русскій народъ, весьма преданный историческимъ своимъ преданіямъ, вездѣ охотно откликнулся бы на призывъ своихъ пастырей и возстановилъ бы нравственно-религіозные союзы, которые имѣли нѣкогда такое благодѣтельное вліяніе на духовную его жизнь. Извѣстно, что однимъ изъ главныхъ предметовъ заботливости братствъ, было народное образованіе. По этому и теперь братства могли бы сдѣлаться не только лучшими проводниками народнаго образованія, но и самыми надежными блюстителями чистоты его, такъ что ближайшій контроль за школами не нуждался бы ни въ какомъ постороннемъ содѣйствіи.— Вмѣстѣ съ тѣмъ, братства послужили бы самымъ дѣйствительнымъ, въ настоящее время, средствомъ для поднятія нашего сельскаго духовенства и для скрѣпленія, по прежнему, связи его съ народомъ. Ежелибы къ тому еще возстановить и самое кіевское братство, для

состава котораго нашлось бы достаточно элементовъ въ высшихъ слояхъ русскаго православнаго общества, то члены его, какъ старшіе братья, могли бы представить самые дѣятельные органы для общаго наблюденія, руководства и содѣйствія, въ дѣлѣ здѣшняго народнаго образованія.

Въ такомъ благотворномъ учрежденіи, нельзя, кажется, отказать народу, не принявъ на себя тяжкой отвѣтственности; скажу болѣе, не воспользоваться имъ, значило бы впасть въ громадную современную ошибку, потому что только братскіе религіозные союзы способны сплотить такую охранительную силу, которая можетъ обезпечить здѣсь всѣ интересы нашей народности и которой не дадутъ ей никакія литературныя усилія и никакія правительственныя мѣры.

М. Юзефовичъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТІЕ ВЪ ОБЛАСТИ ЖИЗНИ.

(Приложеніе къ предъидущей статьѣ).

Кіевской губерніи, каневскаго уѣзда, въ селѣ Дыбинцахъ, при храмѣ Успенія Божіей Матери, существуетъ и теперь братство въ такомъ точно видѣ, въ какомъ существовали братства на юго-западѣ Россіи въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ. Братство это сохранило всѣ черты устройства древнихъ братствъ и сходно съ ними въ малѣйшихъ подробностяхъ внутренней организаціи. Такой фактъ будетъ, конечно, неожиданною новостью для тѣхъ, которые, считая братства временнымъ, случайнымъ явленіемъ, давно пропѣли имъ вѣчную память, а можетъ быть и для тѣхъ, которые знали о существованіи братствъ въ наше время по *ставникамъ* (¹), да обѣдамъ поминальнымъ. Но это-мимоходомъ.

Когда и кѣмъ основано дыбинское братство,—неизвѣстно. Приходо-расходныя записи его сохранились отъ 1745 года; но начала въ нихъ нѣтъ, потому несомнѣнно, что оно существовало прежде того времени, а можетъ быть и гораздо прежде.

Устройство дыбинскаго братства въ главныхъ чертахъ слѣдующее: въ братство записывается каждый житель с. Ды-

(¹) *Ставниками* называются большія свѣчи, содержащіяся въ церкви на счетъ прихожанъ. Съ ними стоятъ они (поочередно) на литургіи отъ *Апостола* до *и всѣхъ и вся*.

бинецъ добровольно, но непремѣнно требуется, чтобы онъ былъ честный и добропорядочный человѣкъ. Принятіе производится дѣйствительными членами, по большинству голосовъ, а вступающій въ братство долженъ сдѣлать небольшой опредѣленный вкладъ до *братской скриньки. Рочныхъ справцовъ*, или годовыхъ распорядителей братства—три: *цехмистеръ, ключникъ* и *старшій братъ*. Названіе цехмистера произошло отъ того, что въ селѣ Дыбинцахъ съ незапамятныхъ временъ идетъ выдѣлка глиняной посуды и, для успѣшности дѣла, учрежденъ ремесленно-гончарный цехъ. Въ давніе, неизвѣстные годы, цехъ превратился въ братство, которое и доселѣ сохранило нѣкоторый оттѣнокъ цеховаго устройства. Въ ряду годовыхъ распорядителей дыбинскаго братства ни теперь, ни въ прежнее время, не видимъ четвертаго братчика, какъ это было въ древнихъ братствахъ; но это по тому, конечно, что при тѣсномъ кругѣ дѣятельности братства и небольшихъ его средствахъ, четвертый членъ оказывался лишнимъ. Цехмистеръ, ключникъ и старшій братъ избираются ежегодно въ общемъ собраніи братчиковъ, по большинству голосовъ. Изъ записей братскихъ не видно, что бы одно и то-же лицо когда либо было избираемо въ одну изъ трехъ названныхъ должностей, въ теченіе нѣсколькихъ и даже двухъ лѣтъ сряду. Цехмистеръ—главный распорядитель братства и предсѣдатель братскихъ собраній —Въ записяхъ онъ одинъ называется иногда паномъ; индѣ пишется: *за державы* такого-то *цехмистра*..... У цехмистра *братская скринька*, онъ вѣдаетъ доходы братства, собираетъ долги, распоряжается всѣми расходами, ведетъ счеты и расчеты, созываетъ братскія собранія, судитъ и рядитъ во всѣхъ обыкновенныхъ дѣлахъ братства, но все это не иначе, какъ по совѣту и согласію съ прочими двумя членами. У ключника ключъ отъ братской скриньки, и безъ него, равно какъ и безъ старшаго брата, не можетъ быть ни вынута, ни внесена въ братскую скриньку какая либо сумма. На старшемъ братѣ лежитъ, такъ сказать, исполнительная власть по дѣламъ братства, кромѣ общаго участія въ его дѣлахъ. Время обыкновенныхъ собраній братскихъ не опредѣлено,—собираются по требованію обстоятельствъ, по призыву старшихъ братчиковъ. Главное собраніе братское бываетъ на масляной. Никто изъ членовъ братства, безъ особенно—уважительной причины, не въ правѣ уклоняться отъ братской сходки; виновный подвергается денежному штрафу, который опредѣляется имъ самимъ, но съ согласія братства.

Дыбинское братство вполнѣ самостоятельно и совершенно независимо въ своихъ дѣйствіяхъ. Священникъ здѣсь постороннее лицо, не мѣшается въ дѣла братства, и кромѣ общаго моральнаго вліянія на братчиковъ, какъ на своихъ прихожанъ, не имѣетъ никакого другаго отношенія къ братству.— Къ дыбинскому братству принадлежатъ съ давняго времени сосѣднія села: Бородани, Чайки, Исайки, Дмитренки и Лютари, и жители этихъ селъ добровольно вступаютъ въ братство и подчиняются его моральному вліянію.

Источники доходовъ братскихъ довольно разнообразны. Въ прежніе, даже недавніе годы, главный доходъ братства получался отъ продажи меду, который сытили четыре раза въ годъ: къ Рождеству Христову, къ Пасхѣ, къ Тройцыну дню и мѣстному храмовому празднику—Успенія Божія Матери. Сыченье и продажа меду прекратилась послѣ тридцатыхъ годовъ, по претензіямъ и требованію откупа. Другіе источники братскихъ доходовъ, сохранившіеся доселѣ, суть слѣдующіе: взносъ при вступленіи въ братство, складчина на сходкахъ или *схидковыя* деньги, плата за *провинку*, или деньги штрафныя, плата за *визвълокъ*, вносимая обучающимися гончарному дѣлу или грамотѣ, по окончаніи курса ученія, плата за *цехъ* или за употребленіе братскихъ хоругвей и крестовъ при погребеніи лица, непринадлежащаго къ братству, и, наконецъ, добровольныя пожертвованія отъ лицъ, постороннихъ для братства Въ позднѣйшее время появились сборы за браки, вѣроятно въ замѣнъ прекращенной продажи меду.

При такомъ разнообразіи доходовъ, братство имѣло, и теперь иногда имѣетъ, довольно значительныя средства, а эти послѣднія давали и даютъ ему возможность преслѣдовать хотя не громкія, но, тѣмъ не менѣе, прекрасныя цѣли. Братство заботится о содержаніи и украшеніи храма, и—надо отдать честь его заботливости—въ рѣдкомъ селѣ кіевской губерніи можно найти церковь, которая имѣла бы такое благолѣпіе внутри и извнѣ. Братчики имѣютъ въ церкви свои *ставники* и поочередно стоятъ съ ними на литургіи посреди храма, отъ начала чтенія *Апостола* до эктеніи, слѣдующей за освященіемъ святыхъ даровъ. Старшіе братчики наблюдаютъ за хожденіемъ въ храмъ, за благоговѣйнымъ въ немъ стояніемъ, распоряжаются даже звономъ церковнымъ, который производится дѣтьми обоего пола. Братство устрояетъ общественные обѣды въ храмовые праздники и дни общаго поминовенія, молится въ извѣстные дни о живыхъ и умер-

шихъ братчикахъ, помогаетъ объднѣвшимъ братьямъ и вообще бѣднымъ, безпроцентно ссужаетъ деньги въ случаѣ настоятельной нужды, обучаетъ молодое поколѣніе грамотѣ и гончарному ремеслу, погребаетъ бѣдныхъ на свой счетъ; главная-же забота его—поддержаніе нравственной чистоты въ обширномъ, какъ видите, его округѣ. Братству принадлежитъ по этому высокій нравственный судъ и чрезвычайно обширное моральное вліяніе. Всякаго рода проступки, противные вѣрѣ и нравственности, всѣ дѣла выступающія изъ круга частной и семейной жизни и производящія въ общественномъ мнѣніи осужденіе или соблазнъ, подлежатъ суду братства. Приговоры братства рѣшительны, они обязательны для всѣхъ, и никто не въ правѣ воспротивиться суду братскому. Судъ этотъ открытъ для всѣхъ, состоитъ подъ неприметнымъ контролемъ общественнаго мнѣнія, потому нѣтъ въ немъ и тѣни неправды, лицепріятія, подкупа. Сказать иначе: это судъ общественнаго мнѣнія, получающій въ приговорахъ братства опредѣленную, строго—нравственную форму. Съ другой стороны, въ нравственномъ надзорѣ братства, въ его моральномъ вліяніи, нѣтъ ничего похожаго на фискальство, шпіонство, насиліе личной свободы и т. п. Главная цѣль суда братскаго не наказаніе, не возмездіе за преступленіе, но исправленіе виновнаго, его раскаяніе. Какова цѣль, таковы и средства.—Вотъ эти средства: обличеніе, выговоръ, внушеніе и денежная пеня, а для братчиковъ исключеніе изъ братства. Когда братство обсудитъ поступокъ виновнаго, выяснитъ его предъ нимъ самимъ и произнесетъ свой приговоръ, виновный самъ по большей части опредѣляетъ для себя штрафъ, который потомъ утверждается братствомъ, а по исполненіи штрафа, обязанъ принести братству раскаяніе и испросить у него прощеніе Въ числѣ наказаній, въ дыбинскомъ братствѣ употреблялось, и теперь иногда употребляется, закладываніе на короткое время ногъ виновнаго въ *тынъ* (плетень), напоминающее арестъ на колокольнѣ въ луцкомъ и другихъ древнихъ братствахъ. Денежныя пени, съ общаго согласія и приговора братчиковъ, возвышались иногда до значительной цифры, но за то никогда не употреблялось и не употребляется въ дыбинскомъ братствѣ тѣлесное наказаніе. Общій-чрезвычайный судъ въ дыбинскомъ братствѣ производится на главной сходкѣ братской, во время масляной. Призывъ на главную и обыкновенныя сходки производится такимъ образомъ: кто нибудь изъ членовъ братства, по наряду старшаго братчика, несетъ ко всѣмъ круглую

дощечку, называемую *циткою*, съ изображеніемъ на одной сторонѣ ея приходскаго и вмѣстѣ братскаго храма Успенія Божія Матери. Всякій кому предъявленъ былъ этотъ знакъ, долженъ явиться на братскую сходку въ назначенный срокъ. Такимъ же способомъ производится нарядъ по дѣламъ братскимъ, напр. въ случаѣ погребенія какого-либо бѣдняка. Тутъ наскоро годовые распорядители совѣщаются о томъ, когда, кому и какъ хоронить умершаго,—одному назначаютъ дѣлать гробъ, другимъ копать яму и т. д. Всякій братчикъ, получившій тотъ или другой нарядъ, по предъявленіи *цитки*, немедленно идетъ къ назначенному мѣсту и дѣлу, гдѣ бы ни застала его *цитка:* въ гостяхъ ли, дома-ли въ хозяйственныхъ хлопотахъ, или въ полѣ за работою. Существуя столь долгое время, братство с. Дыбинецъ срослось съ жизнію тамошнихъ жителей, вошло въ ихъ понятія, привычки, образъ жизни. Письменнаго устава нѣтъ, но уставъ древнихъ братствъ, со всѣми почти его подробностями, живетъ въ обычаѣ, въ преданіи—непрерывно и неизмѣнно. Уваженіе къ суду братскому, покорность его опредѣленіямъ, и теперь, какъ и прежде, полныя и совершенныя. Никто не тяготится ими, никто не возстаетъ противъ нихъ. Ѳ. Лебединцевъ.

ВСТРѢЧА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА НАЧАЛА XVII ВѢКА.

(Продолженіе.)

Между тѣмъ козаки-харчевники рубили саблями сосновыя вѣтки и устилали передъ костромъ мѣсто для трапезы. Другіе ставили уже сошки для казановъ и таскали къ огню провизію: пшено въ сакахъ, сало и соль. Притащили и серну, убитую на походѣ, и тутъ же передъ огнемъ повѣсили ее внизъ головой, для окончательной расправы. Весело заговорилъ лѣсъ; фыркали, ржали и топали кони; козаки вились вокругъ костра, какъ мотыльки, и скоро запылали костры въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Снѣгъ таялъ и капалъ съ деревьевъ. Сѣрые столбы дыма вставали надъ ихъ бѣлыми вершинами. Почуявъ новую добычу, усѣлись кругомъ на деревьяхъ тяжелыя вороны; вертлявыя сороки подходили по снѣгу къ людямъ, садились на спину лошадямъ и вдругъ уносились на деревья и смѣшивали свои рѣзвыя рѣчи съ вороньимъ протяжнымъ карканьемъ. А между тѣмъ бурыя векши молчаливо

прыгали по вершинамъ, растопыря пушистый свой хвостъ, или, притаясь за сукомъ сосны почти одного цвѣта съ ними, глядѣли на козаковъ быстрыми, играющими глазами.

Козаки раздѣлились на походные курени, которые заключали въ себѣ гораздо меньше людей, чѣмъ курень сѣчевой. Каждая купа состояла человѣкъ изъ двадцати и управлялась полевымъ *отаманомъ*. Отаманъ куренной съ тремя рáдными дѣдами, ихъ джурами, пятью осаульцами или разсыльными козаками, съ двумя собственными джурами, писаремъ и подписарчимъ, съ походнымъ довбышемъ, двумя бандуристами и тремя куренными кухарями составлялъ особую купу.

Къ этой купѣ приглашенъ былъ на трапезу отаманъ Тупу-Тупу-Табунъ, а его спутниковъ разобрали по своимъ купамъ полевые отаманы, жаждавшіе свѣжихъ сѣверскихъ вѣстей, но не обнаруживавшіе покамѣсть никакого любопытства. По запорожскимъ обычаямъ, не годилось закидать вопросами голоднаго человѣка. По этому, распперезавшись у огня и разлегшись на сосновыхъ вѣтвяхъ, отаманъ Дожени—Каторга говорилъ покамѣсть о глубокомъ снѣгѣ, который мѣшалъ распознавать *битую* дорогу отъ менѣе торной, о трудности достать проводника и о томъ, что проводникъ ихъ, испугавшись козацкихъ угрозъ, ускользнулъ отъ нихъ ночью. Дожени-Каторга самъ не зналъ теперь на какой дорогѣ онъ находится, на сѣвской или на путивльской; зная только одно-что идетъ впередъ, а не назадъ. Его голодный гость, уходя отъ погони, также сбился въ своихъ понятіяхъ о мѣстности и не зналъ какъ попасть на путивльскую дорогу, по которой, всего вѣроятнѣе, двинулись запорожцы.

Между тѣмъ пришли осаульцы и доложили, что чаты разставлены кругомъ по лѣсу. Главный изъ трехъ кухарей притащилъ плоскую баклажку, которую подвѣшивалъ къ своему сѣдлу и поставилъ передъ отаманомъ. У боклажки висѣлъ и деревянный ковшикъ, называвшійся *михайликомъ*. Кухарь-джура досталъ изъ мѣшка хлѣбъ и маленькіе саковки, въ одной половинѣ которыхъ хранилась соль, а въ другой сало. Панъ отаманъ вынулъ ножъ изъ кожанного ложечника, въ которомъ у него, какъ и у всѣхъ козаковъ, висѣла у пояса деревянная ложка, отрѣзалъ сперва ломтя два хлѣба, потомъ покрошилъ небольшой кусочекъ сала и развернулъ другую половину саковокъ такъ, чтобы соль была на виду. Гость, слѣдя за его медленными движеніями, пожиралъ все это голодными глазами, но тѣмъ не менѣе велъ разговоръ

спокойно и со всевозможною отоманскою важностью. Онъ привыкъ быть образцомъ хорошаго тона для всего своего куреня и не измѣнилъ бы ему ни въ какомъ случаѣ.

— Ну, Боже благослови! сказалъ отаманъ Дожени-Каторга, подставляя михайликъ подъ баклажку, которую джура держалъ наготовѣ.—Мы сегодня сдѣлали добрую упряжку. По свѣжему снѣгу утомились кони.

Тутъ онъ поднесъ ковшъ къ своимъ усамъ, которые какъ будто сдѣланы были изъ серебрянной проволоки.—Нехай же легенько икнется нашему батьку кошовому и всей отаманьѣ и всѣмъ братчикамъ на Сѣчи!

Тупу-Тупу-Табунъ добавилъ:

И всюду, гдѣ они обертаются.

— И всюду, гдѣбъ они ни застряли, продолжалъ благочестивымъ тономъ Дожени-Каторга:—чи на полѣ, чи въ неволѣ, чи на дружнемъ бенкетѣ, чи въ царя на совѣтѣ.

И выпилъ медленно горилку.

— Есть нашихъ братчиковъ довольно всюду, замѣтилъ панъ Оврамъ,—только едвали кто попалъ изъ нашихъ на совѣтъ къ царю.

— То попадетъ, отвѣчалъ панъ Харло, наполняя для него михайликъ.—Развѣ Митрикъ напрасно служилъ у меня джурою? Батьковское право до вѣку при мнѣ.

— Не такъ, брате, задружилъ онъ съ ляхами, чтобъ слушаться запорожскихъ совѣтовъ. Нашъ братъ у него стоитъ у порога, а ляхъ сидитъ съ нимъ за столомъ. Колибъ не это, не оставилибъ мы его подъ Добрыничами на подбитомъ конѣ.

— А не послушается слова, сказалъ спокойно панъ Харло, то послушается кія. Развѣ не онъ присягнулъ, стоя на саблѣ, что будетъ защищать святую нашу вѣру отъ католиковъ?

— Ой, ой, братику! Сказалъ панъ Оврамъ:—надавалъ онъ, я думаю, столько присягъ, что и самъ чортъ не спишетъ на воловой шкурѣ. Отъ козацкаго джуры до московскаго самодержца дорога неблизкая, да не такъ-то и гладкая, сдается мнѣ. Пришлось ему и на конѣ скакать, и ползкомъ ползать.

— Знаю, все знаю, брате Овраме, отвѣчалъ панъ Харло.—Пускай онъ хоть сто присягъ далъ ляхамъ и езуитамъ, а наша все будетъ наверху: наша первая.

— По тому-то, брате Харло, и очутилась она на споді, що перва.

— Вытягнемо іи на верхъ зъ душею! сказалъ отаманъ Дожени-Каторга, сверкнувъ глазами.—Сколько васъ теперь осталось?

— Да всѣ мы, слава Богу, цѣлы пане брате. Сколько вышло изъ Сѣчи, столько и есть. Мы только лякомъ воюемъ зъ москалемъ, татарскимъ обычаемъ; а чуть москаль хватится за свой заднiй умъ, мы тотчасъ по польски до лясу. Лови вѣтра въ полѣ!

— Двѣ тысячи, говорилъ панъ Харло, потупя въ размышленiи голову,—ну, да у меня при боку триста молодчиковъ, не считая джуръ и радныхъ дѣдовъ. Ляховъ у Митрика не больше. А хоть и больше, то не съ нами мѣриться панятамъ. Не журись, брате, дай намъ только найти своего Митрика.

Между тѣмъ обошелъ, михайликъ радныхъ дiдовъ и поочередно переходилъ изъ рукъ въ руки. Запорожцы обыкновенно не брали въ походъ горилки, но, какъ это была экспедицiя зимняя, то радные дiды разрѣшили взять по баклагѣ на купу, и не обращали на то вниманiя, что каждая боклага, сколькобъ изъ нея не выцѣдили, постоянно оставалась полна. Это была забота догадливыхъ джуръ, которые понимали не только движенiя, но и самыя мысли своихъ батьковъ— отамановъ.

Дiды сидѣли молча и не вмѣшивались въ разговоръ отамановъ. Ихъ голоса слышались рѣдко; на старости лѣтъ они вполнѣ предавались врожденной украинской молчаливости, но зато, когда отверзали уста, имъ внимало все въ козацкомъ родномъ кругу, и не было власти старше ихъ совѣта. Теперь ихъ можно было принять за подначальныхъ куреннаго отамана, и въ самомъ дѣлѣ они первые показывали примѣръ, какъ должно подчиняться его распоряженiямъ. Но, повинуясь куренному отаману во всемъ, они въ тоже самое время не спускали съ него строгихъ глазъ и молча слѣдили за всѣми его поступками. Подъ ихъ надзоромъ, куренному отаману не было надобности носить сѣдые усы. Иногда въ этотъ важный санъ возводили козаки молодаго лыцаря, изъ такъ называемыхъ *выносковъ* (5), прослужившаго довольно времени, при хоробромъ отаманѣ и прiобрѣтшаго потомъ довольно навыка къ самостоятельной козацкой жизни. Но и молодой отаманъ, въ присутствiи радныхъ дiдовъ, казался старымъ. Пока онъ дѣйствовалъ согласно съ ихъ понятiями, они казались людьми

---

5) Выносками назывались козаки, взросшiе на Запорожьи, подъ опекою старыхъ козаковъ, заступившихъ для нихъ отца и мать. *Выноски* были у товариства на лучшемъ счету противъ пришедшихъ въ Сiчь взрослыми.

посторонними; но лишь только отаманъ въ поступкѣ и даже словѣ уклонялся отъ высокихъ образцовъ, которые были у него передъ глазами со временъ поступленія въ джуры, діды срамили его передъ всѣмъ товариствомъ и, въ случаѣ крайности, могли созвать козаковъ на *черную раду* (то есть, на раду безъ старшины). Черная рада была грозой для всякой предержащей въ козачествѣ власти: въ одинъ часъ она рѣшала судьбу самаго могущественнаго вождя.

Подобной катастрофы нечего было опасаться пану Харлу Дожени-Каторгѣ, на котораго сами діды взирали съ удивленіемъ, хотя этого и не выражали. Онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ джурою при отважнѣйшемъ и искуснѣйшемъ морскомъ гетманѣ Завдай-Жахѣ, потомъ сдѣлался самъ братчикомъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, отаманомъ; не разъ былъ выбираемъ въ морскіе гетманы и гонялся преимущественно за турецкими лодками—*каторгами*, на которыхъ прикованы были къ гребнымъ весламъ невольники, почему и получилъ отъ козаковъ прозвище Дожени-Каторга. Множество каторгъ догналъ онъ, множество козаковъ и всякихъ иныхъ христіанъ освободилъ изъ каторжной неволи Наконецъ самъ попалъ на каторжную цѣпь, и двадцать лѣтъ объ немъ не было на Сѣчи слуху. Только передъ началомъ сѣверской войны возвратился Дожени-Каторга къ козакамъ, въ видѣ богатаго купца, черезъ Седмиградскую землю, изъ Венеціи, воздвигнулъ въ Сѣчи церковь на собственный коштъ и принялся снова за военный промыселъ. По своимъ лѣтамъ и подвигамъ, онъ самъ имѣлъ право на почетное званіе раднаго діда, но необычайная сила его требовала беспрестанной дѣятельности. При постройкѣ церкви, онъ изумилъ все товариство своей неутомимостью. Козаки превратились на время въ тесель ([6]) и поочередно трудились надъ созданіемъ храма; но Дожени-Каторга работалъ безъ устали отъ начала до конца и одинъ таскалъ такія тяжести, которыя едва были по силамъ четверымъ дюжимъ братчикамъ. Много принесъ онъ въ Сѣчь разсказовъ о своихъ похожденіяхъ въ бусурманскихъ и христіанскихъ земляхъ, сперва въ видѣ невольника, потомъ въ видѣ воина и наконецъ въ видѣ купца. Много дивъ онъ видалъ на сушѣ и на моряхъ, многихъ людей узналъ и многому отъ нихъ научился. Умѣлъ говорить разными языками и читалъ чужеземные письмена.

---

[6]) *Тесля* — плотникъ.

Къ нему-то попалъ въ руки выходецъ изъ далекой московской стороны, котораго козаки прозвали Заволокою, а по имени звали просто Митрикомъ. Когда захожій явился въ церковь и, помѣстясь у клироса, *заломивъ* (тоесть заткнулъ за поясъ) всѣхъ грамотѣевъ козацкихъ, козаки хотѣли было послать на свой счетъ въ Печерскій монастырь, для посвященія въ діаконы; но панъ Харло Дожени-Каторга тогда же объявилъ, что Митрику готовится высшая должность и самъ принялся учить его рыцарству. Понятливъ былъ Митрикъ, на диво всѣмъ козакамъ, и уже радные діды *кучили* Дожени-Каторгѣ: „Годі тобі держати ёго въ джурахъ, пора ему учинитись братчикомъ!“ Какъ-вдругъ Митрикъ изчезъ, точно провалился сквозь землю. Не скоро уже разнеслась вѣсть, что у польскихъ пановъ проявился московскій царевичъ Димитрій, родной сынъ Ивана Грознаго, и тогда Дожени-Каторга объявилъ козакамъ, что царевичъ служилъ у него джурою, что онъ съ нимъ водилъ долгія бесѣды, ѣздя вдвоемъ на рыбную ловлю, или по днѣпровскому лугу за кабанами, что, созвавши въ поле при мѣсяцѣ однихъ радныхъ дідовъ да кошового, заставилъ онъ Митрика произнести христіанскую клятву, стоя на голой саблѣ, что будетъ стоять за восточную вѣру противъ враговъ католиковъ, и обѣщалъ ему съ дідами и кошовымъ отаманомъ поднять козаковъ на помощь противъ Бориса. Не хотѣлъ однакожъ Дожени-Каторга выступить съ козаками въ сѣверскій походъ, пока не будетъ привезена изъ Кіева въ созданную имъ церковь и послѣдняя изъ заказанныхъ имъ ризъ и утвари. „Богъ знаетъ, говорилъ онъ, ворочусь ли живъ, чтобы видѣть своими глазами благолѣпіе дома Божія. Сидя на каторжной цѣпи, я далъ обѣтъ соорудить собственнымъ коштомъ и трудами храмъ Господу Богу на мѣсто нашей убогой каплицы Не годится же мнѣ браться за новое дѣло, не доведя прежняго до самаго конца.“

И вотъ исполнилось все по желанію пана Харла: отъ самой Святославовой саги (7), съ Витовтовой высокой могилы (8), виднѣется серебристая купа верховъ церковныхъ надъ луго-

---

7) *Сагá* — заливъ и рукавъ рѣки.

8) *Могíла* — курганъ, насыпанный въ честь падшаго героя. Витовтъ или Витольдъ, литовско-рускій князь погребенъ въ Вильнѣ, но запорожцамъ, въ ихъ преданіяхъ не было до того дѣла. Они связали съ этимъ курганомъ воспоминаніе о знаменитомъ походѣ Витольда на Ворсклу.

выми (9), темными яворами, дубами и липами; въ церкви о двѣнадцати главахъ (10) и трехъ престолахъ сіяли златотканныя ризы и серебрянные сосуды; кіевскіе маляри украсили иконостасъ ликами святыхъ, у которыхъ въ ногахъ стояли съ обнаженными саблями чубатые защитники восточной вѣры(11). Все это сдѣлано было на деньги, добытыя на войнѣ и обращенныя въ товаръ, нужный для церковнаго строительства. Только подъ видомъ странствующаго купца могъ возвратиться на родину Дожени-Каторга; но не унизилъ себя крамарствомъ передъ козаками. Во славу Божію, а не для прибытка, взялся онъ за торговлю, и Богъ провелъ его черезъ иновѣрныя земли со всѣми его сокровищами Теперь опять онъ былъ нищъ по прежнему, и все его богатство состояло въ добромъ конѣ подъ сѣдломъ, съ тремя запасными конями подъ вьюками, да въ нѣмецкомъ панцырѣ и дорогомъ оружіи. Куренная походная скарбница, которую везли за нимъ, принадлежала ему столько же, сколько и послѣднему изъ его братчиковъ: то была собственность общая и находилась въ походѣ *про нужду братскую*. Но богатъ былъ Дожени-Каторга инымъ способомъ. По случаю предпринятаго имъ похода, изъ другихъ куреней вписалось въ его курень до двухъ-сотъ, что найхоробрѣйшихъ лыцарей, перебывавшихъ на полѣ и на морѣ, въ Польшѣ, въ Турціи, въ землѣ Седмиградской и въ Ракузахъ, такъ что, отпуская его въ походъ, кошевой даже сѣтовалъ, что „все свѣтлое лыцарство изъ коша теперь выгреблось и остались въ кошу одни діды, да хлопці.“

Въ самомъ дѣлѣ, спутники Дожени-Каторги могли назваться свѣтлымъ рыцарствомъ: огонь пылающихъ костровъ сверкалъ въ серебрянной и золоченной оправѣ ихъ оружія, и на многихъ свѣтились краснымъ отблескомъ стальныя боевыя сорочки. Но вообще вся толпа козаковъ казалась, что называется голотою: нагольные тулупы, бараньи шапки, толстые

9) *Лугъ* у запорожцевъ значилъ прирѣчный лѣсъ.

10) Достойный вниманія памятникъ запорожской архитектуры, дереянная церковь о двѣнадцати главахъ, уцѣлѣлъ до нынѣ въ Новомосковскѣ, екатеринославской губерніи. Архитекторъ запорожецъ сдѣлалъ собственными руками модель, подражая во всемъ сѣчевой церкви.

11) Во время чтенія въ церкви Евангелія, запорожцы до половины обнажали сабли въ знакъ готовости защищать свою вѣру оружіемъ. Это помнили еще старожилы, изчезнувшіе на моей памяти.

кожанные чоботы и давно небритые подбородки накидывали на всю ихъ массу сѣрый, грязноватый тонъ, сквозь который только кусками прорывался блескъ оружія и дорогой сбруи. Тѣмъ не менѣе они взирали на себя, какъ на богачей, такъ какъ всякая иная роскошь запрещалась ихъ воинскимъ уставомъ. Впрочемъ они готовы были нарядиться хоть сей-часъ въ парчевые и штофные московскіе кафтаны, съ тѣмъ, чтобы завтра выпачкать ихъ въ деготь, или изорвать на онучи. Еслибы Дожени-Каторга снялъ свои огромные сапожища, то всѣ увидили бы, что у него до сихъ поръ не перевелись онучи изъ дорогой шали, которою была опутана чалма знатнаго турецкаго мурзы. Эту роскошь дозволяли себѣ самые строгіе братчики, и даже діды, отрекшіеся отъ всякой суеты мірской, возили въ торокахъ, *про запасъ*, дорогіе повои съ мусульманской чалмы.

Пока закусили козаки, послѣ подкрѣпительной *оковиты* (12), поспѣла походная каша. Не торопясь приступили къ ней Січовики; но гости ихъ, не смотрѣ на пожиравшій ихъ голодъ, не обнаруживали никакого нетерпѣнія. Искуство общежитія запрещало запорожцамъ смѣяться надъ ихъ голодомъ. Шутки пойдутъ ужъ послѣ трапезы и, можетъ быть, по этому случаю, кто нибудь получитъ даже новое прозвище. Теперь бесѣдуютъ козаки о новой церкви, о пѣвчихъ поповичахъ, набѣжавшихъ къ нимъ изъ Кіева, о татарскихъ загонахъ, перехваченныхъ запорожцами. Панъ Харло, окинувъ глазами однообразную лѣсную глушь, повелъ такую рѣчь:

— А чи знаете, панове братья, що мы теперь недалеко отъ моей батьковщины?

Всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли на отамана; но не скоры были козаки на вопросы.

— Въ этихъ лѣсахъ, панове, продолжалъ отаманъ,—есть между болотныхъ затоновъ островъ, а на островѣ хуторъ, и въ хуторѣ жилъ, а, можетъ, и до сихъ поръ здравствуетъ, мой панъ-отецъ.

Удивились козаки такому открытію, но никто не вырывался съ вопросомъ. Отаманское слово еще не кончилось: это всякому было видно.

— А подавайте сюда казанъ съ кашею, сказалъ отаманъ.— Полно ему стоять на снѣгу.—Боже благослови, сказалъ онъ, доставъ изъ кожанного ложечника ложку.

---

12) *Оковитая*—горилка лучшаго сорта—aqua vita.

.— Боже благослови! гудѣли козаки, приступая вслѣдъ за нимъ къ трапезѣ.

Похваливъ кашу и удовлетворивъ первый приступъ голода, отаманъ Харло-Дожени-Каторга остановилъ въ воздухѣ пустую ложку, и никто не совался въ казанъ мимо очереди. Всѣ двадцать ложекъ работали здѣсь въ строгомъ порядкѣ, какъ у молотниковъ на току цѣпы: за отаманомъ хозяиномъ погружалъ свою ложку сидѣвшій подлѣ него отаманъ-гость, потомъ радные діды, за ними боевое товариство, а тамъ уже кухари и джуры, которые въ избѣжаніе тѣсноты, стояли на колѣнахъ позади сановитыхъ козакоаъ и доставали изъ казана кашу черезъ ихъ плеча, тутъ же подставляя подъ ложку ломоть хлѣба, чтобъ не капнуть. Не хуже монастырскаго чина устроили у себя чинъ запорожцы, и гдѣ ни становились кошемъ, вездѣ представляли неизмѣнное подобіе своей Сѣчи— матери.

Остановилъ отаманъ дымящуюся въ холодномъ воздухѣ ложку, и всѣ догадались, что онъ будетъ продолжать свое слово.

— Зовется, панове братцы, тотъ островъ, вмѣстѣ со всѣми багнами и драговинами кругомъ его, Черными Лозами, а панъ-отецъ мой прозывается, коли живъ, Заболотнымъ паномъ....

— Какъ! сказалъ гость, вспомнивши слухи о Заболотномъ царствѣ.— Такъ это не про него ли идетъ въ народѣ слухъ, что сидитъ посреди Сѣверіи между болотъ какой-то вольный царь, неслыханно древній, которому ровесника и нѣтъ во всемъ свѣтѣ?

— Коли идетъ слухъ, отвѣчалъ панъ Харло,— то и добре: значитъ, здавствуетъ еще мой панъ-отецъ.

Тутъ онъ погрузилъ свою ложку въ казанъ; за нимъ и всѣ козаки добыли по ложкѣ каши. Подставилъ подъ нее отаманъ лусту (13) хлѣба и, между тѣмъ какъ она, вея въ пару, простывала, говорилъ:

— Вы знаете, батьки, кто меня съ братомъ привелъ на Сѣчъ.

Радные діды молча кивнулы головами.

— Подалъ нашъ панъ-отецъ довольную подачу на выкупъ невольника, и еще больше вынесли мы съ братомъ, отрывши въ саду подъ грушею *материзну* (14), все то вы знаете, батьки.

Діды опять кивнулы головами.

---

13) Луста — толстый и большой кусокъ, отрѣзанный черезъ весь хлѣбъ.

14) Наслѣдство по матери.

— Да, такъ, батьки. Умираючи, покойная пани матка сказала намъ: «Сыны мои орлята! оставляю васъ на красномъ Божіемъ свѣтѣ не убогими сиротами, но покуда у васъ еще ничего нѣтъ въ рукахъ, закопала я подъ грушею Переяславкою для васъ матиризну свою: золотые дукачи, перстни съ камнями честными и щирозлотыхъ цареградокъ съ пригорщъ. Можетъ случится вамъ потреба на угодное Богу дѣло: сотворите его за упокой души моей».

— Розумна була жинка,— царство ій небесне! проговорилъ одинъ изъ радныхъ дідовъ, покачавъ головою.

— Ото жъ мы и забрали ту материзну и принесли въ Січъ на выкупъ невольника. Вы, батьки, все это знаете.

Діды кивнули головами.

— Но не знаете вы того, что мы догнали въ дорогѣ кобзаря Бурдуна, не взявши отъ панъ-отца благословенія.

Діды смотрѣли на него съ удивленіемъ.

— То-то, что не знаете. У насъ и языкъ не повернулся признаться братчикамъ. Выисповѣдался я въ своемъ грѣхѣ товарищамъ козакамъ, уже сидячи на каторжной цѣпи. Эге, не гораздъ мы съ братомъ учинили. Потому Господь и разлучилъ насъ на вѣки, предавши одного въ неволю бусурманскую, а другого на игралище роскоши панской. Эге, такъ воно, панове, вчинилось!

Каша достаточно простыла въ ложкѣ, и надолго замолчалъ отаманъ, пока опорожнилъ ее. Потомъ набирая и прохолаживая тѣмъ же порядкомъ ложку за ложкой, продолжалъ:

— Богъ знаетъ, гдѣ теперь братъ мой и вырвался ли изъ сѣтей грѣшничьихъ; а я здается, оттерпѣлся и отмолился за себя. Теперь мнѣ осталось только упасть панъ-отцу въ ноги и взять отъ него благословеніе. Отъ же, видно есть еще на мнѣ много грѣховъ, панове: сколько мы ѣздимъ по Сѣверіи, не найдемъ проводника въ Черныя Лозы. И вчерашній проводникъ испугался шутокъ козацкихъ, ушелъ къ нечистой матери! Когда бъ лѣтомъ, то я бъ нашелъ дорогу по лѣснымъ рѣчкамъ, которыя текутъ изъ нашихъ затоновъ; а теперь всѣ рѣчки занесло и загладило снѣгомъ. А добре бъ воно було, панове! Тамъ бы мы одпочили, и всю нужу съ себя смыли, да и про Митрика достали бъ вѣстей, живъ ли онъ, чи, може, годі вже лякать Бориса. Тогда бъ мы и знали, что намъ дѣлать, и не вернуться ли въ Кіевъ, да на свои Пороги. Тамъ, панове, въ Печерскомъ живетъ на послушаніи маляръ изъ нашихъ братчиковъ, Демко Блаватасъ. Такъ хотѣлось бы мнѣ

поклониться святымъ Печерскимъ, да попросить его, пускай бы онъ написалъ въ нашу церковь Страшный Судъ, чтобъ одни запорожцы сидѣли съ святыми на облакахъ, а другіе внизу плавали чайками по горячей смолѣ на днѣ пекла и топили бы въ огненномъ морѣ невѣрныхъ турковъ. Бо я такъ думаю, панове братья, що хоть который изъ насъ, за великіе грѣхи попадется и въ пекло, то и тамъ ему дадутъ козацкое, а не иное дѣло. Продамъ я въ Кіевѣ воеводѣ свой панцырь,—такого ему не откуда достать,—и тѣло свое грѣшное выставлю безъ защиты подъ пули и мечи. Пускай за тѣ деньги малюетъ намъ Демко Блаватасъ цѣлый годъ и намалюетъ такой страшный судъ, какого и во всемъ свѣтѣ нигдѣ по церквамъ нѣтъ. Если жъ сподобитъ меня Господь пошарпать толстобрюхихъ московскихъ бояръ, то обѣщаюсь вызвать изъ Кіева маляреи въ самую Січъ и пускай намъ размалюютъ всю церковь то святыми, то козаками и ихъ дѣяніями христіанскими!

Такъ бесѣдовалъ съ своими товарищами козаками отаманъ, неумышленно наставляя ихъ высокимъ добродѣтелямъ запорожскимъ; а великанская сосна между тѣмъ пылала, дымилась и трещала.

— Чи не близко мы, панове братцы, сѣли къ огню обѣдать? сказалъ отаманъ.— Якъ упаде отсе дерево, то выверне намъ кашу.

Старшій кухарь измѣрилъ глазами сосну и отвѣчалъ:
— Повалиться этому дереву нескоро, а вершина нахилилась на ту сторону, а не на сю.

— Мои братчики, сказалъ отаманъ Өврамъ,— умѣютъ разложить огонь. Случалось имъ грѣться не подъ одними соснами. До сихъ поръ не у всѣхъ подростали чубы и усы послѣ синопскаго игрища.

Въ эту минуту сосна треснула такъ громко, какъ-будто изъ нея выстрѣлили, и прямо въ кашу упало что-то шипящее.
— Оттака ловись! Сказалъ кухарь, доставши ложкою мокрую, но все еще горячую подкову, которая выпрыгнула изъ расколовшейся сосны.

Отаманъ взялъ подкову и долго ее разсматривалъ, поглядывая на пылавшую сосну, наконецъ сказалъ про себя *эгé!* и продолжалъ обѣдать.

— Надожъ было кому-то загнать въ сосну подкову!— сказалъ панъ Оврамъ,—да видно уже и давно: совсѣмъ заросла.

— И отъ земли не низко!—сказалъ другой козакъ.—

Сказатьбы граничный знакъ, такъ зачѣмъ жебыло лазить на сосну?

— Сколько жъ это лѣтъ надобно было заростать подковѣ?—толковали другіе козаки.

— А что же?—отвѣчали имъ—этой соснѣ давно перевалило за сто.

— Эхъ, панóве братцы!—сказалъ куренный скарбничый,—толкуете вы про сосну, да про подкову, а никому не пришло въ голову, что это примѣта надъ скарбомъ.

— А справді!—отозвалось нѣсколько голосовъ.—Попробовать бы землю противъ того мѣста!

— Хиба языкомъ!—замѣтилъ одинъ изъ сѣдыхъ братчиковъ.—Чѣмъ мы пробьемъ мерзлый грунтъ?

— А яму тебѣ чѣмъ пробьемъ?—отвѣчалъ ему молодой, горячій козакъ.—Въ снѣгу не поховаешь.

— Тó еще Богъ знаетъ—отвѣчалъ сѣдой усачъ, брякнувъ саблею—кому скорѣй понадобится яма, а тупить сабель да списовъ на удачу шкода!

Зашумѣли кругомъ казана козаки: одни утверждали, что тутъ навѣрное зарытъ скарбъ, другіе имъ возражали. Хранили молчаніе только діды, да куренной отаманъ. На шумъ прибѣжали козаки изъ другихъ купъ, и скоро споръ распространился по всему куреню. Загадочная подкова переходила изъ рукъ въ руки, но никто не извлекъ изъ нея никакого указанія.

Отаманъ далъ козакамъ нашумѣться въ волю. Сердце его веселилось громкимъ ихъ гомономъ, какъ жужжаньемъ пчелъ. Наконецъ онъ молча поднялъ руку. Всѣ въ ту жъ минуту умолкли.

— Панове молодцы,—сказалъ онъ громкимъ голосомъ, точно заигралъ въ рогъ посреди лѣсу,—годі вамъ поднимать бучу попусту. Садитесь по своимъ мѣстамъ и добирайте кашу, чтобъ не вывертать такого добра на снѣгъ, потомъ дякуйте Богу за обѣдъ: я вамъ скажу, что это за подкова

Когда всѣ козаки кончили свою трапезу и, помолясь Богу въ ту сторону, гдѣ находилась ихъ—Січъ-мати, поблагодарили батьку отаману и пану кухарю, *що нагодовáвъ козаківъ*, отаманъ Дожени-Каторга сталъ въ ихъ кругу и говорилъ такъ:

— Коли хтó зъ васъ не знае, панóве молодцы, то знайте, что я вышелъ въ Січъ изъ Сѣверіи. Теперь допрашивался я походомъ, какъ пройти въ Черныя Лозы на мою батьковщину. Никто мнѣ не указалъ туда дороги, да кажется, ее и нѣтъ, затѣмъ, что мой панъ-отецъ живетъ за недоступными драговинами, и не всякъ съумѣетъ пробраться туда, не

только лѣтомъ, да и зимою. Подкова жъ эта—знакъ Божій: она указала мнѣ дорогу къ моей батьковщинѣ. Видно, я не совсѣмъ еще грѣшенъ передъ Богомъ, а пожалуй Господь услышалъ молитвы моего панъ-отца. У этой самой сосны убили мы съ братомъ престрашнаго тура, еще будучи безъусыми отроками и, на память опаснаго дѣла, врубили въ дерево конскую подкову. Тутъ, отступивши сорокъ ступней, будетъ рѣчечка, которая течетъ мелко между кореньями изъ нашихъ затоновъ. По ней, щупаючи ледъ списомъ, доведу я васъ до самихъ Черныхъ Лозъ, на добрый одпочинокъ, и намъ и конямъ нашимъ.

— Хвала жъ тебѣ, Господи! — сказали на это козаки — да и тебѣ, пане-отамане, що ты насъ ведешь, якъ орелъ орлятъ, однимъ чутьемъ вожацькимъ!

Спустя немного времени, козаки ѣхали узкимъ строемъ по извилинамъ ощупываемой подъ снѣгомъ рѣчки, и далеко разливался по лѣсу отголосокъ ихъ пѣсни:

Ой гукъ, мати, гукъ!
То козаки йдуть.
Счасливая доріженька,
Куды вони йдуть:
Куды вони йдуть,
Тамъ бори гудуть...
Передъ себе вражихъ ляхівъ
Облавою пруть.

П. Кулишъ.

(Продолженіе впредь).

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ
ПРОПАГАНДА ВЪ БОЛГАРІИ.

При общемъ стремленіи славянскихъ племенъ къ образованію, и возстановленію своей національности, народъ болгарскій, занимающій большую часть европейской Турціи, долѣе всѣхъ оставался недѣятельнымъ. Тяжкое рабство, которому онъ подвергся вмѣстѣ съ Греческою Имперіею, какъ бы привело въ оцѣпенѣніе его духовныя силы, убило въ немъ всякую энергію. Греческое духовенство, принявшее на себя обязанность руководить этотъ народъ повсемѣстнымъ введеніемъ при богослуженіи греческаго языка, непонятнаго для болгаръ, только усилило покрывавшій ихъ мракъ невѣжества. Прежнее могущество Болгаріи, которое нерѣдко наводило страхъ на

Восточную Имперію, было забыто; плоды умственной дѣятельности, которыми гордился этотъ народъ во дни своей славы, частію истреблены, частію оставлены въ небреженіи. Одну только святую вѣру, какъ драгоцѣнное наслѣдіе предковъ, сохранили болгаре въ продолженія четырехъ-вѣковаго рабства, жертвуя ей нерѣдко своею кровію. Но вѣра, проповѣдуемая на чуждомъ языкѣ, могла ли доставить какую нибудь пищу духу и пробудить его дремлющія силы? Усыпленіе было столь глубоко, что до половины настоящаго столѣтія, народъ этотъ ни одною жалобою не заявилъ окружающимъ народамъ о своемъ бѣдственномъ положеніи. Сосѣдніе народы неоднократно принимались за оружіе въ защиту угнетенныхъ христіянъ въ Турціи; но эти войны предпринимались для грековъ, а не для болгаръ. Болгаре оставались въ такой неизвѣстности, что объ нихъ никто и не думалъ. Такое положеніе болгаръ продолжалось почти до половины настоящаго столѣтія. Незабвенный для болгаръ Венелинъ, путешествовавшій по Болгаріи въ тридцатыхъ годахъ, для изученія памятниковъ древности этого народа, первый напомнилъ болгарамъ объ ихъ минувшей славѣ, о трудахъ ихъ предковъ на поприщѣ образованія, о богатствѣ ихъ языка и первый бросилъ мысль о возможности распространенія образованія на родномъ языкѣ. Нѣсколько лицъ изъ монашествующаго и бѣлаго духовенства крѣпко взялись за эту мысль, стали собирать дѣтей въ свои домы и безмездно учить грамотѣ. Родители, слыша дѣтей своихъ, читающихъ молитвы на родномъ языкѣ, скоро ощутили сладость образованія и употребили съ своей стороны всевозможныя средства къ открытію училищъ. Не смотря на препятствія со стороны турокъ, враговъ всякаго умственнаго развитія, и со стороны греческаго духовенства, которое имѣло свои причины держать этотъ народъ въ невѣжествѣ, стали мало по малу открываться училища по разнымъ мѣстамъ Болгаріи, и въ короткое время распространились не только по всѣмъ городамъ, но и по многимъ селамъ. Сначала весь курсъ образованія ограничивался чтеніемъ и письмомъ; но единодушное стремленіе народа къ образованію на этомъ не остановилось. Болгаре желали ввести въ своихъ школахъ преподаваніе разныхъ наукъ,—и для этой цѣли стали посылать на воспитаніе своихъ дѣтей въ образованныя государства Европы. Въ настоящее время они имѣютъ уже много школъ, гдѣ, кромѣ первоначальныхъ наукъ, преподаются, хотя далеко не въ полномъ объемѣ, науки историческія

и математическія, а въ 1860 году открыты два специально-богословскія училища въ Костендилѣ и Терновѣ. Уже болѣе двухъ лѣтъ болгаре выражаютъ рѣшительное намѣреніе завести въ Константинополѣ высшее учебное заведеніе, въ которомъ предположено, кромѣ закона Божія, преподавать языки: латинскій, греческій, нѣмецкій, англійскій, логику, психику, риторику, поэзію, исторію, географію, физику, химію, часть астрономіи и зоологію. Были неоднократныя извѣстія, что для этого заведенія приготовлена сумма и нѣкоторыя учебныя пособія; но волненіе народа, происшедшее въ слѣдствіе нетерпѣливаго желанія самостоятельной Іерархіи, и смуты, произведенные католиками, были причиною того, что это предположеніе доселѣ еще не осуществилось.

Съ 1850 года болгарское общество въ Константинополѣ стало издавать журналъ, подъ названіемъ: „Цареградскій вѣстникъ"; а въ 1858 году появилось другое изданіе, подъ названіемъ «Болгарскія книжицы». Оба журнала поставили задачею своею возбуждать ревность въ народѣ къ повсемѣстному распространенію просвѣщенія въ духѣ православной вѣры, знакомить его съ отечественною исторіею—церковною и гражданскою и развивать въ немъ нравственное и эстетическое чувство. Столь быстрое раскрытіе силъ недавно пробудившагося народа ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ много можетъ сдѣлать единодушіе общества при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Судя по такой дѣятельности болгаръ, можно надѣяться, что имъ немного потребуется времени для того, чтобы сравняться въ образованіи съ другими племенами славянскими.

Но, побѣждая препятствія къ распространенію образованія, болгаре встрѣтили великую опасность для своего православія, которое въ продолженіе четырехъ вѣковъ мужественно отстаивали. Римская пропаганда, замѣтивъ пробужденіе народа, толпами бросилась въ Болгарію, подъ видомъ помощи въ образованіи. Изучивши языкъ болгарскій, образованные миссіонеры стали принимать на себя обязанность воспитателей юношества, собирали вокругъ себя дѣтей и безденежно раздавали буквари. А чтобы привлечь къ себѣ довѣріе народа, старались повсемѣстно оказывать вниманіе къ нуждамъ его, помогали бѣднымъ, заводили больницы, ходатайствовали за угнетенныхъ предъ правительствомъ. Между тѣмъ какъ одни трудились по городамъ и селамъ болгарскимъ надъ первоначальнымъ образованіемъ юношества, другіе открыли въ

самомъ Константинополѣ училище, гдѣ стали преподавать высшія науки на болгарскомъ языкѣ. Всѣ эти мѣры направлены къ тому, чтобы, вмѣстѣ съ образованіемъ, внушить ученіе западной церкви и, мало по малу, обратить болгаръ изъ православія въ католицизмъ. Обстоятельства, какъ нельзя болѣе, благопріятствовали ихъ планамъ. Греческое духовенство, по недостатку образованія и незнанію болгарскаго языка, не въ состояніи было противодѣйствовать хитрымъ планамъ миссіонеровъ. Къ тому же насильственное введеніе греческаго языка въ церквахъ и недостойные поступки нѣкоторыхъ пастырей давно уже возбудили въ болгарахъ недовѣріе и нерасположенность къ духовенству. Обращеніе въ католицизмъ Павликіанъ, которые въ послѣднее время во всемъ начинали сближаться съ православными, было первымъ плодомъ усилій миссіонеровъ. Ободренные этимъ успѣхомъ, они открыли себѣ болѣе обширный кругъ дѣятельности: обѣщаніями наградъ склонили на свою сторону одного болгарина, по имени Драгана Цанкова, стали чрезъ него въ Константинополѣ издавать журналъ, назвавъ этотъ журналъ „Болгаріею". Хитро обдуманный планъ этого изданія обѣщалъ вѣрный успѣхъ. Названіе журнала Болгарія, общенародный языкъ, господствующій въ немъ, невольно располагалъ къ нему болгаръ Первыя статьи посвящены описанію бѣдственнаго положенія края. Главною причиною этихъ бѣдствій выставлено греческое духовенство. Уничтоженіе патріархомъ константинопольскимъ самостоятельной іерархіи болгарской, продажа мѣстъ духовныхъ, изгнаніе изъ церквей природнаго языка, насильственное введеніе греческаго языка, невѣжество пастырей, ихъ невниманіе къ нуждамъ народа, ихъ заботливость только о собственномъ обогащеніи, ихъ жестокое обращеніе съ народомъ и соблазнительная жизнь,—все это представлено въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ и преувеличенномъ видѣ. Болгаре, и безъ того недовольные греческимъ духовенствомъ, читая эти статьи, естественно, съ глубокою ненавистью стали смотрѣть на своихъ пастырей и нетерпѣливо ожидать отдѣленія отъ константинопольскаго патріарха. Принаровляя свои статьи къ расположенію умовъ, «Вѣстникъ» началъ указывать болгарамъ на невозможность, при недостаткѣ народнаго образованія, имѣть самостоятельную іерархію, совѣтовалъ отдавать дѣтей или въ Константинопольское католическое училище, или посылать ихъ въ западныя школы, обѣщая тамъ имъ ласковый пріемъ. Для болѣе успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей, „Вѣстникъ" не по-

стыдился сыпать клеветы и на другіе православные народы, успѣвшіе опередить болгаръ въ образованіи. За тѣмъ изъ редакціи разосланы были письма къ знаменитымъ фамиліямъ болгарскимъ, съ увѣщаніемъ признать папу главою болгарской церкви, вмѣсто константинопольскаго патріарха. Наконецъ мысль эта выражена и въ самомъ «Вѣстникѣ».

Къ счастію Болгаріи, эта опасность предупреждена россійскою церковію. Русское правительство уже болѣе пятнадцати лѣтъ призываетъ болгарскихъ молодыхъ людей для воспитанія въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно духовныхъ. Болгаре, имѣя полную довѣренность къ Россіи, по своему племенному и религіозному союзу съ нею, охотно посылаютъ дѣтей своихъ въ ея предѣлы для образованія. Въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ академіи: кіевская, московская, с. петербургская и семинаріи: одесская, кіевская, харьковская, московская, с. петербургская успѣли приготовить не мало наставниковъ для болгарскаго народа Имена воспитанниковъ болгарскихъ: Іеромонаха Неофита, Наѳанаила, Анѳима, Парѳенія, Іордана Константинова, Стефана Изворскаго, Ботя Петкова, Ильи Икономова, Филипова,— доселѣ не забыты въ тѣхъ духовно учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они воспитывались. Всѣ они, возвратившись въ свое отечество, заняли мѣста учителей. И эти то лица явились самыми сильными поборниками православія противъ пропаганды католическихъ миссіонеровъ. Ихъ благодѣтельное вліяніе на соотечественниковъ не ограничивалось однимъ молодымъ поколѣніемъ, ввѣреннымъ ихъ руководству. Издаваемые въ Константинополѣ журналы дали имъ возможность дѣйствовать на весь народъ болгарскій. Эти журналы преимущественно наполняются теперь ихъ статьями, направленными противъ предательскаго „Вѣстника Болгаріи." Въ главѣ защитниковъ православія стоитъ Петръ Стояновъ, окончившій курсъ образованія въ Кіевской Духовной Академіи въ 1857 году. Онъ первый разоблачилъ хитрости іезуитовъ и указалъ соотечественникамъ бездну, въ которую готовъ былъ низвергнуть ихъ мнимо-патріотическій „Вѣстникъ Болгаріи". Благодаря стараніямъ этихъ лицъ, болгаре теперь совсѣмъ потеряли довѣріе къ мнимо-національному „Вѣстнику" и зорко слѣдятъ за дѣйствіями миссіонеровъ по городамъ и селамъ, не позволяя имъ обольщать простодушныхъ. Судя по такому расположенію умовъ, дѣло пропаганды можно считать потеряннымъ въ Болгаріи. 30,000 православныхъ, совращенныхъ

въ Кукушской епархіи, теперь снова обратились въ нѣдра православія, къ посрамленію его враговъ. Изъ неоднократныхъ извѣстій, сообщенныхъ „Цареградскимъ Вѣстникомъ“, видно, что поставленный въ эту эпархію преосвященный Парѳеній въ короткое время успѣлъ истребить въ ней все, что было посѣяно католиками. Правда, въ 1861 году іезуиты успѣли навербовать до 4,000 семействъ въ унію и поставили даже патріарха надъ ними, извѣстнаго Архимандрита Іосифа, тоже обманомъ увлеченнаго. Но этотъ благочестивый старецъ скоро созналъ свою ошибку, отвергъ унію и съ нимъ обратились къ православію и эти 4,000 семействъ (1). Одни только Павликіяне остаются вѣрными западной церкви. Ими навѣрно и ограничатся плоды усиленной дѣятельности пропаганды, тѣмъ болѣе, что на будущее время противъ новыхъ усилій ея готовятся новые защитники православія и въ несравненно большемъ числѣ. Русское правительство, внимая нуждамъ единовѣрнаго востока, въ послѣдніе пять лѣтъ позаботилось открыть особенныя заведенія для иностранныхъ воспитанниковъ при одесской и кіевской семинаріяхъ. По содержанію, эти заведенія сравнены съ духовными Академіями. Молодые люди, пріѣзжающіе изъ славянскихъ земель для образованія въ Россіи, находятъ въ этихъ заведеніяхъ всѣ удобства для занятій. Въ настоящее время большая часть воспитанниковъ въ нихъ—болгаре. Сознавая нужды своего отечества, эти молодые люди съ неутомимою ревностію занимаются науками и подаютъ большія надежды.

---

(1) Пр. Іосифъ изъ болгарскихъ архимандритовъ, посвященъ былъ въ Римѣ, самимъ папою 2 Апрѣля 1861 г., въ присутствіи кардиналовъ и всѣхъ воспитанниковъ пропаганды, въ архіепископы и апостольскаго викарія болгаръ, но, по возвращеніи въ Болгарію, онъ отрекся отъ уніи и отъ всякаго общенія съ пропагандистами и единенія съ Римомъ и переодѣтый бѣжалъ въ Константинополь, подъ покровительство русскаго посланника, который отослалъ его въ Одессу, а отсюда, по распоряженію св. Сѵнода, переведенъ на жительство въ Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ живетъ и доселѣ, служа примѣромъ подвиговъ благочестія и иночества для всей печерской братіи. Его раскаяніе и возвращеніе въ православіе произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ болгаръ, такъ что оставили унію почти всѣ, принявшіе ее вмѣстѣ съ Іосифомъ, а народъ болгарскій вообще, послѣ этого, ясно выразилъ свое отвращеніе къ новому ученію и ненависть къ папскимъ проповѣдникамъ, изгнаніемъ ихъ изъ деревень и городовъ.

Прим. Ред.

Сколь сильная грозила опасность Болгаріи и сколь умѣстною оказалась помощь со стороны русскаго правительства,— это неоднократно выражали сами болгаре въ своихъ вѣстникахъ. Приводимъ здѣсь мысли одного болгарскаго учителя, высказанныя имъ подробно въ рѣчи, произнесенной на публичномъ экзаменѣ и напечатанной потомъ въ «Цареградскомъ Вѣстникѣ»:

„На публичныхъ испытаніяхъ наставники обыкновенно произносятъ рѣчи соотвѣтственныя цѣли собранія,—рѣчи, въ которыхъ излагается польза наукъ и внушается любовь къ нимъ. Но какъ польза наукъ и безъ того со дня на день становится болѣе и болѣе ощутительною для нашихъ соотечественниковъ, то я, вмѣсто этого, счелъ нужнымъ въ настоящей рѣчи, во первыхъ, обратить вниманіе на причины, по которымъ мы такъ отстали въ просвѣщеніи отъ другихъ народовъ, а во вторыхъ—указать путь, ведущій къ истинному просвѣщенію.

Немного лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ въ нашемъ отечествѣ—Болгаріи—только что начали сознавать нужду въ просвѣщеніи; многіе и между нами помнятъ то время, когда умѣнье читать и писать у насъ считалось вполнѣ достаточнымъ для человѣка. Но хотя мы и послѣдніе изъ европейскихъ народовъ стали ощущать нужду въ просвѣщеніи, и притомъ въ такое время, когда науки у сихъ народовъ достигли высшей степени развитія; однако, къ утѣшенію нашему, мы имѣемъ право сказать, что вина въ этомъ падаетъ не на насъ самихъ. Мы отличались нерадѣніемъ и нерасположеніемъ къ просвѣщенію; но это было не природнымъ свойствомъ нашего народа, а слѣдствіемъ внѣшнихъ причинъ, которыя существуютъ и доселѣ. Изъ этихъ причинъ мы укажемъ на двѣ важнѣйшія. Первая причина скрывалась въ греческомъ духовенствѣ, вторая въ самомъ правительствѣ нашемъ. Обѣ онѣ дѣйствовали нераздѣльно.

Оттоманское правительство, само не чувствуя нужды въ просвѣщеніи, старалось погасить это благородное чувство и въ своихъ подданыхъ—болгарахъ. Греческое духовенство оказывало Портѣ содѣйствіе въ этомъ случаѣ. Оно зорко наблюдало за равенствомъ просвѣщенія между господствующимъ и подвластными народами, и коль скоро въ послѣднихъ замѣчало стремленіе къ большему развитію,—тотчасъ представляло правительству это стремленіе въ видѣ преступленія. Ни училищъ, ни учителей въ Болгаріи нигдѣ не было. Должность

послѣднихъ исполняли священники въ тайныхъ мѣстахъ, и это потому, что объ училищахъ наговорено было правительству, какъ о вредныхъ нововведеніяхъ. Снискавъ довѣренность у Порты, греческій патріархъ уничтожилъ нашу народную Іерархію и назвался единственнымъ представителемъ всего христіанства въ Турціи. Этимъ греческое духовенство открыло себѣ страшное поприще злоупотребленій, которыхъ главною цѣлію было уничтоженіе нашей народности. Въ епархіальныхъ городахъ науки стали преподавать на греческомъ языкѣ, богослуженіе также совершаемо было на греческомъ языкѣ, непонятномъ для народа. Этими мѣрами греческое духовенство надѣялось слить болгарскій народъ съ греческимъ и для лучшаго успѣха прибѣгало даже къ насиліямъ. Его старанія дѣйствительно увѣнчались успѣхомъ въ странахъ ближайшихъ къ Греціи, гдѣ и до сихъ поръ природные болгаре читаютъ и молятся Богу на чуждомъ для нихъ греческомъ языкѣ. Впрочемъ вліяніе этой мѣры распространилось и по всей Болгаріи: это видно изъ того, что вездѣ по городамъ, даже отдаленнымъ отъ Греціи, чистые болгаре писали и теперь частію пишутъ по гречески.

Но хотя эти два дѣйствія греческаго духовенства—насильственное введеніе греческаго языка и возбраненіе просвѣщенія вредны были для нашей народности; за то нельзя не сознаться, что онѣ спасительны были для нашего православія, этого единственнаго памятника, оставшагося намъ послѣ нашихъ предковъ,—памятника, который болѣе уже тысячелѣтія водруженъ въ нашемъ отечествѣ, и который донынѣ остается невредимымъ и непоколебимымъ. Эти дѣйствія греческаго духовенства—одно безъ другаго могли бы разрушить до основанія сей священный памятникъ, но въ соединеніи одно съ другимъ они сохранили его. Греческое духовенство, будучи само грубо и необразованно, по необходимости, должно было держать и стадо свое въ такомъ же грубомъ состояніи: это полезно было ему и въ вещественномъ и въ нравственномъ отношеніи. Если бы мы, вопреки его стараніямъ, сами пожелали распространить у себя просвѣщеніе, и еслибы и правительство намъ въ томъ содѣйствовало, куда бы мы обратили свои взоры, гдѣ нашли бы наставниковъ? на сѣверѣ? Но и сѣверные наши братья прежде очень мало превосходили насъ просвѣщеніемъ. На югѣ? Но тамъ мы встрѣтились бы съ тѣми же греками. Слѣдовательно нужно было обратиться къ просвѣщенному западу. Но просвѣщенные западные

народы, передавая намъ познанія въ наукахъ, неужели не воспользовались бы при этомъ случаѣ чѣмъ нибудь и для себя? Не простираясь далеко, можно ли поручиться, что они не ввели бы въ нашихъ церквахъ, вмѣсто греческаго языка, латинскій, котораго мы бы уже никогда не могли изгнать изъ своихъ церквей, какъ теперь почти изгнали греческій. Какъ бы мы тогда сохранили вѣру свою въ такой чистотѣ, въ какой восприяли ее отъ первыхъ ея основателей?

Благодареніе Богу! теперь обстоятельства позволили намъ свободно думать о вѣрѣ и народности. Если бы западные и задумали теперь, путемъ просвѣщенія, ввести свою латинщину въ нашихъ церквахъ; то мы уже не боимся ихъ, потому что уже поняли, что гораздо пріятнѣе молиться Богу на родномъ языкѣ.—мы уже поняли, что имѣемъ возможность сами заботиться о своемъ просвѣщеніи, не обременяя этою заботою другихъ, чуждыхъ намъ по вѣрѣ и языку.

Есть два рода порабощеній—политическое и нравственное. Для каждаго изъ нихъ употребляются свои оружія: оружіе перваго—мечь, оружіе послѣдняго—перо. Первое не такъ страшно для вѣры и народности, потому что не овладѣваетъ умомъ и волею человѣка, а только лишаетъ его свободы. Послѣднее то оружіе, напоенное смертоноснымъ ядомъ, со всею силою теперь направлено противъ насъ. Язвы, наносимыя намъ этими ядовитыми стрѣлами, сначала кажутся для насъ неощутительными, а потомъ, развиваясь мало-по-малу, обращаются въ такую заразительную проказу, что уже никакія средства не въ силахъ излечить отъ нея. Горе тѣмъ, которые заразились этою проказою! Если въ началѣ болѣзни не прибѣгнутъ они къ врачевствамъ,—то умрутъ душевно. Подобною смертію уже умерли наши братья Павликіане. Если бы они были предупреждены, то мы не потеряли бы ихъ. Они теперь для насъ мертвые члены, отсѣченные отъ тѣла, и сообщеніе съ ними гибельно для цѣлости тѣла.

Нужно намъ принять какія нибудь мѣры противъ этого зла, которое можетъ проникнуть въ наше отечество и далѣе; нужно употребить сильное оружіе противъ софизмовъ пропаганды непріятелей нашихъ, которые силятся овладѣть нашею свободою и отнять у насъ драгоцѣнность, завѣщанную намъ предками. Полагаясь на свое искуство, они мечтаютъ воспользоваться нашею умственною слабостію и начинаютъ уловлять насъ такими орудіями, которыя съ виду представляются не только неопасными, но даже и полезными. Но значеніе

этихъ неприятельскихъ орудій можетъ понять и неопытный въ подобной борьбѣ, если захочетъ разсмотрѣть ихъ повнимательнѣе. Прежде всего враги наши стараются разорвать духовный союзъ нашъ съ другими народами, съ которыми мы связаны единствомъ вѣроисповѣданія, съ тою цѣлію, чтобы, лишивъ насъ вѣрной помощи, удобнѣе утвердить надъ нами свое господство.

Чтобы имѣть возможность защищаться противъ такихъ козней неприятельскихъ, намъ нужно имѣть достойныхъ поборниковъ и защитниковъ, которые были бы воспитаны въ правилахъ православной нашей вѣры. А гдѣ въ другомъ мѣстѣ можно получить подобное воспитаніе, какъ не въ Россіи? Объ этомъ поговоримъ съ большею подробностью, чтобы нагляднѣе показать путь къ истинному просвѣщенію.

Всякій изъ насъ согласится съ тѣмъ, что для насъ прежде всего необходимо просвѣщеніе; оно есть главное условіе благосостоянія. Но какимъ путемъ возможно достигнуть просвѣщенія? Исторія указываетъ намъ путь, которымъ другіе народы достигали просвѣщенія. Вездѣ духовенство служило главнымъ двигателемъ первоначальнаго образованія такъ же, какъ оно было защитою вѣры и твердымъ оплотомъ противъ всякаго чуждаго вліянія. Такъ, въ то время, какъ европейскій міръ погрязалъ въ невѣжествѣ, западное духовенство отличалось просвѣщеніемъ, которое и доставило ему такое вліяніе на народы, что цари и императоры смирялись предъ папою, чтобы заслужить его благорасположеніе, а многіе изъ нихъ снимали съ себя короны и порфиры и возлагали на главу свою терновый вѣнецъ, облекались въ мантіи, чтобы получать почести, которыми пользовалось духовенство и считаться его членами. Такимъ образомъ западное духовенство было источникомъ просвѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ твердою опорою католицизма. Въ Россіи, прежде чѣмъ открыты были гражданскія училища, духовныя училища уже существовали, которыя служили сильною опорою православія, и просвѣщенное духовенство одно въ состояніи было противоборствовать чужеземному вліянію. А греческая церковь какимъ искушеніямъ ни подвергалась отъ различныхъ ересей, однако, при помощи своихъ достойныхъ и просвѣщенныхъ пастырей, всѣхъ ихъ преодолѣла.

Намъ же—болгарамъ у кого первоначально заимствовать просвѣщеніе, когда греческое духовенство теперь само недостаточно образовано и не имѣетъ чѣмъ подѣлиться съ нами,

а болгарское духовенство въ умственномъ отношеніи стоитъ еще ниже греческаго? Гдѣ же, говорю, намъ почерпнуть знаніе, которое было бы согласно съ нашею вѣрою и которое можно было бы распространить въ нашемъ отечествѣ? Этотъ благотворный источникъ мы найдемъ только въ Россіи. Но, говоря это, я не отрицаю необходимости заимствовать просвѣщеніе и отъ западныхъ народовъ. Я не говорю, что для насъ достаточно ограничиться однимъ русскимъ просвѣщеніемъ, я имѣю въ виду доказать только то, что доколѣ наши собственныя училища не достигнутъ полнаго совершенства, мы имѣемъ неизбѣжную нужду въ учителяхъ и пастыряхъ, воспитанныхъ въ Россіи, напоенныхъ тамъ понятіями, сообразными съ нашею вѣрою православною, чтобы они могли приготовлять достойныхъ учениковъ къ образованію въ Европѣ. Мы еще младенцы, намъ нужно питаться молокомъ нашей родной матери—церкви православной. Если мы будемъ питаться молокомъ чужой матери,—мы увянемъ на цѣлую жизнь. Этого правила держались и держатся всѣ, которые желаютъ водворить истинное просвѣщеніе въ своемъ народѣ. Русскіе имѣютъ свои университеты, академіи, лицеи, гимназіи, въ которыхъ обучается у нихъ юношество, и никто изъ нихъ, не окончивъ курса въ какомъ нибудь изъ сихъ заведеній, не отправляется, для усовершенствованія въ наукахъ, за границу. Слишкомъ нерасчетливо поступили бы мы, если бы, слѣдуя совѣту нашихъ зложелателей, не отправляли своихъ юношей въ Россію, а посылали ихъ воспитываться въ западную Европу, напутствуя однимъ знаніемъ катихизиса, или даже безъ онаго. Какихъ бы тогда имѣли наставниковъ въ вѣрѣ? Какими бы понятіями были напитаны наши учители? Не всѣ ли они тогда были бы подобны редактору „Вѣстника Болгаріи„ (1), который безъ сомнѣнія былъ воспитанъ не грудью родной ма-

(1) Редакторъ „Вѣстника Болгаріи“ Драгалъ Цанковъ, родомъ Болгаринъ, получилъ образованіе въ западныхъ училищахъ; въ настоящее время занимаетъ должность учителя въ католическомъ училищѣ въ Константинополѣ и служитъ сильнымъ орудіемъ римской пропаганды. Въ своемъ Вѣстникѣ, издаваемомъ еженедѣльно, онъ самыми мрачными красками описываетъ греческое духовенство, съ тѣмъ, чтобы возбудить своихъ соотечественниковъ къ отдѣленію отъ греческой іерархіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдуетъ о непогрѣшимости папы и о его древнихъ правахъ на Болгарію.

тери—православной Церкви, и который потому сдѣлался непотребнымъ сыномъ отечества.

Хорошо былобы намъ имѣть и свою іерархію, независимую отъ греческой; ибо нѣтъ силъ сносить иго, которое греческая іерархія налагаетъ на свое стадо. Таково общее желаніе всего болгарскаго народа, и мы вѣримъ, что оно рано или поздно исполнится, по милости нашего Государя, который не останется равнодушнымъ къ неоднократнымъ просьбамъ своихъ вѣрноподданныхъ. Въ этомъ желаніи согласенъ съ нами и редакторъ „Вѣстника Болгаріи"; но его виды далеко несогласны съ нашими. И теперь всякій навѣрно понимаетъ его коварство. Онъ рѣзко обличаетъ греческую іерархію въ безнравственномъ поведеніи. Въ какой же іерархіи онъ указываетъ намъ примѣръ святости, достойной подражанія? Въ русской? Но онъ не менѣе порицаетъ ее, какъ и греческую. Въ аѳинской? Но и та представляется ему не лучше фанаріотской. Въ болгарской, которая теперь у насъ состоитъ изъ одного владыки, неимѣющаго епархіи? Но онъ этого владыку описываетъ самыми мрачными красками. Онъ рекомендуетъ намъ подчиниться непогрѣшимому, по его мнѣнію, папѣ: онъ усиливается доказать, что папа съ древнихъ временъ имѣетъ каноническое право на Болгарію. Тяжело и больно смотрѣть на такое лукавство редактора «Вѣстника Болгаріи», когда, съ одной стороны онъ настаиваетъ на необходимости имѣть намъ свою народную іерархію, а съ другой выставляетъ неспособность нашего духовенства самостоятельно управлять церковію. Не ясно ли изъ этого открывается, что онъ будущую народную іерархію, вмѣстѣ съ стадомъ, готовитъ въ добычу волкамъ. Кому не видно, что онъ наше духовенство хочетъ повергнуть къ ногамъ непогрѣшимаго папы и заставить лобызать крестъ на его святыхъ туфляхъ!

Наши соотечественники, живущіе въ Константинополѣ, первые поняли его злыя намѣренія и, не желая имѣть съ нимъ ничего общаго, отказались принимать его «Вѣстникъ.» Тоже потомъ сдѣлано было и въ другихъ городахъ. Надѣемся, что этому примѣру послѣдуютъ и всѣ благоразумные болгаре, которые искренно любятъ свое отечество, какъ достойные потомки нашихъ прадѣдовъ.

Нужно намъ, братья, теперь имѣть особенную бдительность; ибо никогда наше отечество не подвергалось столь опасному искушенію, какъ въ настоящее время. Умственное возрожденіе всякаго народа обыкновенно сопряжено бываетъ

съ затрудненіями и опасностями; но намъ — болгарамъ эти затрудненія и опасности предстоятъ гораздо въ большихъ размѣрахъ, потому что у насъ еще нѣтъ пастырей, способныхъ защищать стадо отъ волчьихъ нападеній. До тѣхъ поръ, пока мы не пріобрѣтемъ достойныхъ защитниковъ православія, наше народное образованіе должно быть заимствовано отъ православныхъ нашихъ братій, дабы не вкралась зараза прежде, чѣмъ готовы будутъ цѣлители Истину сего въ нашихъ глазахъ подтвердилъ уже опытъ: съ того времени, какъ началъ издаваться этотъ іезуитскій Вѣстникъ и до сихъ поръ, ни одинъ изъ нашихъ духовныхъ представителей не возсталъ въ защиту вѣры и народности противъ интригъ, которыми наполненъ каждый листъ сего изданія. Одинъ только габровскій учитель Стояновъ, получившій образованіе въ кіевской духовной академіи, возвысилъ голосъ въ обличеніе іезуитскихъ хитростей. И этотъ единственный голосъ такъ сильно подѣйствовалъ на издателя, что онъ не нашелъ ничѣмъ отвѣтить ему, какъ только бранью и угрозами, назвалъ его недоучившимся и совѣтовалъ еще учиться, чтобъ имѣть возможность опровергнуть какія-то будущія статьи, которыя, можетъ быть, составляются іезуитами или въ Константинополѣ, или даже въ самомъ Римѣ. Если бы не изобличены были хитрые происки іезуитовъ въ этомъ Вѣстникѣ, то теперь навѣрно уже былъ бы напечатанъ и латинскій катихизисъ на болгарскомъ языкѣ, который Драгалъ совѣтовалъ намъ ввести во всѣ болгарскія училища, представляя ненужнымъ учиться по русски и по гречески, и дерзко порицая святѣйшій русскій Сѵнодъ. Чтобы достигнуть своихъ цѣлей, онъ дерзнулъ порицать не только частныя лица, но и цѣлыя общества, цѣлые народы. У него забыты правила чести и приличія; каждый листъ его Вѣстника наполненъ клеветами, ругательствами и дышетъ непримиримою ненавистью ко всему окружающему. Къ одному только имени папы онъ питаетъ глубокое уваженіе. Столь безчестную роль онъ взялся играть съ двоякою цѣлію: во 1-хъ, чтобы, подъ маскою патріота, обольстить и расположить къ себѣ болгарскій народъ; во 2-хъ, чтобы угодить римской пропагандѣ и получить отъ нея награжденіе, а можетъ-быть, со временемъ, и какой нибудь высокій санъ отъ папы.

Нашъ взглядъ на Драгала и его планы, въ отношеніи къ нашему отечеству, оправдывается при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ его Вѣстникомъ. По этому намъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ, по примѣру нашихъ благо

скому положенію, вліянію на другихъ, знанію наконецъ исторіи Польши и этнографіи Западнаго края, могла сдержать развитіе совершившихся явленій, воздержать женщину и недоученное юношество отъ уличныхъ увлеченій и упредить ту мѣру, которая теперь всею своею тяжестію легла на однихъ почти недорослей. Мы только спросимъ: спокойна ли ихъ совѣсть, при видѣ столь многихъ жертвъ ихъ равнодушія къ опасности ближнихъ, а можетъ быть и тайныхъ подстрекательствъ. Или эти гг. считаютъ себя очищенными предъ судомъ своей совѣсти и погубленныхъ ими юношей, пустивъ въ ходъ клевету на жестокость правительственныхъ лицъ и окрестивъ бывшія манифестаціи только ребячествомъ и нравственною лихорадкою? Но нельзя не казнить общественнымъ негодованіемъ всѣхъ этихъ и явныхъ и тайныхъ увлеченій, выразившихся буйствами, строптивостію, покушеніемъ на общее спокойствіе; нельзя безъ грусти смотрѣть на то ослѣпленіе, которымъ отуманилъ васъ религіозный фанатизмъ и тайныя подстрекательства ксендзовъ,—на всѣ тѣ продѣлки, приличныя только балаганнымъ подмосткамъ, которыми ваши вожди хотѣли дѣло Польши поставить на чреду международныхъ вопросовъ.—и гдѣ же? Среди громадной массы представителей вовсе не польской народности! А, между тѣмъ, намъ не разъ еще приходилось, въ послѣднее время, слышать отъ васъ гг. поляки, едва-едва не укоръ въ томъ, что мы оставались равнодушными, порою недовольными зрителями вашихъ манифестацій, и даже иногда улыбались при видѣ игривости вашей *фантазіи*—фантастической затѣи произвести Польшу тамъ, гдѣ ея нѣтъ и разорвать связь русскаго народа съ его правительствомъ.—Вдумайтесь внимательно въ эту затѣю,—и вы сами увидите, что она смѣшна, что только ребячество или бредъ горячки могутъ породить подобныя галлюцинаціи, въ которыхъ, съ позволенія вашего, нѣтъ ни на волосъ ни логики, ни практики. (Какъ очевидецъ всего, что происходило въ Житомирѣ, съ Марта мѣсяца до настоящей поры, позволяю себѣ сдѣлать обзоръ фактовъ, которыми выражались ваши манифестаціи).—Первая ваша панихида, какъ вы вездѣ кричали и писали: «по замордованнымъ (замученнымъ) 5 полякамъ въ Варшавѣ», была направлена прямо противъ насъ русскихъ. Съ іезуитскимъ спокойствіемъ и съ распредѣленными ролями, вы поставили драму, сценою для нея избрали костелы и улицы, содержаніемъ—заявленіе насъ вашими тиранами, цѣлію—найти сочувствіе клеветѣ въ общемъ мнѣніи,

набрать какую нибудь толпу погуще, поставить ея требованіе выше закона и существующаго порядка, и такимъ образомъ идти путемъ анархіи и общественной ломки къ вашему идеалу—польской вольности. Съ чего же вы начали ваши площадныя представленія, вашу комедію предъ нашимъ народомъ? Съ траура! Но этотъ трауръ вамъ не къ лицу: онъ самое безжизненное подражаніе трауру ламбардцевъ и навязанъ вамъ вашими ксендзами. ([1]) На васъ онъ не только не имѣетъ политическаго смысла и выгоднаго для поляковъ соціальнаго значенія, но даже несообразенъ съ вашимъ положеніемъ.— Италія находилась въ порабощеніи у нѣмцевъ, австрійскій военный и полицейскій деспотизмъ на *италіанской землѣ* (не забудьте—на *италіанской*, а не на нѣмецкой) былъ гнетущимъ прессомъ, чужеяднымъ приростомъ, племенно враждебнымъ элементомъ. Народъ страдалъ и былъ давимъ ничтожнымъ меньшинствомъ пришельцевъ. Трауръ для италіанца былъ его національною хоругвію, обличалъ воспитаніе въ италіанцѣ затаенной злобы къ притѣснителямъ, служилъ символомъ огражденія италіанской народности, призывалъ италіанца къ священной обязанности—умереть или оживить свободу. Что же такое, въ паралель съ трауромъ италіанцевъ, трауръ поляковъ въ русскихъ областяхъ, среди громадной массы православнаго южнорусскаго народа, которому очень нетрудно воскресить въ памяти и то, когда и какъ вы вторглись въ его край, какъ и за что были замучены вторгшимися сюда поборниками латинства и рѣчи посполитой: Косинскіе, Наливайки, Остраницы и другіе, которымъ и числа нѣтъ. Здѣсь земля, народъ, администрація, войско, языкъ, религія— русскіе. Если здѣсь и есть польское шляхетство, то оно такъ малочисленно и слабо, какъ по своему отчужденію отъ насъ, такъ и по числительному отношенію къ массѣ нашего южнорусскаго населенія въ краѣ, что всегда походитъ на одинокаго гостя, пришлеца, на австрійца среди русской земли. —Какъ же намъ, русскимъ зрителямъ, было не смѣяться надъ тою ролею, которую поляки разыгрывали здѣсь, въ траурныхъ костюмахъ? Подражая италіанцамъ, они не поняли пустого, что роль ихъ совершенно обратная, и что трауръ и другіе

---

[1]) Секретнымъ пастырскимъ посланіемъ покойнаго варшавскаго архіепископа Фіалковскаго. Списки сего посланія ходятъ по рукамъ даже и теперь между здѣшними р. католиками.

Прим. Ред.

знаки, какъ то: запонки и булавки съ одноглавыми орлами (какъ польскій гербъ), коралы (какъ символъ крови *замордованныхъ* ихъ соотечественниковъ), изломанный крестъ (воспоминаніе того креста, который изломанъ полякомъ на головѣ нашихъ солдатъ), поруганіе святыни и проч. выдѣляютъ ихъ изъ массы нашего русскаго населенія, нашей народности, выдѣляютъ, какъ чужеземцевъ и гостей, которыхъ мы охотно и радушно къ себѣ принимаемъ на всемъ пространствѣ нашей обширной земли; — кто бы они ни были, но съ условіемъ — лишь бы жили съ нами по братски, не претендовали на господство надъ нами и не навязывали намъ своихъ уставовъ. Жалко и безсильно возраженіе польскихъ агитаторовъ, что дворянство западныхъ губерній, хотя и польское, но туземное, стало быть оно — не пришельцы, не гости, — жалко и безсильно, потому что и туземные изъ здѣшнихъ потяковъ или ополячившихся русскихъ (ибо поляковъ здѣсь не было) не имѣютъ никакого права усвоенное ими нанавязывать намъ и всему нашему народу. Но оговоримся подробнѣе; здѣшнее польское дворянство мы дѣлимъ на три категоріи: одна состоитъ изъ немногихъ, знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, потомковъ древнихъ русскихъ, Рюрикова дома, фамилій; другая изъ пришельцевъ, со всѣхъ сторонъ міра и особенно изъ Польши, всякаго роду людей, составлявшихъ нѣкогда дворъ и дворню знатнѣйшихъ вельможъ, а потомъ получившихъ шляхетство, нажившихъ себѣ состояніе: экономіями, посессіями, администраціями, и всякаго рода службами, услугами и прислугою магнатамъ, пріобрѣвшихъ поземельную собственность и такимъ образомъ, для большаго панскаго шику, затвердившихъ роль польскаго панства (²).

Вотъ это то низшее, но болѣе знатныхъ родовъ раз-

(²) Приведемъ примѣръ. Намъ разсказывалъ одинъ почтенный человѣкъ, что въ одной изъ югозападныхъ губерній quasi *польскій* помѣщикъ Ч. предъ смертью желалъ исповѣдаться у православнаго священника. На исповѣди предсмертной, (и только предсмертной,) онъ сознался, что изъ тщеславія принялъ латинство и присталъ къ польской партіи, а за тѣмъ просилъ священника, что бы онъ разрѣшилъ ему грѣхъ отступничества и похоронилъ на православномъ кладбищѣ. Трудно представить какимъ пораженіемъ для своего шляхетскаго величія семейство сочло этотъ покаянный поступокъ умиравшаго. А кто же былъ по происхожденію умиравшій? И неужели искуственными генеалогіями можно было скрыть то, что всѣ знали? Прим. Ред.

множившееся и не менѣе послѣднихъ заносчивое и притязательное шляхетство, мы и называемъ пришлою частію нашего населенія, гостями нашей земли ([3]). Что касается знатныхъ дворянскихъ родовъ, то и ихъ съ той мрачной, въ исторіи югозападной Россіи, эпохи, когда сословные интересы были ими поставлены выше интересовъ народности, когда они отреклись отъ своего народа и его жизненныхъ стихій,—мы не можемъ уже признавать нашими, и, въ этомъ смыслѣ, имѣемъ полное право и ихъ понимать какъ нашихъ гостей. А между тѣмъ эти пришлецы или гости поставили себя въ роль нашихъ порицателей и клеветниковъ; не уважая никакого приличія, никакого начала, никакого факта,— закидываютъ грязью нашу народность, нашу исторію и даже наше племенное единеніе; увлекаютъ ложью и дикими теоріями несвѣдущихъ, даже въ своей исторіи, поляковъ,—и такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы изглаживать историческія шероховатости, которыя насъ развели, хотятъ дорыть окончательно между нами и ими непроходимую бездну. Извращая всѣ факты, касательно нашей народности, они дописались до полнаго ея отрицанія, какъ въ великой Россіи, такъ и въ западныхъ губерніяхъ, и въ Украинѣ. По теоріямъ ихъ великорусской народъ—финны, татары и все что угодно, но только не славяне; малороссія или Украина—Польша,—и народность Украины только въ панскомъ сословіи. Возражать на подобныя теоріи или ихъ опровергать—не стоитъ; онѣ такъ дики и такъ цинически наглы, что примыкаютъ къ балаганнымъ фарсамъ и гаэрству, но, конечно, не къ наукѣ.—По этому, мы остановимъ наше вниманіе только на слѣдующихъ вопросахъ: гдѣ, когда и какое сословіе, въ новѣйшей исторіи,

([3]) Третья и самая многочисленная состоитъ изъ туземныхъ русиновъ, ополяченныхъ чрезъ обращеніе ихъ предковъ въ р. католическую вѣру, и изъ тѣхъ, предки коихъ—жиды приняли р. католическую вѣру, чтобы получить шляхетство (ибо сеймовыми конституціями прежней Польши всякій крестившійся жидъ имѣлъ право на шляхетство, и это было причиною, что жиды крестились цѣлыми сотнями въ одинъ разъ). Нынѣшніе потомки этихъ перекрестовъ самые *заядлые* поляки. Въ волынской губерніи ихъ также много, какъ и русскихъ ренегатовъ. Ихъ весьма легко отличить по жидовскимъ чертамъ лица и по названіямъ фамилій. По нашему наблюденію, они-то собственно превосходили всѣхъ прочихъ поляковъ въ восторженности, характеризующей жидовъ, какую они выказывали въ своихъ манифестаціяхъ.

будь оно дворянское, духовное, чиновное, военное и проч: стирало и поглощало народъ? Когда и въ какой отрасли человѣческихъ знаній часть была больше своего цѣлаго? Отъ чего пали древнія государства и, изъ новѣйшихъ, Польша? Не отъ того ли, что меньшинство не признавало человѣческихъ правъ за народомъ, насиловало его въ самыхъ святыхъ и неприкосновенныхъ началахъ, клеймило его презрѣніемъ, то въ имени гелота, то серва, то раба, то холопа. И вотъ въ моменты историческихъ испытаній, въ эпохи тяжкаго удара извнѣ, государство, съ подавленною народностію, съ непризнаннымъ въ лицѣ меньшей братіи человѣчествомъ, не находя точки опоры внутри себя,—падаетъ и при томъ падаетъ такъ, что рѣдко и встаетъ.. По изслѣдованіямъ Гизо о Галліи, въ послѣдніе годы разложенія Римской имперіи, оказалось, что римское населеніе Галліи не только не помогало правительству и его провинціальной административной іерархіи въ борьбѣ съ варварами, но не оказало ни малѣйшаго сопротивленія ихъ напору: всѣ страданія, всѣ ужасы войны и разоренія народъ несъ молча, безотвѣтно, такъ, что еслибъ письменные памятники того времени не говорили о римскомъ населеніи Галліи, то можно бы было думать, что варвары нашли провинцію совершенно пустою. Вотъ къ чему привело Римъ порабощеніе народа, лишеніе его личной свободы и правъ гражданственности! Народъ стушевался,— и уже ни римскіе чиновники, ни патриціи, ни императорская власть не спасли Рима. Такъ и польское дворянство, съ его римскимъ духовенствомъ и римскими взглядами, напрасно силятся заявить о польской народности: народъ имъ не вѣритъ, онъ знаетъ по преданію, что оба эти сословія всегда упорствовали дать ему права гражданства. Особенно теперь, когда, въ силу совершающейся крестьянской реформы, народу сдѣлается доступнымъ образованіе,—онъ можетъ вчитаться въ лѣтописи свои, и изъ нихъ узнать, что одинъ король за любовь къ народу и за данныя имъ права ему, получилъ отъ панства прозваніе холопскаго короля, а другой въ своихъ универсалахъ открыто говорилъ народу, «у васъ есть сабли отстаивать свои права». Да, изученіе исторіи нашимъ южнорусскимъ народомъ, бывшимъ подъ гнетомъ пришлаго къ намъ панскаго деспотизма, поможетъ ему безошибочно рѣшить вопросъ: какое принять ему направленіе ([4]).

([4]) Гг. манифестаторы должны помнить одно, что это направленіе никакъ не пойдетъ въ сторону пришлаго къ нимъ польскаго панства.

Ред.

Разъ прервавши обозрѣніе польскихъ манифестацій на Волыни, просимъ позволить намъ продолжить еще нѣсколько нашу рѣчь о Польшѣ. Въ послѣднемъ даже періодѣ существованія Рѣчи-Посполитой, мы не находимъ момента, когда бы польское дворянство единодушно сознало потребность даровать народу права гражданства. Мы часто слышимъ отъ поляковъ, что конституціею 3 Мая вопросъ этотъ рѣшился окончательно, но тогда Польшѣ помѣшали сосѣди. Прежде чѣмъ повѣримъ мы полякамъ, попросимъ ихъ разъяснить намъ слѣдующія сомнѣнія. Если дворянство польское сознавало необходимымъ даровать народу права гражданства, откуда же выродилось такое многожество конфедерацій? Не составлялись ли они тѣми же панами? Противуборство однѣхъ конфедерацій другимъ, не служитъ ли явнымъ доказательствомъ, что единодушнаго сознанія на эманципацію народа у дворянства не было, а все у нихъ предпринималось и рѣшалось враздробь, въ духѣ партій, фамильныхъ отношеній, частныхъ интересовъ и честолюбивыхъ замысловъ? Далѣе, согласившись, что Польшѣ въ концѣ XVIII столѣтія помѣшали сосѣди эмансипировать свой народъ, спрашиваемъ по чему въ 1805 году, когда Варшавское Герцогство было уже возстановлено и народу дана личная свобода, паны не надѣлили тогда же крестьянъ землею, а оставили ихъ въ положеніи полныхъ пролетаріевъ? Отъ чего дворянство гораздо ранѣе конституціи 3 Мая не послѣдовало примѣру благодѣтеля своихъ крестьянъ, извѣстнаго польскаго патріота Яна Замойскаго, который, улучшая бытъ своихъ крестьянъ, приглашалъ къ тому и прочихъ соотечественниковъ своего сословія? За чѣмъ въ продолженіе 15 лѣтъ, отъ Вѣнскаго конгресса до 1831 года, дворяне опять ни чего не сдѣлали для своего народа, чтобы даровать имъ поземельную собственность? За чѣмъ и послѣ 1831 года, когда правительствомъ предпринято въ Царствѣ Польскомъ очинщеваніе казенныхъ и розданныхъ въ маіороты имѣній, владѣльцы дворяне не послѣдовали тому же примѣру въ своихъ маетностяхъ? По чему, наконецъ, въ наше время, въ паралель съ разработкою крестьянскаго вопроса въ Россіи, дворяне Царства Польскаго, не сдѣлали шагъ къ разрѣшенію того же вопроса у себя, а дождались того, что въ этомъ дѣлѣ, какъ инаціятива, такъ и исполненіе принадлежатъ русскому правительству.

Намъ все равно, будетъ ли наше обличеніе голосомъ въ пустынѣ или нѣтъ, но мы не можемъ умолчать, что у насъ, русскихъ, у нашего народа западной Россіи нѣтъ пока ни

одной нити, связующей насъ съ здѣшнимъ польскимъ дворянствомъ. Съ разрушеніемъ крѣпостнаго права, между вами гг. паны и нами—народомъ—полный разрывъ; кто его подготовилъ—рѣшите сами. Мы твердо убѣждены въ томъ, что вы не принесли *даже вашему польскому народу* ни малѣйшей жертвы изъ вашихъ интересовъ, и еще домогаетесь отъ него *офяръ,* во имя отчизны; мало того, домогательство это нѣкоторые изъ васъ вздумали перенести къ намъ и предъявить его у насъ, на нашей землѣ, среди нашего народа. Вы насъ безпокоите крикомъ и гамомъ о какой-то чуждой намъ польской народности, тогда какъ, даже въ Польшѣ, масса польскаго народа, которая дѣйствительно должна бы была ее представлять, доведена вашими сословными братьями до такого нищенства, которое въ нашемъ славянскомъ мірѣ не мыслимо. Вы заявляете претензію на присвоеніе себѣ нашей народности въ западныхъ губерніяхъ, а сами, между тѣмъ, къ своей даже польской народности, относитесь недостойнымъ и, прямо скажемъ, оскорбительнымъ для народнаго чувства образомъ. У васъ отчизна—въ уличной толпѣ, за которую расчитываютъ прятаться подстрекатели смутъ, въ анархіи, ведущей къ варварству и кулачному праву, въ орлахъ, крестахъ, юпкахъ, чемеркахъ, и всякаго рода побрякушкахъ, въ уличныхъ сборищахъ дѣтей, въ назойливости и фарсахъ женщинъ, въ невѣжествѣ и бравурствѣ юноши, въ грубости и высокомѣріи мужчины, въ свисткахъ толпы, въ неуваженіи чужой національности, даже господствующей, въ оскорбленіи личности, нераздѣляющей вашихъ увлеченій и осуждающей ваши фарсы, въ нарушеніи порядка и благочинія, въ обидахъ чиновнику на должности; словомъ въ такихъ явленіяхъ, которыя явно свидѣтельствуютъ о жизненности въ васъ, гг. польскіе агитаторы, двухъ принциповъ, исторически развившихся въ польскомъ дворянствѣ и погубившихъ Польшу,—анархіи и деспотизма. А сколько при томъ пущено въ оборотъ лжи, обмана, нелѣпыхъ вѣстей, несбыточныхъ надеждъ; и все это разсказывалось и разносилось съ поразительнымъ самохвальствомъ, съ легковѣріемъ и назойливостію, доведенными до уродства! Не ограничиваясь увлеченіемъ легковѣрныхъ и невѣжливыхъ въ толпѣ демонстраторовъ, вы хотите еще подвинуть къ участію въ манифестаціяхъ даже благоразумныхъ поляковъ, оставшихся, вмѣстѣ съ нами—русскими, спокойными зрителями вашей распущенности и вашего самодурства. Средства ваши къ достиженію цѣли—достойны вашихъ подстрекателей: въ до-

махъ благомыслящихъ поляковъ вы по ночамъ били стекла, женъ и дѣтей ихъ обливали, даже въ костелахъ, сѣрною кислотою и чернилами; встрѣчая ихъ одинокими на улицахъ, вы говорили имъ дерзости и оскорбляли ихъ. Съ нами—русскими у васъ была постыдная двуличность: изъ за угла вы бросали въ насъ грязью и камнемъ, за глаза говорили и выдумывали все что злость и раздражительность могла нарисовать въ вашемъ воображеніи грязнаго и презрительнаго о нашемъ государствѣ, народѣ, нашей администраціи, нашихъ законахъ, войскѣ и проч., а встрѣчаясь съ нами, жали намъ руки и сами же осуждали свои манифестаціи. Теперь, когда манифестаціи прекращены, когда судятся и агитаторы и ихъ участники, когда отвсюду слышится позднее раскаяніе и мольба родителей жертвъ, нельзя не спросить раздувателей польскаго движенія: не возмущены ли они внутренно, слыша, что болѣе 60 недоученныхъ или вовсе ничему неучившихся юношей изъ мелкой шляхты, заключены въ тюрьмѣ и преданы суду, по полевому военному уложенію? Будутъ ли они еще и теперь также малодушно и также позорно скрываться за женъ и дѣтей своихъ, рѣшатся ли еще требовать *офяръ* и разжигать ненависть къ намъ подобными мѣрами, какъ напр. распространеніе фотографическихъ снимковъ съ 5 ти убитыхъ въ Варшавѣ, въ Февралѣ мѣсяцѣ, возмутителей, и всякаго рода клеветы и ругательства надъ всѣмъ русскимъ? Будутъ ли еще ослѣпляться мечтою о привитіи къ нашему народу готовности губить свои силы позорнымъ образомъ, по ихъ вызову и указанію? (1). Нѣтъ гг. агитаторы—поляки, не любите вы даже

(1) Можно бы спросить гг. польскихъ агитаторовъ среди насъ: думали ль они серьёзно о томъ, какая грозная, хотя и молчаливая сила противостоитъ имъ, и о томъ, что народъ, среди котораго они такъ рьяно бушуютъ, потомокъ сподвижниковъ Хмѣльницкаго? Думали ль, думаютъ ли и теперь, что съ одной стороны только его сдержанности, съ другой—кротости правительства, которое ихъ же вожатаи такъ усиливаются очернить предъ другими народами, они обязаны не только безопасностію и благосостояніемъ, но и нѣкоторымъ усиленіемъ, и что, при другомъ направленіи правительственной политики,—ихъ постигла бы другая участь? Думали ль наконецъ о томъ, въ какое глубокое противорѣчіе своими манифестаціями они вступаютъ съ нами и съ нашимъ народомъ, и какая грустная развязка для нихъ должна послѣдовать за этимъ противорѣчіемъ? Должно быть не думали. При серьёзномъ размышленіи, они не могли бы не понять нелѣпости своихъ затѣй. Прим. Ред.

и вашего народа, когда расчитываете выработать изъ него слѣпого исполнителя вашихъ анархическихъ стремленій. Въ Варшавѣ вы увлекали толпу, льстя ей, и обманывая ее; вы даже не устыдились ее опаивать; но страшитесь той же толпы, когда буйныя уличныя сцены сдѣлаются для нея обыденною потребностію, или когда онѣ ей наскучатъ: она отрезвится и потребуетъ у васъ отчета въ вашихъ дѣйствіяхъ. Вспомните обѣдъ 2 октября, въ день похоронъ Фіалковскаго, на которомъ вы угощали крестьянъ. Не смотря на то, что между крестьянами была переодѣтая шляхта, вспомните, что отвѣчалъ благоразумный крестьянинъ, на призывъ одного изъ вашихъ пановъ къ единенію и единодушію съ вами крестьянъ. Слова его замѣчательны,—онѣ должны бы были раздаться въ вашихъ сердцахъ звукомъ молота о гробовую доску; эти слова были слѣдующія: „дай Богъ, чтобъ ваша любовь къ намъ была въ сердцѣ, а не на словахъ; въ 1831 году вы также говорили, но потомъ бѣжали за границу, а терпѣли мы одни." Этотъ отзывъ крестьянина въ Польшѣ, есть полная исторія польскаго народа; этотъ голосъ изъ народа есть упрекъ дворянству за былое,—недовѣріе въ настоящемъ и предостереженіе въ будущемъ; этотъ голосъ есть улика панству въ томъ, что его подземная война въ союзѣ съ фанатизмомъ ксендзовъ, издавна ведомая противъ русскаго міра и отъ времени до времени обнаруживающаяся на поверхности, явленіями подобными нынѣшнимъ,—есть война преступная, осужденная и божескими и человѣческими законами; война братоубійства: этотъ голосъ есть улика, наконецъ, въ томъ, что отношенія двухъ народностей польской и русской были бы мирны и дружественны, еслибъ дѣтскіе анархисты—дворянство и духовенство, увлекаемые своими цѣлями, не направляли убѣжденія и совѣсть польскаго народа на путь вражды, ссоръ, клеветы и разъединенія.

Возвратимся къ житомирскимъ манифестаціямъ. Панихида по убитыхъ 15 Февраля въ Варшавѣ, была первою удачною попыткою агитаторовъ; полиція не препятствовала служенію. Это обстоятельство, весьма естественное, много способствовало ободренію, какъ вождей, такъ и исполнителей манифестацій.— Съ этого времени польскія патріотки одѣваются въ черное платье съ плерезами, головы покрываютъ шляпками съ перомъ à la Гарибальди, на шеѣ повѣсили черные кресты, а на руки надѣли краснаго коралла браслеты. Мужчины ерошатъ ворсу своихъ шляпъ и повязываютъ ихъ чер-

ными лентами, или надѣваютъ конфедератки, галстухи закалываютъ булавками съ бѣлыми орлами. Черныя женщины и костюмированные мужчины усиливаются сдѣлать свое движеніе какъ можно болѣе примѣтнымъ, Кіевская улица, противъ дома губернатора, обращается въ арену этихъ актрисъ и актеровъ.

На вторую панихиду, которой агитаторы замышляли придать возможную торжественность, уже явились кокарды. Польки, приготовивъ ихъ у себя въ домахъ, недостающее за тѣмъ число кокардъ открыто уже шьютъ въ костелѣ изъ черныхъ и бѣлыхъ лентъ, и прикалываютъ ихъ всѣмъ безъ разбора входящимъ во храмъ. Въ костелъ уже допускаются одни траурные, неимѣющимъ траура мущинамъ предлагаютъ выдти вонъ, женщинъ оскорбляютъ, а если въ туалетѣ ихъ оказывается что цвѣтное, обливаютъ чернилами и кислотами. Волынскій бискупъ, упрежденный полиціею о приготовленіяхъ ко второй панихидѣ, отказывается служить ее, какъ уже разъ совершенную,—и тѣмъ вызываетъ противъ себя негодованіе патріотовъ; ему подбрасываютъ письма съ угрозами висѣлицы, съ требованіемъ оставить свой постъ. Разъ даже почтенный старецъ получилъ веревку съ предвареніемъ, что будетъ повѣшенъ. По городу также стали раскидываться разныя возмутительныя и предупредительныя афиши и объявленія; однихъ обязывали къ непремѣнному участію въ манифестаціяхъ, другимъ напоминали о траурѣ, запрещая носить что либо цвѣтное, угрожая въ противномъ случаѣ оскорбленіемъ и битьемъ въ домахъ стеколъ. Одна афиша предваряла объ избіеніи 5 т. москалей, за то, что какой то шалунъ, кажется, послѣ второй панихиды, навязалъ на хвостъ собакѣ 5 кокардъ, а другая, брошенная въ экипажъ одного военнаго, открывала о составленіи поляками большаго заговора, съ цѣлію одновременно отравить всѣ наши войска, расположенныя въ западныхъ губерніяхъ и въ царствѣ, овладѣть оружіемъ и начать войну съ Россіею, не подумавши даже о томъ, что здѣсь рѣшительно нѣтъ народа, изъ котораго нужно же было бы набрать войско. Изрѣдка, за объявленіями, удавалось дѣйствительно исполнить обѣщанія: такъ въ двухъ трехъ домахъ были побиты стекла, русскія дамы и польки, показывавшіяся на улицахъ въ обыкновенныхъ ихъ платьяхъ, выслушивали угрозы, иногда брань, и были обливаемы чернилами; мущинъ, особенно военныхъ, встрѣчая на тротуарахъ, старались толкнуть и вызвать на ссору, а слѣдующій случай показываетъ сте-

пень нравственнаго развитія и благородства здѣшней шляхты: на встрѣчу офицера въ натычанкѣ ѣхалъ панъ,— случай былъ за городомъ, на мосту чрезъ рѣчку Каменку; офицеръ шелъ стороною моста, панъ ѣхалъ шагомъ; поравнявшись съ офицеромъ, онъ вдругъ на него плюетъ и ускакиваетъ во всю прыть.

Около того же времени, какъ служились панихиды, началось и распѣваніе гимновъ. Въ панихидахъ, гимнахъ, и во всѣхъ послѣдовавшихъ за ними уличныхъ и костельныхъ сценахъ, принимали участіе и нѣкоторые, находившіеся на службѣ, поляки. Такъ, одна изъ этихъ личностей, занимающая впрочемъ и теперь въ губерніи значительный чиновничій постъ, имѣла дерзость приглашать пановъ изъ уѣздовъ въ губернскій городъ, для участія въ манифестаціяхъ, а жена его, рисуясь между черными патріотками, возила башмачницу и модистку по городу въ своей каретѣ, съ тѣмъ конечно, чтобы жители видѣли, какое, молъ, явилось у насъ въ панствѣ равенство и сближеніе съ вами—холопами. Участіе въ манифестаціяхъ другихъ служащихъ поляковъ, сверхъ траура, заявлялось еще тѣмъ, что они, собираясь между собою и, принимая у себя уличныхъ дѣятелей, совѣщались, обсуждали планъ своихъ сценъ и фарсовъ, сносились съ Варшавою и съ уѣздами Волыни, и такимъ образомъ тайно руководили манифестаціями и сообщали имъ анархическій характеръ. Одинъ даже отрекся отъ нашего стиля и праздновалъ пасху въ одинъ день съ варшавянами, т. е. 12-тю днями раньше нашей. Этотъ субъектъ замѣчателенъ своимъ гибкимъ станомъ и идолопоклонствомъ предъ властями. Въ потребность его натуры вошла привычка отворять двери начальнику, почему когда ему не приходилось въ воскресеніе встрѣчать начальника, онъ отправлялся въ костелъ и ждалъ тамъ кареты одной генеральши, съ тѣмъ, чтобы не упустить случая отворить ей дверцы; являлась карета, онъ отворялъ дверцы и за тѣмъ тотчасъ оставлялъ костелъ. Примѣру патріотовъ скоро послѣдовали нѣкоторые ученики гимназіи (¹). Сначала эти гимна-

(¹) Въ число ихъ случайно попался и одинъ вовсе не принадлежавшій къ этому скопищу. Сначала онъ проворовался. Изъ уваженія къ почтенной личности отца, были къ нему снисходительны; но потерю чести въ своемъ кругу и муки стыда ему хотѣлось какъ-нибудь заглушить рыцарскими похожденіями въ новомъ, житомірскомъ родѣ, и на этомъ полѣ онъ, разумѣется,

зисты обшили крепомъ красные воротники своихъ кафтановъ и красные околышки фуражекъ, потомъ перестали посѣщать классы, и вздумали, наконецъ, навязывать свою ребяческую заботливость объ удаленіи инспектора и измѣненіи устава. Волненіе этихъ господъ было скоро прекращено исключеніемъ изъ гимназіи худшихъ и болѣе сумазбродныхъ воспитанниковъ. Исключенные оказались юношами 18—20 лѣтъ и полагали, что придадутъ чрезвычайное величіе польской мишурной бурѣ, пожертвовавши ей свои могучія силы. Недоученые бѣдняжки не поняли даже того, что судороги признакъ не силы, а безсилія и болѣзни.

Въ Житомірѣ всѣхъ поляковъ едва-ли наберется 12 т. обоего пола, хотя населенія города простирается свыше 38 т. жителей. Вожди патріотовъ хорошо понимали, что манифестаціи ихъ могутъ получить въ глазахъ Европы характеръ сколько нибудь серьезно-политическаго движенія тогда только, когда, по крайней мѣрѣ въ Житомірѣ, на сторонѣ ихъ какъ нибудь наберется значительная толпа; потому что въ Волыни вообще громадное большинство православнаго, южнорусскаго народонаселенія. Увеличить толпу массою жителей взялъ на себя тотъ самый господинъ, съ которымъ мы уже знакомы по разсылкѣ его шляхтѣ повѣстокъ собираться въ городъ на вторую панихиду. Онъ обратился къ житомірскому раввину, съ предложеніемъ соединенія евреевъ съ польскими патріотами, принятія синагогою польскихъ гимновъ, и участія евреевъ во всѣхъ уличныхъ столпленіяхъ. Евреи, народъ разумный (поляку еврея не объѣхать) напрямикъ отказались и отъ уніи съ поляками и отъ всякаго участія въ ихъ манифестаціяхъ, такъ что попытка на унію вельможнаго патріота съ презрѣннымъ для него евреемъ, осталась безплодною. Между тѣмъ въ городѣ стали появляться и новыя лица и новые костюмы, а у нѣкоторыхъ патріотовъ уже и бороды по-

---

былъ принятъ съ распростертыми объятіями, какъ новый Орландо Фуріозо. Similis simili gaudet. Можно бы обрисовать здѣсь еще одну книжную личность въ эту эпоху житомірской бури въ стаканѣ воды; но пусть лучше она сама когда нибудь всплыветъ на показъ. Эта личность имѣла настолько смысла, что не участвовала въ пошлыхъ демонстраціяхъ; но за то для большаго шику, всегда играла роль шляхетскаго героя. Простоту и незатѣйливость южно-русскаго человѣка онъ считалъ себѣ какъ то не къ лицу; то ли дѣло шляхетскій шикъ? Теперь этотъ господинъ ищетъ воздаянія у своихъ патроновъ за усердную службу.

летѣли прочь, какъ прибавленіе, котораго не оказалось на древне-польскихъ физіономіяхъ. Много было также споровъ и о томъ, отпустить ли чубы или нѣтъ; важное это дѣло кончилось тѣмъ однако, что античубисты одержали верхъ, отъ чего, къ сожалѣнію, патріоты и не обрили головъ, а это было бы для нихъ весьма здорово. Какъ мы уже выше сказали, кіевская улица предъ губернаторскимъ домомъ до чудновской площади, сдѣлалась мѣстомъ дневныхъ выставокъ траура, костюмовъ и театральныхъ аффектацій женщинъ патріотокъ, ухарства и грубости мущинъ патріотовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на какіе маскарадные костюмы не наталкивались мы прошлый годъ въ Житомірѣ? Тутъ видѣли мы кракуса, чемерку, венгерку, рейтъ-кнехта, видѣли кунтушъ, конфедерата, блузника, гарибальдійца, помнимъ даже, какъ одна патріотка по нѣсколько разъ мѣняла свои юбки и шляпки: то она являлась на козлахъ съ возжами и бичемъ въ рукахъ, то русалкою съ распущенными волосами, то одалискою съ длинными косами, то краковячкою, то гарибальдисткою, и все это было такъ театрально, такъ сценически эффектно, что мы почти готовы пожалѣть, что миновались эти представленія: польскій патріотизмъ доставлялъ намъ не мало развлеченій, да и за игру уличныхъ сценъ, патріоты денегъ не брали. Нѣкоторые патріоты рѣшились рисоваться даже въ украинскихъ свиткахъ, не понимая того, что для нашего здороваго южно-русскаго смысла—такая комбинація равняется пошлѣйшей безсмыслицѣ и самому наглому безстыдству. Для исконныхъ враговъ южно-русскаго народа вашъ патріотизмъ—совершенно лишній, и мы, пока, просимъ избавить насъ отъ него.

По мѣрѣ того, какъ манифестаціи развивались, жалобы на оскорбленіе русскихъ и невѣжество патріотовъ слышались отвсюду,—полиція получила приказаніе замѣчать болѣе ретивыхъ и горяченькихъ патріотовъ, не допускать сборищъ на улицахъ и сбора денегъ по домамъ. Господину приглашавшему евреевъ къ уніи съ патріотами и другимъ служащимъ лицамъ сдѣланы приличныя внушенія. Кротость этихъ мѣръ, вмѣсто того, чтобы образумить патріотовъ, подала имъ еще большую смѣлость; они уже не упускаютъ ни малѣйшаго случая къ образованію среди дня толпы, а ночью собираться партіями и, вооружась палками, заниматься *муштрою* (военными экзерциціями). Умираетъ ли кто изъ поляковъ, покойникъ тотчасъ объявляется другомъ человѣчества, на столбахъ и заборахъ наклеиваются, разумѣется ночью, афиши, съ

приказаніемъ на похоронахъ такого то непремѣнно быть всѣмъ, и съ предупрежденіемъ, что неявившіеся подвергнутся оскорбленію и наказанію. И вотъ за гробомъ тянется чуть не веревкою толпа, въ ней участвуютъ лица никогда неслыхавшіе о покойникѣ и невидавшіе его. Даже во время процессіи они не могутъ назвать фамилію умершаго. Лица, неучаствующія въ процессіи, останавливаются; одни вербуются въ толпу, другія выслушиваютъ брань и угрозы, или имъ приказываютъ открыть головы, не смотря на то, что масса народа, слѣдующая за гробомъ, не ломаетъ шапокъ. Одновременно съ разыгрываніемъ этихъ сценъ, агитаторы разсѣеваютъ въ городѣ безсмысленныя, но не менѣе того оскорбительныя для русскаго имени—ложь и порицанія. Такъ извѣстныя всѣмъ изъ оффиціальныхъ объявленій, варшавскія событія, постоянно служили патріотамъ темою для сплетень и самой нелѣпой на насъ лжи. Намъ помнится очень живо, съ какою патетикою они, наперерывъ другъ передъ другомъ, разглашали различныя новости изъ Варшавы, каждый разъ или передавая, или толкуя ихъ по своему; говорили, что и александровская цитадель у насъ отнята, что Висла течетъ польскою кровію, а Пруссія намъ объявляетъ войну за то, что трупами поляковъ занесло устье Вислы и прекратилась навигація; шумѣли и о томъ, что Европа апплодируетъ полякамъ, удивляется ихъ стоицизму и тому мужеству, той энергіи и такту, съ какими ведутъ они свое дѣло, а особенно хвалитъ ихъ за глубоко обдуманный планъ манифестацій, которыми они, вызывая Россію къ противудѣйствію, ставятъ ее передъ Европою ни болѣе, ни менѣе, какъ въ положеніе каннибала, что мы, русскіе, уже осуждены и дадимъ отвѣтъ міру за употребленіе оружія противъ безоружныхъ, и за поруганіе обрядовъ католицизма (¹): здѣсь просимъ вспомнить о томъ большомъ крестѣ, который полякомъ же былъ изломанъ на головахъ нашихъ солдатъ на замковой площади въ Варшавѣ, а также и то, что войска разгоняли толпу, не смотря на ксендзовъ съ хоругвями, постоянно бывшихъ въ головѣ толпы и проч. Мы могли бы исписать цѣлые томы, еслибъ повели разсказъ нашъ о всѣхъ толкахъ и сплетняхъ,

(¹) Ужъ не за то ли скорѣе, что защищаютъ свою единовѣрную и единородную южную Русь, гдѣ гг. незванные патріоты, свирѣпствовавшіе когда-то, хотѣли бы и теперь подновить свое ненавистное для насъ былое. *Пр. Ред.*

бравурахъ, самохвальствѣ, лживыхъ порицаніяхъ лицъ, занимающихъ административные посты и т. п, пущенныхъ въ ходъ въ теченіи 1861 г. года вождями и принятыхъ на вѣру навербованною партіею съ изумительнымъ легковѣріемъ, съ непостижимымъ для русской натуры увлеченіемъ. Надъ этими баснями и клеветами мы смѣялись, но намъ тяжко было иногда смотрѣть на то неприличіе и заносчивость, съ какими патріоты относились къ чиновникамъ и полиціи, во время исполненія ими своихъ обязанностей. Мы нерѣдко удивлялись и той неосновательности, и тому поразительному сумбуру идей и понятій этихъ господъ всякій разъ, когда только рѣчь касалась исторіи, международнаго права, или какой другой отрасли политическихъ знаній. Тутъ они обнаруживали упорство до умопомраченія, судили и рядили все вкривь и вкось и, безпрестанно, сбиваясь и путаясь въ соціалистскихъ теоріяхъ о своей шляхетской вольности, приходили къ выводу, что время теперь уже не такое, чтобы правительству легко было прекратить развитіе манифестацій, что имъ извѣстно опредѣленіе Европы — не дозволять Россіи прибѣгать ни къ какимъ энергическимъ мѣрамъ, а тѣмъ паче къ военной силѣ противъ поляковъ, что самое войско, какъ часть народа, не можетъ быть поставлено противъ того же народа (забывши въ пылу своего паѳоса подумать хорошенько, что у насъ, и не было никакой нужды ставать войску противъ народа, какъ чуждаго полякамъ и латинству), и что мы, патріоты, зная затруднительное положеніе Россіи, тогда только прекратимъ и пѣніе гимновъ и уличныя сцены, когда западнымъ губерніямъ будутъ даны законы и права королевства, или проще говоря, когда вы, русскіе сами отречетесь отъ половины своей земли и признаете ее польскою. Вотъ куда хватила неостановленная, несдержанная на первыхъ порахъ распущенность патріотовъ; вотъ она—конечная цѣль манифестацій и домагательства поляковъ, а мы русскіе все хлопочемъ о замиреніи и дружескомъ съ вами сожительствѣ!

(Окончаніе впредь).

— **ЗАМѢТКА О ПРОЭКТѢ КСЕНДЗА ІЕЗУИТА.** (*Окончаніе.*) Мысль эта—уничтожить унію, какъ символъ всего русскаго и православнаго Литвы—глубоко была запрятана и ловко прикрыта великими искусниками скрывать дѣлаем с ближнимъ

зло—іезуитами. Но западно-русскіе православные заставили польское общество обнаружить эту мысль. Съ самаго начала уніи они твердили объ уничтоженіи ея, конечно, не въ смыслѣ іезуитовъ и не ихъ средствами. Но особенно настойчиво они стали добиваться этого съ тридцатыхъ годовъ XVII столѣтія, посредствомъ козаковъ. Польское правительство, понявши сразу свое отчаянное положеніе въ то время, мало по малу само стало допускать эту мысль и осуществлять ее. Вся іезуитская партія неистово поднялась за это на православныхъ и на свое правительство, но она сама невольно, несознательно, скоро остановилась на такихъ соображеніяхъ, которыя быстро разоблачили ея тайную мысль: уничтожить унію. Люди этой партіи, напрягавшіе всѣ свои силы, чтобы защитить уніатовъ отъ козаковъ и отъ собственнаго правительства, пришли къ сознанію, что они великіе благодѣтели уніатовъ и что тѣ никакимъ образомъ не должны забывать этого и не позволять себѣ какъ нибудь заноситься. Такого сознанія трудно было не высказать, особенно въ Польшѣ, и вотъ въ 1643 году оно легло въ основу слѣдующаго постановленія одного провинціальнаго съѣзда, при примасѣ Матвѣѣ Лубинскомъ.

1) Уніаты не должны добиваться правъ латинской іерархіи;

2) Епископы не должны употреблять титула illustrissimi (яснѣйшіе);

3) Не должны носить золотыхъ цѣпей (для архіерейскихъ крестовъ) даже во время службы;

4) Не должны носить монашескаго платья. (Тогда латиняне старались какъ можно выше поднять Базиліанскій орденъ и даже одежду его дѣлали недоступною для свѣтской іерархіи).

5) Не должны учить и дозволять учить, что (уніатскому народу) не слѣдуетъ давать десятину латинскому клиру;

6) Вообще не должны дозволять себѣ ничего, что могло бы служить къ предосужденію законамъ латинскаго духовенства. (Арх. ун. митр. кн. А. № 17)

Но могутъ подумать, что эти частныя постановленія были случайны и не получили никакой силы? А вотъ, посмотримъ, что говорятъ другіе документы.—Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого замѣчательнаго постановленія, именно въ 1649 году, уніаты широко раскрыли глаза по одному случаю.—Извѣстно, что въ Польшѣ было одно очень хорошее обыкно-

веніе, хотя и вынуждавшееся необходимостію; при избраніи каждаго новаго короля затѣвались разныя сдѣлки между враждовавшими партіями, примиренія между ними. Затѣялось тогда, при избраніи Яна Казиміра, примиреніе и между православными и уніатами. Много по этому случаю было хлопотъ уніатамъ, много они потрудились и, казалось, затѣя приближалась къ хорошему для нихъ концу; обдуманы были и почти приняты условія примиренія. Но каково же было изумленіе уніатовъ, когда они увидѣли, что всѣ ихъ хлопоты, усилія разрушаются и кѣмъ же? Латинянами, изъ боязни, что уніаты удалятся отъ латинянъ! Уніаты такъ были возмущены этими подозрѣніями и еще болѣе разными кознями, пущенными при этомъ въ ходъ,—что однажды у папскаго нунція всѣ забылись, зашумѣли и въ одинъ голосъ закричали: a długoż my będziemi w tym rosole! (а долго ли мы будемъ въ этомъ росолѣ! должно быть разумѣлась усиленная опека латинянъ).

Исторія дала на это отвѣтъ: «долго, очень долго, до конца!» Въ 1664 году хелмскій уніатскій епископъ Іаковъ Суша—уніатъ, высоко цѣнимый латинянами, писалъ въ римскую конгрегацію распространенія вѣры—слѣдующее: «Жалобно вопіютъ (conqueruntur) почтенные уніатскіе епископы передъ Богомъ, передъ яснѣйшимъ господиномъ (папскимъ нунціемъ) и передъ святою римскою церковію, жалобно вопіютъ, говорю, пораженные распространившеюся *по всему* отечеству молвою, что нѣкоторые латинскіе епископы хлопочутъ у святаго сѣдалища (у папы) объ уничтоженіи насъ, епископовъ,» (— 16), т. е. объ уничтоженіи высшей уніатской іерархіи и подчиненіи уніатовъ высшей латинской іерархіи. При этомъ документѣ приложенъ и другой небольшой трактатъ о законности этого дѣла, на основаніи выписаннаго нами постановленія провинціальнаго (1643 г.), на основаніи буллы Пія IV о подчиненіи латинскимъ епископамъ и аббатамъ восточныхъ христіанъ уніатовъ, и наконецъ, на основаніи просто безполезности и неумѣстности существованія уніатской іерархіи, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть латинская іерархія, какъ напримѣръ въ Варшавѣ (тамъ же указанный выше № 17). Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ трактатъ имѣлъ связь и съ хлопотами нѣкоторыхъ латинскихъ епископовъ объ уничтоженіи высшей іерархіи уніатской (т. е. онъ былъ представленъ папѣ) и съ жалобою Суши.

Но этого мало: новый, найденный нами въ тѣхъ же

книгахъ, памятникъ, открываетъ намъ още нѣчто большее и показываетъ всю серьезность опасеній уніатовъ. Въ этомъ новомъ памятникѣ отъ имени хелмскаго епископа, по всей вѣроятности того же Суши, разсказываютъ такія вещи: «уніаты давно бы торжествовали надъ схизматиками, еслибы не встрѣчали препятствій какъ со стороны свѣтскихъ, такъ и духовныхъ латинянъ, которые чаще и чаще твердятъ: что уніаты съ схизматиками одинъ и тотъ же діаволъ (unitos eundem diabolum esse cum schismaticis),—кормятъ въ своихъ имѣніяхъ схизматическихъ священниковъ изъ-за доходовъ отъ нихъ —какъ симоніи (т. е. изъ-за поборовъ съ нихъ за мѣсто и за отправленіе требъ православныхъ); затрудняютъ юрисдикцію уніатскихъ епископовъ, обременяютъ уніятскихъ священниковъ разнаго рода услуженіями и по мѣстамъ даже работами, угнетаютъ уніатовъ, если тѣ прибѣгаютъ къ правосудію, показываютъ больше благоволенія схизматикамъ, чѣмъ уніатамъ, срамятъ (уніатовъ) укоризнами, поражаютъ ихъ то похищеніемъ имѣній, то обращеніемъ церквей ихъ въ латинскія или схизматическія. Пусть же наконецъ заслужатъ какого нибудь вниманія—эти столь обширныя уніатскія епархіи, этотъ столь многочисленный народъ (уніатскій), эти столь огромныя области уніатовъ, столь многолюдные города и мѣстечки, столь частые приходы, въ которыхъ можемъ насчитать многія тысячи людей (уніатовъ), пусть заслужитъ какого нибудь вниманія то, что все это не безъ труда обошлось уніатамъ. Если бы Рѣчь Посполитая или церковь когда нибудь пожелали насъ уничтожить, какъ нѣкогда мы думали,—теперь мы этого не думаемъ, потому что знаемъ, какую любовь показала намъ святая матерь наша церковь (римская), потому что, какъ сообщилъ намъ теперь преосвященнѣйшій кардиналъ, а прежде апостольскій нунцій въ Польшѣ Видавій,—она желала (только то!) выкупить всѣ наши имѣнія (похищенныя козаками), заплативъ козакамъ соотвѣтствующую сумму денегъ, объ чемъ было приказано настоящему епископу хелмскому писать къ новѣйшему вождю козаковъ, Тетерѣ, какъ его знакомому и нѣкогда ученику,—еслибы, говорю, по какому нибудь случаю мы осуждены были на уничтоженіе, то ....» (это было бы вредно Рѣчи Посполитой и т. п.). (Кн, А. № 49).—Замѣчательно, что весь этотъ памятникъ—выписка изъ документовъ архива римской конгрегаціи распространенія, сдѣланная въ 1754 г. для уніатской іерерхіи изъ книги № 32 стр. 87 и засвидѣтельствованная печатью архива

конгрегаціи и подписью архиваріуса Доминика Боіарди.—Понятное дѣло, что въ 1754 году эта выписка не даромъ была, потому что была въ ходу тоже мысль уничтожить унію, съ тою только разницею, что уніаты теперь—въ XVIII столѣтіи, съ большею смѣлостію отбивались отъ латинянъ,—и чему, конечно, многіе рѣшительно не захотятъ вѣрить,—употребляли очень энергичныя мѣры къ тому, чтобы очистить унію отъ наростовъ латинства и сблизить ее съ православіемъ. И это не наши произвольныя слова, а ясный голосъ самихъ уніатовъ того времени, выразившійся въ очень многихъ памятникахъ.

М. Кояловичъ.

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ ВЪ КІЕВѢ, ВЪ ДЕНЬ СВ. ВЛАДИМІРА.

(*15 іюля*).

Повторилось и въ нынѣшнемъ году торжество прошлогоднее и еще съ большимъ блескомъ: крестный ходъ къ крещальному памятнику св. Владиміра, на сей разъ обновленному, въ первобытной красотѣ своей, общественнымъ усердіемъ гражданъ кіевскихъ и нѣкоторыхъ доброхотныхъ дателей.— Величественное зрѣлище сіе было достойно Кіева и древней его святыни, и здѣсь во всей полнотѣ представилось церковное значеніе матери нашихъ градовъ, обиліе духовнаго ея богатства въ предносимыхъ чудотворныхъ иконахъ и многочисленности священнаго клира, при вѣяніи безчисленныхъ хоругвей, сихъ побѣдныхъ знаменъ воинствующей церкви Господа силъ. Горы кіевскія, которымъ нѣкогда предсказалъ апостолъ благодать Божію, покрыты были народомъ, уже воспріявшимъ сію благодать; густыя толпы его благоговѣйно спускались въ глубокую юдоль къ источнику, и всѣ окраины овраговъ унизаны были живою плетеницею самыхъ яркихъ красокъ: все это стремилось къ водамъ, какъ бы на зовъ Равноапостольнаго. И при этомъ всенародномъ стремленіи глубокая царствовала тишина, такъ что ясно слышны были гимны, воспѣваемые въ честь просвѣтителей Руси. Здѣсь, въ этомъ церковномъ торжествѣ, вѣрнѣе и чище всякихъ политическихъ возгласовъ, выразилось исконное русское православіе Кіева и невольно вырывалось изъ устъ неодолимое

сознаніе, что Кіевъ можетъ быть только сердцемъ Руси и ничѣмъ инымъ.—

Много воспоминаній отечественныхъ и церковныхъ соединилось въ одинъ этотъ радостный день, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и днемъ воскреснымъ Церковь совершала память шести вселенскихъ соборовъ, утвердившихъ ея православіе на незыблемомъ основаніи, праздникъ св. Ольги, случившійся въ теченіе недѣли, отнесенъ былъ, по новому порядку, къ тому же воскресному дню,—и такимъ образомъ вмѣстѣ совершалась память равноапостольныхъ бабки и внука. Было сверхъ того и отечественное торжество, по случаю рожденія великаго князя Вячеслава Константиновича, который присовокупилъ именемъ своего ангела, просвѣтителя славянъ западныхъ, къ именамъ нашихъ родныхъ просвѣтителей. Повсемѣстный звонъ колоколовъ въ продолженіе цѣлаго дня придавалъ ему особенное торжество.

В. Митрополиту угодно было ознаменовать этотъ день заложеніемъ храма въ честь св. Владиміра, который давно уже предполагалось соорудить на новыхъ мѣстахъ, близь Университета. Мѣсто сіе было избрано еще праведнымъ старцемъ, митрополитомъ Филаретомъ, оставившимъ по себѣ столь благую память въ Кіевѣ. Но онъ не успѣлъ положить первый камень величественнаго собора, который хотѣлъ воздвигнуть по обновленному образцу древней св Софіи. Обстоятельства измѣнились, и доброе намѣреніе отлагалось съ году на годъ; измѣнены были самые размѣры громаднаго зданія, по недостатку средствъ; и вотъ нынѣшнему митрополиту, преосвященному Арсенію, возобновившему крестный ходъ на крещальню св. Владиміра, послѣ долголѣтняго ея запустѣнія, суждено было привести въ исполненіе давнее желаніе двухъ своихъ предмѣстниковъ и всѣхъ кіевлянъ православныхъ.

Послѣ Божественной Литургіи въ Десятинной церкви, обновленной недавно усердіемъ царскимъ, двинулся крестный ходъ, отъ гроба равноапостольнаго князя, сперва на крещальный кладезь. Митрополитъ шелъ со крестомъ, во главѣ всѣхъ священнослужителей стараго Кіева, которые несли святыню софійскую и чудотворныя иконы ближайшихъ церквей. Предъ вратами златоверхой обители встрѣтилъ его викарный епископъ, преосвященный Серафимъ, со всею братіею михайловскою. Умноженный ею ходъ спустился къ фонтану, у царскаго сада, и тамъ соединился съ нимъ еще одинъ крестный ходъ, предводимый намѣстникомъ Лавры съ мно-

сочисленнымъ ликомъ ея иноковъ и клиромъ церквей печерскихъ. Когда же они спустились въ долину, къ источнику св. Владиміра, тамъ, на обширной терассѣ, вновь устроенной около памятника, ожидалъ еще одинъ крестный ходъ всѣхъ подольскихъ церквей, съ чудотворною иконою братскія Божія Матери; такимъ образомъ три величественные хода, тройственными гимнами, слились воедино у священнаго источника.

Самый памятникъ, какъ фениксъ возродившійся изъ своего пепла, въ обновленной красѣ утѣшительно представился взорамъ идущихъ къ нему со всею святынею Кіева; ярко сіялъ въ лучахъ солнца на темной синевѣ Днѣпра, бѣлый одинокій столпъ, увѣнчанный золотымъ крестомъ надъ легкимъ куполомъ, который имѣетъ видъ крещальной чаши. Рѣзко отличается бѣлизна колонны отъ темной, какъ бы гранитной арки, на которой она такъ легко поставлена, а подъ аркою самая часовня, и внутри ея источникъ, гдѣ крестилъ св. Владиміръ двѣнадцать своихъ сыновей и знатнѣйшихъ бояръ кіевскихъ; чистая вода струится изъ вѣтвей креста въ чашу надъ устьемъ крещальнаго кладезя. Двѣ великолѣпныя иконы равноапостольныхъ, которыя пожертвовала Лавра, уже поставлены на двухъ столбахъ часовни и вся она постепенно украсится подобными иконами столь же дорогого письма.

Замѣчателенъ ликъ св Ольги: по преданію, это есть вѣрное ея изображеніе съ древняго списка, подлинникъ котораго писанъ въ Цареградѣ, послѣ ея крещенія, живописцемъ императора Константина Багрянороднаго, и хранится въ родѣ Князей Бѣлосельскихъ. Греческими письменами начертано на иконѣ: *ἡ τῶν γένους ρῶς δεσῶηνα, ἐπδιησε Γρηγορως ὁ ξογραφὸς Κονςταντὶνου τῶν πορφηρογενήτου*, (сія есть владычица племени руссовъ, писалъ Григорій, живописецъ Константина Багрянороднаго). Тутъ будутъ и лики, родственныхъ ей святыхъ—страстотерпцевъ русскихъ, Бориса и Глѣба, Игоря, Михаила Черниговскаго, княжившаго въ Кіевѣ при разореніи монгольскомъ; тутъ и святители Кіева—Михаилъ и священномученикъ Макарій, - и преподобные печерскіе Антоній и Θеодосій, —и Сергій отецъ иночества на сѣверѣ Россіи,—и великій Арсеній, держава безмолвія, какъ ангелъ нынѣшняго владыки, при коемъ обновился священный памятникъ. Святитель Николай, избранный воевода и покровитель земли русской, великомученица Варвара, украсившая Кіевъ своими мощами,—первозванный Апостолъ, предвозвѣстившій благодатную его славу, и великій Предтеча Господень, станутъ также въ ликахъ святыхъ, расположенные кресто-

образно на стѣнахъ часовни. Небо ангельское и земное, небо преподобныхъ украсятъ ея своды, вмѣстѣ съ четырьмя изображеніями чудотворныхъ иконъ Божіей Матери: нерушимой стѣны Софійской, Успенія, что надъ царскими вратами Лавры, и двухъ образовъ св. Софіи кіевскаго и новгородскаго. Въ самомъ куполѣ Господь Вседержитель въ сонмѣ ангеловъ; въ рукѣ его Евангеліе отверстое, надъ самимъ устьемъ крещальнаго кладезя, съ такими словами св. Ев. Марка: иже аще вѣру иметъ и крестится. спасенъ будетъ — Такъ одна мысль о благодатномъ крещеніи и память всѣхъ угодниковъ Божіихъ, прославленныхъ въ Кіевѣ, наполнятъ собою священную часовню, и дадутъ ей символическое значеніе о духовномъ обновленіи земли русской.

Пусть красуется нѣкогда великій Новгородъ новымъ своимъ памятникомъ тысячелѣтія Руси, который мысленно возводитъ насъ еще къ языческимъ ея временамъ, по слову лѣтописца Нестора „откуда пошла земля русская.“ Древняя матерь городовъ нашихъ, стряхнувъ съ себя прахъ своихъ развалинъ, утѣшительнѣе напомнитъ намъ эпоху духовнаго возрожденія нашего, и этотъ скромный крещальный памятникъ Равноапостольнаго послужитъ свидѣтельствомъ 900 лѣтняго христіанства Руси, которая съ того только времени и получила свою самобытность. Въ Новгородѣ будутъ съ изумленіемъ смотрѣть на благолѣпныя изваянія роскошнаго памятника, гдѣ вся наша исторія представлена въ лицахъ, и великіе ея дѣятели обозначаютъ собою различныя грани сей тысячелѣтней славной лѣтописи, которой начальный свитокъ въ рукахъ мудраго Нестора. Здѣсь же въ смиренномъ Кіевѣ, иной Несторъ, глаголемый некнижный, почіющій также въ пещерахъ, не словомъ лѣтописца, но духомъ молитвы повлечетъ благоговѣйныхъ чтителей священной старины, къ бывшему устью Почайны, откуда дѣйствительно пошла земля русская, возрожденная въ этомъ Іорданѣ. Мимо всѣхъ событій минувшаго, каждый чувствуетъ тутъ духовное родство свое съ просвѣтителемъ Руси, по внутреннему сознанію своего христіанства,—ибо это все духовныя его дѣти, которыхъ далъ ему Богъ, по слову псаломному, какъ и тѣ двѣнадцать сыновей, которыхъ онъ крестилъ въ этой купели. Собственное его исцѣленіе отъ слѣпоты не только духовной, но и тѣлесной, въ водахъ крещенія, освятило давнимъ преданіемъ и сію купель, что здѣсь болящіе глазами получаютъ прозрѣніе, если только умоются въ водахъ источ-

ника до восхожденія солнца. Благоговѣйное чувство къ сему кладезю, переходящее безотчетно отъ отцевъ къ дѣтямъ, безчисленными стопами богомольцевъ пробило девятисотлѣтнюю стезю въ горахъ кіевскихъ на источникъ Владиміровъ;—сюда текутъ волны народныя, не считая годовъ и столѣтій, мимо протекшихъ со всѣми ихъ бурями и многое стершихъ съ лица земли,—ибо у Господа день единъ какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ какъ единый день, символъ же христіанства —вѣчность, безъ различія временъ.

Отъ источника поднялись всѣ три крестные хода: старокіевскій, печерскій, и подольскій на возвышенную террасу, гдѣ стоитъ иной, гражданскій памятникъ св. Владиміру—громадное бронзовое его изваяніе на высокомъ пьедесталѣ, господствующее надъ долиною Крещатика, бывшимъ устьемъ Почайны и привольнымъ теченіемъ Днѣпра. Большой крестъ въ рукахъ Равноапостольнаго, а у подножія изображена картина крещенія Руси. Толпа народа обступила памятникъ, какъ бы пріютившись подъ сѣнь его креста; около него торжественно двигались по окраинѣ горы побѣдныя хоругви многочисленнаго клира. Митрополитъ поднялся на чугунныя ступени, окропилъ памятникъ и съ высоты ихъ осѣнилъ крестомъ во всѣ стороны, какъ бы отъ лица Равноапостольнаго, исполняя то, что и самъ онъ готовъ бы былъ сдѣлать въ сію радостную минуту. И воды и горы кіевскія—все будто бы отозвалось осѣняющему ихъ пастырю. Это было самое торжественное благословеніе, какое можно себѣ вообразить въ столь великолѣпной рамѣ, вполнѣ достойное того именитаго *urbi et orbi*, которымъ хвалится Римъ.

Оттуда двинулся общій ходъ по зеленой террасѣ, подъ сѣнію тополей, на вершину горы, къ обители Михайловской, по новой дорогѣ, для него прокопанной въ углубленіи горы, и направился мимо собора Софійскаго, прямо къ тому мѣсту, гдѣ должна была совершиться закладка храма. Проходя мимо памятника св. Ирины, который поставленъ надъ развалинами ея церкви, митрополитъ остановился, обошелъ кругомъ колонну и окропилъ ее святою водою; потомъ, въ виду древнихъ златыхъ воротъ Ярослава, осѣнилъ издали сей торжественный входъ великихъ князей русскихъ, Ольговичей и Мономаховичей въ ихъ столицу, которую оспоривали другъ у друга. Златыми вратами окончилась лѣтописная мѣстность Стараго Кіева, и начались, такъ называемыя новыя мѣста, надъ коими господствуетъ университетъ св. Владиміра. Не

доходя его, на обширной площади, избрано мѣсто для новаго храма Равноапостольному, и тутъ совершилась торжественная закладка, въ присутствіи всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей Кіева. Митрополитъ заключилъ священный обрядъ назидательнымъ словомъ, напомнивъ намъ, новому Израилю, судьбы стараго, чтобы мы не превозносились посреди нашего величія, а смиренно сознавали свое недостоинство, усердіемъ къ церкви выражая любовь свою къ Богу.

День спустя, еще одно церковное торжество совершилось въ близь-лежащемъ Вышгородѣ, бывшемъ селѣ Ольгиномъ, которое всегда было удѣломъ наслѣдника велико княжескаго престола, и гдѣ, до разоренія монгольскаго, открыто почивали мощи св. князей Бориса и Глѣба. Тамъ усердіе мѣстнаго священника, въ весьма скорое время хотя и съ весьма скудными средствами, соорудило каменную церковь во имя св. Страстотерпцевъ, вмѣсто убогой деревяной, приходившей въ ветхость. Новое зданіе поставлено отчасти на старомъ фундаментѣ великолѣпнаго храма Мономахова, который стерла съ лица земли буря монгольская; но утѣшительно было видѣть хотя и небольшую церковь каменную на этомъ священномъ мѣстѣ, которое господствуетъ надъ всею долиною днѣпровскою и далеко видно изъ Кіева. Неутомимый архипастырь, какъ бы забывъ трудный свой подвигъ въ день св Владиміра, съ обновленными силами явился на освященіе храма сыновей Равноапостольнаго, которыхъ купель только-что обновилъ въ долинѣ Крещатика.

И на слѣдующій день продолжалъ онъ святительскій свой подвигъ, спустившись съ Вышгорода въ Межигорье, гдѣ совершилъ св. Литургію въ храмѣ Преображенія, бывшей знаменитой обители, которой запустѣнія нельзя видѣть равнодушно. Уже обновилась святогорская, опустошенная тою же рукою таврическаго князя; неужели же не обновится и межигорская, которая создана для безмолвія иноческаго въ своихъ глубокихъ удоліяхъ и роскошныхъ садахъ, нынѣ уже заглохшихъ, на красныхъ берегахъ Днѣпра? Отрадно было видѣть благолѣпное служеніе митрополита въ величественномъ храмѣ, который сооружалъ патріархъ нашъ Іоакимъ, бывшій послушникомъ межигорскимъ. Оно мысленно переносило насъ къ лучшимъ временамъ сей древней обители, которой имя было такъ громко во всѣхъ предѣлахъ Южной Россіи.

О ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Въ газетахъ было уже публиковано о быстромъ распространеніи грамотности въ простомъ народѣ кіевской епархіи. Почитаемъ нелишнимъ помѣстить свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ въ современной жизни русскаго народа явленіи и въ журналѣ, предпринявшемъ знакомить публику съ состояніемъ западнаго края Россіи. Извѣстно, что инниціатива открытія приходскихъ школъ при всѣхъ церквахъ епархіи принадлежитъ кіевскому духовному начальству. Первоначальная мысль объ этомъ возникла у, бывшаго кіевскимъ высокопреосвящ. митрополитомъ, Исидора, при обозрѣніи имъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1859 года, епархіи. По возвращеніи въ Кіевъ, 31 Августа, онъ далъ предложеніе кіевской консисторіи, слѣдующаго содержанія: «Принимая во вниманіе настоящее состояніе Россіи, стремящейся къ образованію, я нахожу нужнымъ, чтобы сельское духовенство не было чуждо сего общаго движенія, и *по возможности* старалось бы содѣйствовать, въ сельскихъ обществахъ, распространенію полезныхъ знаній. Для сего предлагаю консисторіи распорядиться: 1) чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ еще не заведены училища ([1]), были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыхъ не будетъ устроено со стороны сельскаго общества; 3) чтобы въ школахъ сихъ учили чтенію и письму, и преподавали Законъ Божій примѣнительно къ понятіямъ сельскихъ дѣтей. Ревностнѣйшіе изъ священниковъ въ исполненіи сего долга, будутъ отличаемы особыми наградами О тѣхъ священникахъ, которые окажутъ въ семъ дѣлѣ особенное усердіе и дѣятельность, благочинные имѣютъ доносить мнѣ съ подробнымъ изъясненіемъ, гдѣ, когда и кѣмъ заведено училище, сколько въ немъ учащихся, чему и какъ обучаютъ и проч.» Консисторія исполнила свое дѣло, разославъ, въ Сентябрѣ, указы, съ прописаніемъ предложенія митрополита подвѣдомому духовенству. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что вслѣдъ за симъ поступило отъ главнаго начальника края, князя И. И Васильчикова, на имя митрополита, отношеніе,

---

([1]) Разумѣются училища, открытыя еще въ 40-хъ годахъ, по распоряженію начальства, но къ этому времени сохранившіяся въ немногихъ только мѣстностяхъ.

съ предложеніемъ того, что уже было сдѣлано епархіальнымъ начальствомъ Ясно было, что мысль объ образованіи народа была благовременная, и, такъ сказать, насущная, возникнувъ одновременно, на одной и той же мѣстности, въ двухъ главныхъ вѣдомствахъ—духовномъ и гражданскомъ. Отлагать рѣшеніе этого важнаго вопроса уже нельзя было, тѣмъ более, что приближавшееся освобожденіе крестьянъ отъ зависимости помѣщиковъ устраняло главное препятствіе этому дѣлу. Но распоряженіе епархіальнаго начальства было только толчкомъ движенія, которое, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, требовало важныхъ жертвъ, распорядительности и благоразумія со стороны самаго сельскаго духовенства. Начальство, имѣвшее болѣе возможности слѣдить за ходомъ событій внутри отечества, только подмѣтило моментъ, въ который нашло благовременнымъ указать на неотложную необходимость заняться образованіемъ простаго народа на всемъ пространствѣ епархіи; но не имѣя въ распоряженіи своемъ матеріальныхъ средствъ, оно должно было оговорить свое воззваніе словомъ: «по возможности.» Духовенство поняло намѣренія своего начальства и поспѣшило отвѣтить на призывъ его безкорыстнымъ личнымъ трудомъ, своими помѣщеніями и даже устройствомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на собственныя средства, особыхъ училищныхъ домовъ, съ принадлежностями къ онымъ. Ясно было, что оно дѣйствовало не по приказанію, а по собственному усердію, вызванному только объявленіемъ начальства о благовременности заявить это усердіе ([1]). Г. начальникъ края ассигновалъ, въ распоряженіе епархіальнаго на-

---

([1]) Надобно удивляться, изъ за чего горячились нѣкоторые журнальные и газетные гуманисты, находившіе въ распоряженіи кіевскаго епархіальнаго начальства *приказъ* въ такомъ дѣлѣ, которое должно было зависѣть только отъ свободнаго, по ихъ мнѣнію, желанія духовенства и народа. Можемъ сказать положительно, что въ желаніи духовенства нельзя было и сомнѣваться, но оно не смѣло начать, безъ распоряженія начальства, изъ опасенія накликать, за свое усердіе, кучу непріятностей со стороны помѣщиковъ, которые рѣшительно не желали образованія народа, особенно духовенствомъ. О свободномъ заявленіи со стороны народа о желаніи своемъ учиться, какъ того желали гуманисты, очевидно не можетъ быть и рѣчи. Какія же могутъ быть свободныя заявленія тамъ, гдѣ за подобныя заявленія ожидаетъ усиленіе гнета? А желало ли дѣйствительно духовенство и народъ, показали послѣдствія.

чальства, 500 руб. сер. для покупки и разсылки букварей,— и дѣло обученія простаго народа начато было такъ дружно, что въ одномъ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, мѣстнымъ образованнымъ священникомъ, почти сразу открыто было 3 училища. Понятно, что о единствѣ методы обученія на всемъ пространствѣ, гдѣ открывались школы, не могло быть, на первыхъ порахъ, и рѣчи. Начали учить азбукѣ по букварямъ, одобреннымъ св. Сvнодомъ, письму, чтенію по часослову и псалтырю, между прочемъ и потому, что эти книги находились подъ рукою въ каждой приходской церкви, молитвамъ утреннимъ и вечернимъ наизустъ; по выучкѣ чтенія, разсказывали о замѣчательнѣйшихъ лицахъ и событіяхъ изъ ветхо-завѣтной исторіи и сообщали краткія катихизическія свѣдѣнія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начали появляться на клиросѣ чтецы изъ поселянскихъ дѣтей, и даже образовываться хоры пѣвцовъ церковныхъ. Народъ видимо былъ доволенъ усердіемъ духовенства, тѣмъ болѣе, что отъ него не требовалось почти никакихъ матеріальныхъ жертвъ, и дѣти не отрывались даже отъ полевыхъ работъ, такъ какъ обученіе производилось съ Октября по Апрѣль мѣсяцъ.

Болѣе правильное и стройное развитіе новонасажденію кіевскаго духовенства далъ, прибывшій въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1860 года, на паству кіевскую, новый архипастырь ея, митрополитъ Арсеній, положившій и въ прежнемъ мѣстѣ своего служенія, въ волынской епархіи, твердое начало дѣлу народнаго образованія. Съ свойственнымъ ему административнымъ тактомъ и энергіею, онъ сразу занялся организованіемъ учрежденія, такъ благовременно и благоуспѣшно насажденнаго предмѣстникомъ его на почвѣ кіевской паствы. Въ консисторіи открыта особая училищная экспедиція, съ порученіемъ завѣдыванія оною двумъ наличнымъ членамъ консисторіи: каѳедральному протоіерею и ключарю собора; въ епархіи назначены, изъ образованнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ священниковъ, наблюдатели школъ, коимъ дана была нарочито составленная инструкція, со вмѣненіемъ въ обязанность возбуждать, пастырскими внушеніями, духовенство и народъ къ открытію училищъ, гдѣ таковыя еще не были открыты, наблюдать за преподаваніемъ въ школахъ, пріискивать, совмѣстно съ приходскими священниками и народомъ, нужныя матеріальныя для училищъ средства, и о результатѣ своихъ дѣйствій доносить, въ опредѣленныя времена, епархіальному начальству. Мѣры эти, будучи сопровождаемы поощреніями и наградами, со сто-

роны архипастыря, ревностнѣйшимъ, и внушеніями не вполнѣ ревностнымъ преподавателямъ, быстро подвинули дѣло обученія. Работа закипѣла,—и уже въ началѣ 1861 года мало оказалось мѣстностей, гдѣ еще не были заведены училища, да и то, по большей части, не по недостатку усердія приходскихъ священниковъ. Предметы обученія были тѣ же, съ присовокупленіемъ рукодѣлій, коимъ начали обучать дѣвочекъ просфирни, или жены и дочери священниковъ и причта. Методъ обученія зависѣлъ отъ приходскихъ священниковъ, по соглашеніи съ наблюдателями школъ. Занимались дѣломъ обученія какъ священники, такъ и причты ихъ съ женами, сыновьями и дочерьми. Цифры учащихся начали быстро увеличиваться, изъ десятковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, возрасли до сотень ([1]). Святѣйшій Сунодъ отдалъ должное подвигу кіевскаго архипастыря и духовенству его, изъявивъ благодарность, и распорядившись о напечатаніи оной въ газетахъ и журналахъ. Обратилъ особенное вниманіе и Государь Императоръ, и, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ настоящаго 1862 года, чрезъ оберъ-прокурора св. сунода, объявлена была Высочайшая благодарность кіевскому митрополиту и духовенству за успѣшный ходъ образованія народнаго. Примѣтила это замѣчательное явленіе и свѣтская литература, но, странное дѣло, оно какъ будто не по нутру ей было. Не имѣя мужества говорить прямо и открыто противъ того, что говорило само за себя, она то заподозрѣвала крупныя цифры учащихся, считая ихъ существующими на бумагѣ, а не на дѣлѣ (Сынъ Отеч. 1862 г. № 161); то глумилась, въ тонкихъ намекахъ, или въ открытыхъ порицаніяхъ, надъ обязательностію, какую возложило по этому дѣлу епархіальное начальство на подвѣдомое ему духовенство, упуствъ изъ виду, что обученіе народа, по заповѣди самаго

([1]) Нельзя не упомянуть объ одной важной мѣрѣ, иниціатива коей принадлежитъ также кіевскому духовенству. Разумѣемъ благочинническія библіотеки, которыя начали заводиться въ 1861 году, и постепенно распространялись по всей епархіи. Какъ предусмотрительно было и въ тоже время, какъ серьезно поняло духовенство дѣло народнаго образованія, придумавъ и осуществляя исподволь эту мѣру, говорить много нѣтъ нужды. Мы упомянули объ этомъ только въ подстрочномъ примѣчаніи потому, что готовимъ особую статью.

Спасителя, составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ обязанностей церкви, а слѣд. даетъ полномочіе начальству употреблять зависящія отъ него мѣры къ побужденію исполнять эту обязанность, примѣнительно къ обстоятельствамъ времени и мѣстности; то намѣренно умалчивала о явленіи, которое, по особенной важности своей и живому отношенію къ современной жизни русскаго народа, казалось бы, должно было обратить серьезное вниманіе литературныхъ органовъ общественной дѣятельности (¹). Чему приписать это явное несочувствіе свѣтской литературы подвигу духовенства? Тому ли, что это дѣло лицъ не ея прихода? Или же она не ожидаетъ особенной для себя пользы, а слѣдовательно и не находитъ нужнымъ поддерживать образованіе, получаемое народомъ изъ нѣдръ церкви? Въ обоихъ случаяхъ грустно за общество, во главѣ коего успѣли стать подобные руководители (²)... Впрочемъ, само собою разумѣется, что всякой воленъ смотрѣть на вещи какъ ему заблагоразсудится; а духовенство, не находя поддержки своимъ добрымъ, безкорыстнымъ, и даже сопряженнымъ съ немалыми, собственными жертвами, стремленіямъ, въ лицахъ, назвавшихъ себя передовыми общества, будетъ, во все продолженіе успѣшно начатаго дѣла, воодушевляться мыслію, что оно исполняетъ существеннѣйшій долгъ своего званія, заповѣданный ему положительно заповѣдію Христа Спасителя, въ торжественно-важныхъ словахъ: *шедше научите вся языки;* да и самъ народъ, надѣемся, не раскается, если Богъ удостоитъ его пожать отъ посѣва, совершеннаго и совершаемаго освященными руками.

Что же сдѣлало вообще православное духовенство кіевской епархіи по дѣлу народнаго образованія съ 1859 года, т. е., со времени открытія церковно-приходскихъ школъ?

(¹) Пишущій эти строки послалъ, въ Февралѣ, помнится, мѣсяцѣ, 1861 года, небольшую статейку о состояніи кіевскихъ церковно-приходскихъ школъ, съ оффиціальными статистическими свѣдѣніями, въ редакцію Сѣверной Пчелы, но статья эта не была напечатана, и, какъ думается, не по независѣвшимъ отъ редакціи причинамъ.

(²) Долгъ справедливости требуетъ сказать, что въ Современной Лѣтописи (№ 25, 1862 г.) г. Анненковъ дерзнулъ написать о церковно-приходскихъ школахъ кіевской епархіи безпристрастный и благонамѣренный отзывъ, который съ удовольствіемъ перепечатанъ и въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, въ № 14.

Въ отвѣтъ на вопросъ этотъ выписываемъ, буква въ букву, изъ послѣдней вѣдомости, ежемѣсячно посылаемой кіевскимъ епархіальнымъ начальствомъ Св Сvноду, для Государя Императора: 1) Число училищъ 1,364; 2) число учащихся: а) муж. 24,822, жен. 6,905. 3) Кѣмъ открыты училища? 1337 священно и церковнослужителями; 10 владѣльцами, 5 палатою государственныхъ имуществъ и 7 начальствомъ кіевско-подольскаго населенія. 4) Гдѣ помѣщались училища, въ домахъ ли священнослужителей, или прихожанъ? 1011 священнослужительскихъ, 254 прихожанъ, 45 владѣльцевъ, 25 церковныхъ, 14 палаты государственныхъ имуществъ, 9 отъ начальства кіевско-подольскаго поселенія и 6 въ подаренныхъ. Къ этимъ оффиціальнымъ цифрамъ, по моему мнѣнію, не нужны особенныя комментаріи. И, однако же, нашлись невѣрующіе имъ. Богъ вѣдаетъ, на основаніи какихъ данныхъ Сынъ Отечества назвалъ эти цифры существующими на бумагѣ только. Ужели же православное духовенство такъ гласно обманываетъ Государя своего?... Пишущій эти строки сопровождалъ, въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ прошлаго 1861 года, кіевскаго митрополита Арсенія, при оообзрѣніи имъ епархіи, и можетъ удостовѣрить невѣрующихъ, что церковно-приходскія школы въ 300 слишкомъ обозрѣнныхъ церквахъ дѣйствительно существуютъ, и духовенство сдѣлало въ нихъ столько, сколько можно было сдѣлать въ небольшой періодъ времени. Архипастырь обращалъ особенное вниманіе на это дѣло, посвящая не мало времени на испытаніе учащихся поселянскихъ дѣтей, отвѣты коихъ вообще оказались столько удовлетворительными, что, по возвращеніи въ Кіевъ, онъ нашелъ справедливымъ, въ особомъ предложеніи, данномъ консисторіи и опубликованномъ чрезъ Епархіальныя Вѣдомости, изъявить искреннюю благодарность духовенству за усердіе, труды, матеріальныя пожертвованія и успѣхи по образованію народа. Ужели же и это обманъ и маскировка?. Но для какой же цѣли?... По испытаніи оказалось, что большинство еще училось читать, заучивая въ тоже время наизусть нужнѣйшія для христіанина молитвы; выучившіеся чтенію читали бойко и твердо; многіе писали довольно хорошо. По катихизису и священной исторіи испытываемы были тѣ, которые учились уже въ два пріема (подъ пріемомъ разумѣется зимній сезонъ, въ который только и занимались съ дѣтьми), и отвѣты ихъ были довольно разумны, и вообще удовлетворительны, особенно поражали бойкостію

и непринужденностію отвѣтовъ многія дѣвочки. Да и вообще замѣчено было, что дѣти относились къ архипастырю свободно и безбоязненно, и не рѣдко съ такою малороссійскою наивностію, что на устахъ маститаго архипастыря невольно появлялась улыбка удовольствія. Оказавшимъ лучшіе успѣхи тутъ же раздаваемы были кипарисные крестики,—и надобно было видѣть радость, съ какою принимаемы были дѣтьми эти знаки пастырскаго благословенія и вниманія къ трудамъ ихъ. Самые родители и родственники дѣтей нерѣдко плакали при этомъ отъ умиленія. Нельзя не упомянуть еще, что въ большей части обозрѣнныхъ церквей встрѣчали митрополита въ церкви хоры пѣвцовъ изъ тѣхъ же поселянскихъ дѣтей, а въ одномъ селеніи подобный хоръ пѣлъ праздничные тропари съ канонархомъ. Духовенство, воспользовавшись такою охотою дѣтей къ пѣнію церковному, имѣло намѣреніе приготовить ихъ, во всѣхъ селахъ, къ пѣнію на пасхальной заутрени извѣстнаго своею торжественностію Воскресенскаго, сочиненнаго Дамаскинымъ, канона. Не знаю, удалось ли имъ это намѣреніе. Но воображаю, что почувствовали бы поселяне въ настоящее время своего общественнаго воскресенія, прослушавши изъ устъ дѣтей своихъ хвалебныя пѣсни Воскресшему Господу—Начальному Источнику всякой истинной свободы, въ величайшій и радостнѣйшій день для всѣхъ христіанъ.—По истеченіи года, конечно, сдѣлано больше, чѣмъ то, чему я былъ свидѣтелемъ. А что именно сдѣлано выписываю, на выдержку, отчетъ благочиннаго кіево-подольскихъ церквей, поданный имъ преосвящ. митрополиту, по случаю произведеннаго имъ экзамена, 1-го Іюня сего 1862 года, въ приходской царе-константиновской школѣ: «испытаніе это происходило при бытности мѣстнаго причта и въ присутствіи почетнѣйшихъ прихожанъ. Въ школѣ находится 50 прихожанскихъ дѣтей; изъ нихъ 8 знаютъ славянское и русское чтеніе, и пишутъ очень хорошо; священную ветхозавѣтную исторію разсказываютъ свободно и правильно; первыя четыре ариѳметическія дѣйствія извѣстны имъ довольно хорошо, и кромѣ того преподаны имъ нѣкоторыя понятія о Литургіи; 13-ть учениковъ читаютъ и пишутъ довольно хорошо, знаютъ нѣсколько разсказовъ изъ свящ. исторіи и первыя два ариѳметическія дѣйствія; 10 учениковъ упражняются въ изученіи славянскаго чтенія по псалтырю и гражданскаго по Евангелію; а остальные 19 изучаютъ грамоту по церковно-славянскому букварю. Кромѣ того, подъ руководствомъ уче-

ника семинаріи Кудрицкого, дѣти усовершенствовались до того въ церковномъ пѣніи, что весьма стройно поютъ Литургію и всенощное бдѣніе, и даже знаютъ партесное пѣніе Херувимской пѣсни и другихъ.—»

Изъ вышеизложеннаго видно, что церковно-приходскія школы въ кіевской епархіи существуютъ не на бумагѣ только, а и на дѣлѣ; что духовенство, на всемъ пространствѣ епархіи, положило уже начатки образованія народнаго, внесло въ него религіозную закваску, и что если, по слову Спасителя, *малъ квасъ все смѣшеніе квасить*, то по доброму началу должно ожидать и добрыхъ послѣдствій. Найдутся, можетъ быть, люди, которымъ подобныя закваски не нравятся; но имъ мы скажемъ слѣдующее: изгоняйте религіозное начало, если оно не соотвѣтствуетъ вашимъ видамъ, откуда угодно; но, ради Бога, ради всего, что еще осталось у васъ дорогого и уважаемаго, не отнимайте этого начала у простаго народа. Вспомните; что онъ пережилъ, не упавши духомъ, вѣковое рабство, преимущественно потому, что онъ былъ весь какъ бы въ нѣдрахъ вѣры и церкви. Не забывайте, что и теперь, въ состояніи свободнаго, но неизбавленнаго отъ тяжкихъ трудовъ и лишеній всякаго рода, быта онъ наичаще, и болѣе другихъ сословій, будетъ нуждаться въ утѣшеніяхъ и подкрѣпленіи св. вѣры,—и отнять у него, взамѣнъ дарованной, милосердіемъ помазанника Божія, общественной свободы, то, что для него дороже не только свободы, но и жизни, было бы болѣе, чѣмъ жестоко. Но кто же, возразятъ, посягаетъ на религію народа? Тѣ, которые хотѣли бы вырвать образованіе народа изъ рукъ духовенства. Но духовенство, скажутъ какъ и говорили, не поведетъ далѣе псалтыря и часослова? Ошибаются. Духовенство наше болѣе образовано, чѣмъ привыкли думать въ нѣкоторыхъ кружкахъ общества,—и притомъ же оно очень хорошо поняло задачу своего времени, и растетъ не по днямъ, а по часамъ. Пусть дадутъ ему только матеріальныя пособія, какъ найдено же возможнымъ давать ихъ для школъ, учреждаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія,—и увидятъ, что оно не въ состояніи сдѣлать. Опасаются, чтобы духовенство не захватило въ свои руки слишкомъ большей власти надъ народомъ? Но іезуитизмъ не въ духѣ православной церкви вообще, и опасенія подобнаго рода ничто иное, какъ пугало, скажемъ не обинуясь, невѣжественныхъ, или злонамѣренныхъ людей. Чего же мы хотимъ, спросятъ насъ? Хотимъ руководить народъ въ дѣлѣ

его образованія, не въ качествѣ смотрителей, т. е. начальниковъ, но въ качествѣ духовныхъ отцовъ народа, который и самъ охотнѣе и довѣрчивѣе пойдетъ подъ руководство духовенства, между прочимъ и потому, что онъ заодно съ своими духовными отцами переносилъ и тяготу своего внѣшняго положенія. Не власти мы добиваемся для самихъ себя — она была бы намъ въ тягость—а блага народнаго, блага тѣхъ людей, которые по преимуществу, по простотѣ своей, могутъ быть названы дѣтьми Божіими; а мы служители Бога и народа Его, должны будемъ дать отчетъ Богу. Пусть будутъ преподаватели и изъ иныхъ вѣдомствъ, но наблюденіе за преподаваніемъ должно принадлежать духовнымъ руководителямъ народа. Таково наше мнѣніе, и, полагаю, безпристрастные и благонамѣренные люди не укорятъ насъ въ честолюбивыхъ замыслахъ. Мы, кажется, ясно высказали мысль нашу.

Протоіерей **Гр. Крамаревъ.**

— Корреспонденція и извѣстія изъ Угорской (Венгерской) и Галицкой (Червоной) Руси, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ другихъ заграничныхъ славянахъ и извлеченія изъ періодическихъ внутреннихъ и заграничныхъ изданій.

ПИСЬМА ИЗЪ ВЕНГЕРСКОЙ РУСИ.

— Письмо 1-е, Гуштъ (Huszt) 12 (24) и 17 (29) Іюля. Съ большимъ удовольствіемъ принимаю на себя обязанность быть сотрудникомъ Вѣстника Юго-западной и Западной Россіи, и споспѣшествовать, сколь возможно, осуществленію его идеи. Цѣль этого періодическаго изданія—разкрыть картину всесторонней жизни мало-русскаго племени, народный бытъ коего всего менѣе изслѣдованъ и объясненъ въ семьѣ славянскихъ народовъ, что весьма порадуетъ всякаго любознателя этой значительной части великаго славянскаго міра. И, въ самомъ дѣлѣ, можно ли долѣе принимать съ равнодушіемъ тѣ странные и нерѣдко противорѣчащіе другъ другу толки, предметомъ которыхъ бываетъ малорусская народность? Не пора ли намъ вѣрнѣе порѣшить вопросъ, относящійся до этнографическаго опредѣленія этого племени? Будутъ ли все еще посягать поляки на его національную индивидуальность? Сколь важное вліяніе имѣла нѣкогда малорусская народность на ум-

ственное развитіе всего русскаго племени, столь глубоко упала она теперь въ своемъ народномъ значеніи Умалчивая о малорусскомъ населеніи, входящемъ въ составъ Россійской Имперіи, и составляющемъ корень малорусскаго племени,— мы намѣрены преимущественно обратить здѣсь вниманіе на малороссовъ, живущихъ въ Венгріи.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, они едва были извѣстны по имени въ Венгріи, хотя въ этнографическихъ спискахъ и представлялись цифрами, какъ простое населеніе, занимающее извѣстное пространство въ восточно-сѣверныхъ комитатахъ Венгріи. Не являя никакого самосознанія и движенія народнаго, они не имѣли ни національнаго, ни политическаго значенія между народами, населяющими Венгрію, и ученые, вообще, считали ихъ живущими въ мракѣ и безъизвѣстности, означая обитаемую ими землю: «terra incognita.» Когда же, при благопріятствовавшихъ, политическихъ обстоятельствахъ, въ 1848 и слѣдующихъ годахъ, они явились на поприщѣ національнаго движенія, обнаруживъ жизненныя силы, которыя были прежде въ нихъ затаены,—то это оживленіе показалось многимъ—такимъ страннымъ и непонятнымъ явленіемъ, что даже недруги стали утверждать, будто они открыты графомъ Стадіономъ и барономъ Бахомъ.

Бросивъ взглядъ на существовавшее до 1848 года состояніе угорскихъ русиновъ, мы можемъ нѣсколько объяснить себѣ, почему они находились въ столь жалкомъ оцѣпѣненіи жизни духовной и въ такомъ глубокомъ упадкѣ чувства народнаго.

Самою ближайшею причиною упадка народной жизни русиновъ было господство латинскаго языка, обхватившее всѣ слои образованія и проникнувшее весь организмъ быта гражданскаго. Какъ вообще латинское образованіе повсюду стѣсняло народную жизнь, такъ оно препятствовало и развитію народности русиновъ, живущихъ въ Венгріи. Правда, что и другія народности, находящіяся въ Венгріи, подвергались тому же гнету латинскаго господства, но однако ни одна изъ нихъ не пострадала столько подъ его игомъ, какъ русская народность. Вотъ фактъ, подтверждающій истину нашихъ словъ. Возьмите какой нибудь учебникъ, предписанный правительствомъ для преподаванія латинскаго языка, въ низшихъ классахъ гимназіи,—и вы найдете въ немъ объясненія на мадярскомъ, нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, но нигдѣ не попадется вамъ учебникъ, содержащій въ себѣ объясненія на

русскомъ языкѣ. По этому, когда дѣти другихъ національностей, при изученіи латинскаго языка, имѣли случай упражняться также и въ своемъ родномъ языкѣ, русскія дѣти были принуждены учиться по латински, по латинскому тексту, лишаясь пособія объясненій на природномъ языкѣ. И вообще на языкъ другихъ народовъ было обращено въ училищахъ, хотя какое нибудь вниманіе, тогда какъ русскій языкъ, за исключеніемъ преподаванія на немъ Закона Божьяго, былъ въ гимназіяхъ и училищахъ въ совершенномъ пренебреженіи. Отъ этого народное чувство въ другихъ національностяхъ проявилось гораздо ранѣе, чѣмъ у венгерскихъ русиновъ.

Извѣстно, что мадярская нація всѣхъ ранѣе стала домогаться своихъ національныхъ правъ. А какъ австрійское правительство, еще съ 1791 года, особенно приняло мадярскій языкъ подъ свое покровительство, то онъ съ неимовѣрною быстротою достигъ высшей степени развитія и образованности. И, въ самомъ дѣлѣ, австрійское правительство не щадило никакихъ средствъ для доставленія мадярской націи преимуществъ надъ иными народностями. Въ 1808 году, на угорскомъ сеймѣ, было положено основаніе военно-учебнаго заведенія для мадярской націи; въ томъ же году, въ сводъ законовъ было внесено постановленіе объ основаніи національнаго музея; въ 1827 году, на сеймѣ, былъ постановленъ законъ объ учрежденіи академіи наукъ, для образованія мадярскаго языка, а въ 1836 году, также на сеймѣ, было положено: основаніе мадярскаго театра. А чтобы эти постановленія земскаго сейма не оставались мертвою буквою, то для приведенія ихъ въ дѣйствіе, были назначены значительныя денежныя суммы, какъ то: для военно-учебнаго заведенія—110,000, для академіи наукъ—10,000, для національнаго музея—625,000 гульденовъ сереб; а для мадярскаго театра былъ положенъ основный капиталъ въ 450,000 гульд. сер. Всѣ эти суммы, въ послѣдствіи, были увеличаемы почти при каждомъ сеймѣ. Сверхъ сего, принявъ во вниманіе, что мадярскій языкъ въ 1840 и 1844 годахъ, въ силу опредѣленій тогдашнихъ сеймовъ, былъ объявленъ дипломатическимъ и оффиціальнымъ языкомъ по всѣмъ вѣдомствамъ управленія, состоящимъ въ Венгріи, мы легко можемъ объяснить его распространеніе въ угорскомъ краѣ и преобладаніе надъ другими языками.

Усилившись такимъ образомъ, мадярскій языкъ сталъ еще болѣе препятствовать развитію русскаго языка, и съ тѣмъ вмѣстѣ русской народности, больше чѣмъ прежде языкъ ла-

тинскій, ибо латинскій языкъ, будучи мертвымъ, былъ исключительною собственностію ученыхъ и образованныхъ людей, а мадярскій языкъ, распространяясь между жителями Венгріи, овладѣлъ нетолько образованнымъ обществомъ, но и проникъ въ другія сословія При господствѣ латинскаго языка, раздавались въ обществѣ, безъ всякаго стѣсненія, звуки народнаго разговора, тогда какъ при водвореніи мадярскаго въ общественную жизнь, употребленіе народнаго языка исчезло даже въ самыхъ семейственныхъ кругахъ. Всѣ, даже прислуга, желая щегольнуть образованностію, стали говорить по мадярски. Русскій языкъ находилъ въ Венгріи единственный пріютъ подъ кровомъ простолюдиновъ и таился подъ сѣнію храмовъ Божіихъ, принадлежащихъ Восточной Церкви.

Къ довершенію этихъ стѣсненій къ распространенію русской народности, всѣ лица принадлежащіе къ оной, были исключаемы изъ государственной службы и отстраняемы отъ высшихъ должностей. Это послужило поводомъ, что русская аристократія, стыдясь своей національности, оставила народъ, перешла въ латинство, куда манили ее гражданскія выгоды, и слилась съ иноплеменниками.

Таково было состояніе угорскихъ русиновъ, въ отношеніи ихъ народности, за 14 лѣтъ предъ симъ; посмотримъ, что сдѣлано въ пользу этой народности въ продолженіи послѣдующихъ 14 лѣтъ.

Вспыхнувшая въ 1848 году мадярская революція, угрожала, повидимому, народности угорскихъ русиновъ, самыми пагубными послѣдствіями. Господство мадяровъ казалось рѣшеннымъ и неизбѣжнымъ событіемъ. Полученное ими самостоятельное и отвѣтственное министерство, а равно изступленный національный ихъ энтузіазмъ не давали никакой надежды на развитіе русской народности. Угорскіе русины, видя политическое преобладаніе мадяровъ, не смѣли имъ и намекнуть о собственныхъ національныхъ правахъ, чувствуя свою немощь, порожденную вѣковымъ порабощеніемъ. Къ тому же многіе изъ здѣшнихъ русиновъ, будучи ослѣплены преувеличенными похвалами западной цивилизаціи и ея побѣдоносными торжествами, даже лишнимъ считали заботиться о правахъ своей народности, ожидая спасенія отъ омадярщенія, славившагося проводникомъ европейской образованности Весьма много, и, можно сказать, преимущественно содѣйствовало успѣхамъ мадярской революціи — торжественно объявленное угорскимъ сеймомъ уничтоженія крѣпостнаго со-

стоянія (панщины). Это освобожденіе здѣшній русскій народъ принялъ съ восторгомъ, тѣмъ болѣе восхительнымъ, чѣмъ чувствительнѣе угнетало его тягостное бремя панщины,—а потому здѣшніе русины вовсе не чуждались оказывать сочувствіе мятежнымъ стремленіямъ мадяровъ и споспѣшествовать ихъ высокопарнымъ намѣреніямъ, упуская изъ виду драгоцѣнные интересы собственной народности. Но счастіе сначала благопріятствовавшее мадярамъ, вскорѣ измѣнило имъ, и дало дѣлу ихъ оборотъ совсѣмъ неожиданный. Кремзирскій сеймъ и русское оружіе въ 1849 г. совершенно разстроили ихъ планъ, а именно кремзирскій сеймъ, *октроировавъ*, на основаніи равноправности всѣхъ національностей, конституцію, помѣшалъ водворенію безусловнагоа господства мадярскаго языка, а русское оружіе, въ союзѣ съ австрійскимъ, поразивъ мадяровъ, сокрушило ихъ политическое господство и подвергло ихъ опять власти австрійскаго владѣтельнаго дома, отъ котораго они отложились на сеймѣ, происходившемъ въ Дебрециnѣ. Мадяры не разъ уже пытались свергнуть съ себя иго австрійское, но никогда еще съ такою рѣшимостію не приступали къ достиженію своей цѣли, какъ въ 1849 году, послѣ объявленія конституціи, октроированной на кремзирскомъ сеймѣ. Такъ какъ, въ силу этой конституціи, было рѣшено совершенное сліяніе Венгріи съ прочими австрійскими провинціями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтоженіе ея самостоятельности,—то мадяры въ высшей степени ожесточились противъ Австріи, и рѣшились отторгнуться отъ нея, надѣясь сдѣлаться народомъ независимымъ и повелительнымъ. Неудача мадярской революціи, очевидно, послужила въ пользу угнетенныхъ въ Австріи народностей,—ибо австрійское правительство, желая ослабить силы мадяровъ, поддерживаемыя чуждыми элементами, провозгласило равноправность всѣхъ національностей. Само собою разумѣется, что австрійское правительство, въ крайней нуждѣ, избравъ своимъ девизомъ начало равноправности всѣхъ національностей, не могло ему вполнѣ сочувствовать, а потому и не со всею искренностію старалось о приведеніи его въ дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что оно, на дѣлѣ, не совсѣмъ удобоисполнимо. Однако же, при всемъ томъ, признанное австрійскимъ правительствомъ начало равноправности много споспѣшествовало пробужденію и оживленію духа народнаго вообще во всѣхъ народахъ, а особенно въ угорскихъ русинахъ. Между прочемъ весьма много содѣйствовало къ одобренію духа народнаго изданіе правитель-

ствомъ свода законовъ на языкахъ, всѣхъ народовъ, живущихъ въ Имперіи. Такимъ образомъ и венгерскіе русины имѣли свой правительственный вѣстникъ земскихъ законовъ до конца 1858 года. Сверхъ сего въ галичской Руси выходили и другія періодическія изданія, какъ то: Вѣстникъ для русиновъ австрійской державы, журналъ политическаго содержанія, „Зоря Галицкая“ литературнаго и беллестристическаго содержанія и „Семейная Библіотека“, замѣнившая Зорю Галицкую, кромѣ сего была издаваема въ Венгріи, на русскомъ языкѣ, Церковная Газета съ начала Марта 1856 года, до конца Октября 1858 года. При существованіи этихъ періодически ъ изданій, какъ въ Галиціи, такъ и въ Венгріи выходили въ свѣтъ различныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Особенно замѣчательно, въ ряду научныхъ сочиненій, произведенія Дениса Зубрицкаго, подъ заглавіемъ: „Исторія древняго галицко-русскаго княжества“.— Имѣя въ виду эту дѣятельность австрійскихъ русиновъ на поприще литературномъ, можно было надѣяться, что преуспѣяніе народности ихъ со дня на день будетъ принимать большіе и большіе размѣры, наравнѣ съ иными народностями, находящимися въ Австріи. Но успѣхи русской народности вскорѣ вызвали недоброжелательство австрійскаго правительства въ такой мѣрѣ, что оно вздумало положить препятствія ея развитію. Вслѣдствіе этого было подвержено прежде всего преслѣдованію упомянутое сочиненіе Дениса Зубрицкаго, затѣмъ было запрещено изданіе Церковной Газеты, по той причинѣ, что какъ авторъ упомянутаго выше сочиненія, такъ и редакторъ этой газеты пользовались слогомъ письменнаго русскаго языка. Наконецъ, въ 1859 году, австрійское правительство воздвигло гоненіе даже и на самую русскую азбуку, желая истребить ее и вмѣсто ея завести латинское абецадло. Казалось, что наступило время, предвозвѣщающее ближайшую кончину народной жизни австрійскихъ русиновъ,—Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончились эти открытыя гоненія на русскую народность, еслибы возникшая въ томъ же году, италіанская война не произвела новаго оборота въ австрійскихъ дѣлахъ. Понесенное Австріею пораженіе подъ Сольферино заставило ее прибѣгнуть къ преобразованію своей правительствeнной системы,— и потому, 20 Октября 1860 года, былъ изданъ императорскій дипломъ, въ силу котораго отмѣнялся прежній абсолютизмъ правленія и возстановлялось въ Венгріи конституціонное управленіе. Съ этого времени духовная жизнь австрійскихъ ру-

синовъ опять стала обнаруживаться отъ части въ рускихъ журналахъ, выходящихъ въ Галицін, и отъ части въ здѣшнихъ мадярскихъ періодическихъ изданіяхъ. Жаль! Венгерскіе русины понынѣ еще не уснѣли основать себѣ изданія какого либо народнаго органа, а потому, для заявленія своихъ національныхъ требованій, они, по большей части, относятся къ редакторамъ мадярскихъ журналовъ, конечно, не всегда расположенныхъ къ русинамъ, и даже иногда слишкомъ враждебно выступающимъ противъ нихъ.—Однакожъ, посѣянныя въ продолженіе минувшаго десятилѣтія сѣмена руской словесности пустили сильный корень на почвѣ угорской Руси, и со дня на день прозябаютъ болѣе и болѣе, радуя взоръ соплеменниковъ и давая надежду на привесеніе обильныхъ плодовъ для пользы и блага всего русскаго міра.—О сподвижникахъ русской народности напишу въ слѣдующемъ письмѣ.

— **А. Д. Изъ Пращева.** Наша Угорщина, послѣ громкихъ криковъ и своеволія, немножко успокоилась; теперь улицы пусты, мало видать веселыхъ крикуновъ, они при каминахъ тихонько покуриваютъ трубку, жалуясь на нынѣшнее время, на новыхъ чиновниковъ, называя ихъ Pöbel, простаками. Все это еще бы сошло, но ихъ головы заняты русинами. Кто бы, назадъ тому 12 лѣтъ, осмѣлился подумать, что бѣдный, униженный русинъ можетъ быть общественнымъ чиновникомъ; и то было бы evimew me: грѣхомъ до неба вопіющимъ, если бы русинъ домагался (хотя бы онъ былъ и дворянскаго происхожденія) быть писцомъ.—Но переворотъ совершился съ ущербомъ для монополистовъ чиновничества; нынѣ въ шаришской столицѣ 15 русиновъ состоятъ на службѣ, всѣ молодцы на своихъ мѣстахъ, и хотя глумятся надъ ними прежніе монополисты, однакожъ и сами должны признаться, что русины честные и порядочные люди, хотя не ѣздятъ въ высокихъ каретахъ.—Господь Богъ съ нами!

Въ другихъ столицахъ также не малое число русиновъ заняло государственныя должности; мало по малу движется и народъ, иноплеменники молчатъ, потому что имъ остается одно только утѣшеніе, что все это не долго будетъ продолжаться и настанетъ новый переворотъ. И Kárpati Hivnök исчезъ совсѣмъ, потому что надоѣло поддерживать его безъ пользы.

Итакъ, братья, и намъ бѣднымъ разсвѣтаетъ заря, и благодатное солнышко будетъ грѣть, и мы подкрѣпимся чистымъ воздухомъ.

Я теперь, хоть и нездоровъ, однакоже занимаюсь изданіемъ народныхъ пѣсень, изъ которыхъ нѣсколько посылаю и вамъ. Да и радостно, когда наши парни и дѣвицы поютъ русскія пѣсни! Радостныя слезы текли изъ глазъ моихъ, когда я былъ въ Торнскахъ на посвященіи, и молодежь запѣла: «я русинъ былъ, есть и буду,» а также и другія русскія пѣсни. Въ пѣніи участвовали и дѣвицы, и слава нашимъ парнямъ, что они неутомимо учатъ пѣть дѣвицъ, да и сами враги хвалятъ ихъ пѣсни. Мы старцы, уже склонившіеся къ могилѣ; но изъ нашего пепла воскреснутъ фениксы, и тѣ пріятнѣе запоютъ про русское.

Помощь наша отъ Господа! *Поемъ Господеви, славно бо прославися!* Верховный начальникъ (журналъ) у насъ Г. Іоанъ Главичъ, замѣчательный не дворянскою грамотою, а талантомъ, честью и бодростію, заслуженный старецъ, уважаемый народомъ, отъ котораго произошелъ. Онъ посѣдѣлъ въ заслугахъ, онъ вѣренъ правительству и въ тоже время видитъ потребности народа, и мы много ожидаемъ отъ его справедливости; Господи! сотвори ему многая лѣта!

Съ нами Богъ!

— **Адресъ львовской русской академіи священнику Наумовичу.** Преподобному отцу Ивану Наумовичу, приходскому священнику Корост(е)на и Перемышля. Честь вамъ и слава, отецъ! А отъ русскихъ *академиковъ* искреннее спасибо, за тѣ труды, которые вы несете для очищенія нашей отцовской, греко-каѳолической вѣры, отъ чуждыхъ противныхъ русскому духу и развитію русской народности вредныхъ (какъ это хорошо знаемъ изъ исторіи) нововведеній, печальныхъ памятниковъ нашей духовной *недоли* Отецъ! Мы члены одного тѣла, сыны одной русской матери; боленъ одинъ членъ и все тѣло больно. Еще радуйся отецъ! Потому что ты воспламенилъ наши сердца новымъ жаромъ любви къ нашему (каждому русину уже съ дѣтства) дорогому обряду. Жаръ этотъ, сильный въ нашемъ собраніи и внѣ его, равно и самая святость дѣла даютъ вамъ надежду вѣрить въ лучшую его будущность.

Что же касается придирокъ *ксендза*, автора статьи: «przeciw reakcjі w obrządku grecko-katolickim,» къ русскимъ

академикамъ (подъ № 19 Dziennik-а польскаго), то мы ихъ нетолько не принимаемъ, но свидѣтельствуемъ всѣ вмѣстѣ, подписавшіеся здѣсь, что намъ одно только больно, именнно, что одинъ изъ братій греческаго обряда, да еще духовный, обязанность котораго есть хранить нашъ обрядъ, напалъ на святыни, з вѣщанныя намъ отцами и какъ бы вросшія въ сердце каждаго русина Лишить насъ ихъ значитъ тоже, что хотѣть вырвать у насъ сердце: но это заслуживаетъ неблагодарности. Развѣ тѣ только могутъ благодарить за это, которые противнаго намъ лагеря (табору) и еще тѣ, которые на вопросъ: какой вы вѣры, отвѣчаютъ: какой вамъ угодно.

Нужно прибавить, что подписи нѣсколькихъ, хотя по обряду русиновъ, но такихъ, которые противны намъ и никогда не выступаютъ вмѣстѣ съ нами на защиту истинно-русскаго интереса и что мы этихъ нѣсколькихъ, хорошо намъ извѣстныхъ, самозванцевъ, нигдѣ и никогда не уполномочивали говорить за насъ.

Львовъ, дня 16 февраля 1862 г.

(*«Слѣдуютъ подписи 40 академиковъ русскихъ „самыхъ міряиъ“.*) (Слово).

— Отвѣтъ св. Наумовича на адресъ львовской академіи.

Почтенное собраніе! Желаю вамъ здоровья—не за то, что чествили меня предъ свѣтомъ и сосѣдами, а за то, что вы обрадовали всю нашу святую Русь,—что вы, свѣтила и начальники нашего любезнаго (сердешнаго) народа, показали всему русскому роду, что въ васъ течетъ еще чистая староруская кровь,—что поклонились старой родной матери нашей—церкви и уставамъ святыхъ отцевъ нашихъ. За это именно честь вамъ и слава, и поклонъ отъ меня и всѣхъ нашихъ, которые со мной одной мысли и одного духа!

Кто послѣ сего рѣшится сказать, что это не Русь домагается своихъ родныхъ учрежденій. Говорили, что я—Иванъ Наумовичъ не—Русь. Пусть такъ, пусть я не Русь; однакожъ со мною Русь,—самая непоколебимая, усердная, любезная, надежная,—такъ что противъ нея—точно вѣтеръ въ пыль—газетчики польскіе. Имъ не любо то дѣло (т. е. названное выше домогательство), оно, видите, орѣхъ не по зубамъ нашихъ цивилизаторовъ.

Они крѣпко призадумываются при мысли, что Русь станетъ на своихъ собственныхъ ногахъ, и простолюдинъ узнаетъ, кто онъ, откуда онъ *взялся* на свѣтъ, и, что это оживитъ массу народа любовью къ имени русскому и старымъ русскимъ обычаямъ. Но чѣмъ мы виноваты, что имъ это не любо,— когда теперь такая пора настала, да и воздухъ нынѣшній уже такой, такой нынѣ свѣтъ солнышка святаго, что иная уже въ людяхъ природа, что не хотятъ гнуть шеи своей предъ старымъ, твердымъ, чуждымъ ярмомъ. Такъ говорилъ нашъ отецъ, покойникъ Яковъ Боровскій: „Богъ отецъ, а русь—мать великая“. Слава Богу, воскресившему нашу великую русскую матерь,—а собранію вашему честь за истинную любовь къ этой родной великой матери!

— **Письмо изъ Жолкви въ редакцію львовской Газеты Слово, по поводу статьи «Перемышлянинъ и Перемышлянка»** (Смотри Вѣсти. 1 кн., Отд. IV. Стр. 6). Фельетонная статья, подъ заглавіемъ „Перемышлянинъ и Перемышлянка“, при всей малости своего объема, заставляетъ очень много подумать. Мѣсяцесловъ Русскій „Перемышлянинъ“ прекратилъ свое изданіе,—фактъ, самъ по себѣ, для русской словесности неутѣшительный, но онъ еще неможетъ приводить насъ въ крайнее уныніе, тѣмъ болѣе, что вмѣсто „Перемышлянина“, стала выходить теперь „Перемышлянка“,— тоже мѣсяцесловъ. Не сама эта метаморфоза, но причина, изъ-за которой вынуждена была произойдти она, печалитъ и поражаетъ насъ.

Перемышлянинъ сталъ писать хронику своего стариннаго города, и цитовалъ при этомъ Длугоша. Цитаты эти были переданы римскому нунцію за „схизму и москвитизмъ“; Перемышлянинъ принужденъ былъ оправдываться предъ австрійскимъ министромъ полиціи, барономъ Кемпеномъ; за толки о церковномъ уставѣ, онъ переносилъ гоненія отъ своей родной братіи-русско-уніатскихъ уставниковъ. При очевидной утратѣ свободнаго слова, при безнадежности на лучшее для себя время, онъ, крѣпкій молодецъ русскій, изъ отчаянія или изъ хитро—задуманнаго притворства, надѣлъ на себя женское платье, сталъ нѣжничать, и даже примкнулъ къ рядамъ кухарокъ и торговокъ.

Удивительное для насъ превращеніе, но причины его еще удивительнѣе.

Эти причины должны навести тебя, несчастная Русь, на важный вопросъ: возможна ли для тебя свобода слова, свобода совѣсти? Всмотрись въ страницы своей исторіи, перечитай всѣ манифесты, буллы, универсалы, ноты, курсоріи, что о тебѣ, на тебя и противъ тебя писали чужіе, свои — родные даже тебѣ по крови и костямъ, — перечитай все это — отъ времени заключенія добровольныхъ союзовъ до нынѣшняго дня, — до дня новыхъ посягательствъ на твою душу и совѣсть, — и ты вычитаешь самый печальный и трогательный отвѣтъ на вопросъ о твоей свободѣ.

Было время, когда ты, какъ говорятъ, добровольно спутавшая себя Русь, утратила вѣру въ свои силы, въ свою самостоятельность, пріуныла, пренебрегла собою, и стала темною, безграмотною, просто невѣжею. Тогда ты не читала, не ломала головы ни надъ чѣмъ, что о тебѣ, на тебя и противъ тебя писали, подписывали и доносили чужіе, близкіе и даже свои родные по крови и костямъ. И это время было для тебя самымъ счастливымъ, какъ счастлива смерть для умирающаго во снѣ.

То время тысячекратно лучше нынѣшняго, когда ты, воскресшая изъ гроба Русь, и снявшая бѣльмо съ туманныхъ очей, стала прозрѣвать и вглядываться въ завѣтныя свои книги Ты прочитала теперь изъ разрозненныхъ записей и письменныхъ обломковъ исторіи твоей жизни того періода, который описать не отваживался ни одинъ изъ твоихъ историковъ, — ты стала свѣдуща, вкусила отъ плода древа познанія, и теперь мучитъ, давитъ тебя твоя воля! Ты подымаешь голосъ въ защиту твоихъ завѣтныхъ правъ, а тебѣ отказываютъ въ правахъ, на основаніи твоего же собственнаго права; ты ищешь свободы совѣсти, а тебѣ выставляютъ твое добровольное согласіе на ея утрату; ты противопоставляешь правильные уставы неправильнымъ обычаямъ, а тебѣ предписываютъ обычай считать уставомъ... . Что сказать о прочихъ вопросахъ твоего бѣднаго народа? Тутъ воля такъ неограниченна, что равняется своеволію и произволу, но воля эта не для тебя, Русь. Ты съ своею свободою иди въ кляшторъ (монастырь католическій), подобно Перемышлянину, въ болтливую горницу, разсказывай дѣтямъ сказки и утѣшайся романсами.

Такова свобода твоего слова, милая Русь!

СОСѢДАМЪ.

(Стихотвореніе, на галицко—русскомъ нарѣчіи. Сообщено изъ Лемберга).

Сосѣди! вы пророки свѣтла, свободы,
Трубите предъ Европовь собѣ честь и славу;
А Русинъ, то приклонникъ рабства, темноты—
Навыкшій въ тверде иго пригинати главу—
Глухій, нѣмый, слѣпый, не знае, же братъ-ляхъ
Ему приноситъ въ дарѣ свѣтло съ свободою;
И ляхови не вѣритъ; каже: ляхъ, то врагъ,
И самохоть любуесь рабствомъ, темнотою....

Такъ вы мудрствуете, такій у васъ есть нравъ,
Спѣвати непрестанно Польщѣ славословье;
По вашему всегда лишь полякъ мудръ и правъ,
А русинамъ невѣжамъ цуръ и безголовье!
По вашему языкъ вашъ польскій — красота!
А руска буква скверна, руска рѣчь лядащо,
А руское чувство, то грѣхъ тяжкій — вражда;
Лишь польска мать хороша, руска трупъ ни на що.

Но мы кладемъ вопросъ: кто правъ, чи мы, чи вы?
Кто угнеталъ кого, кто налагалъ оковы?
Давно кто былъ, кто нынѣ ворогомъ любви?
Да выдасть вся Европа нынѣ судъ здоровый,
Уже бо днесь настигъ свободный день для насъ,
Отверлися уста страдельцевъ долголѣтныхъ,
Озвался родъ забвенный въ соромъ и ужасъ
Ругателей своихъ и правъ своихъ завѣтныхъ.

Чогожъ дрожите вы?.... скажѣтъ, чи не про то,
Що совѣсть въ васъ нечиста, що вы не правы
Деспоты народа?.... Скажѣтъ Европѣ, кто
Насиліемъ затиралъ всѣ слѣды руской славы?
Прилѣжно кто держалъ той народъ въ темнотѣ?
Обдеръ его зъ всѣхъ правъ, и вѣру далъ въ презрѣнье?...
А народъ побѣжденный въ тяжкой работѣ
Родился, погибалъ, якъ нѣмый скотъ въ терпѣньи.

Забыли вы уже, що вы деспоты, вы!?
Противу васъ самыхъ за свободу и вѣру

Ставали святой Руси вольныи сыны
Якъ скоро злоба ваша перебрала мѣру.
То духъ тихъ борцовъ Руси васъ непокоитъ?....
Тихъ нашихъ Маккавей, що русь святу спасали
Изъ рукъ наѣздниковъ?!... Не бойтесь,—духъ ихъ спитъ—
Не крови нынѣ мы, ни мести забажали.

У насъ въ почтеньи—законъ и любовь враговъ,
И сорокъ шестый годъ пройшолъ на Руси мирно.
Тогда якъ ваши братья пили вашу кровь,
Тогда мы сострадали вамъ нелицемѣрно.
О, да исчезне память тѣхъ кровавыхъ дней
Въ безодни вѣчности!.... Но, братья, вы учѣтся,
Въ то время чтити права народовъ, людей
И прежде, неже съ нами, съ собою погодѣтся.

И прежде народъ вашъ учѣтъ Христа любви:
Забыти долговѣчны кривды и пороки.
А просвѣщати Русь не есте званны вы—
Въ ней суть свои природны мудрецы-пророки.
Безплоденъ трудъ вашъ братья, гласъ вашъ—вѣтра шумъ,
Никто не слухае, никто не понимае;—
На Руси законъ святъ, здоровъ на Руси умъ,
И древноруска кровь во сердцахъ намъ играе.

Не вѣрите?.... упорно стоите вы въ томъ,
Що Русь, то наслѣдственне Польщи достоянье?
Що данный русинъ-рабъ за гордецомъ ляхомъ
Пойде безсмысленно на всякое возванье?
Що русь увѣритъ вамъ, и убоится васъ—
Покорно зъ вашихъ рукъ буде судьбу прiймати;
Не поднесе въ сей важной добѣ вольный гласъ,
Не буде о судьбѣ своей сама рѣшати?...

Чы не узнали вы, що нынѣ вже наспѣлъ
День народовъ?—великiй день и просвѣщенный!...
Же днесь не часъ клеветъ, но справедливыхъ дѣлъ!
Же смѣшенъ нынѣ въ свѣтѣ ляхъ, гордецъ надменный,
И съ древнимъ пергаминомъ грабежнымъ въ рукахъ,
Съ своимъ вже обветшалымъ правомъ до народа,
Що сталъ уже о своей силѣ на ногахъ
И не требуе больще ляшого провода?!

Чи не узнали вы що нынѣ той народъ
Началъ новую жизнь подъ Австріи правами;
Що нынѣ той народъ и уменъ и свободъ,
Що нынѣ вамъ дѣло не съ слѣпыми рабами?....
Чи не узнали вы еще нашихъ знаменъ:
Богъ, царь и народность!... то разъ уже узнайте,
Узнайте и любовь и честь для всѣхъ племенъ,
И давну вашу Польшу такъ не величайте.

И не кажѣтъ всегда: Европу вы спасли!
Во Вѣдни знаютъ васъ!.... А насъ же тамъ не было?—
Чи руски рыцарѣ на брань святу не йшли?
И чіей крови больше за Христа поплыло?!
Не бойтесе вже открыти всей Европѣ разъ
То, що еще теперь скрывалисьте съ умысла:
Що въ вашой Польшѣ больше было насъ якъ васъ,
И насъ противу васъ видѣлъ Краковъ и Висла.

Скажѣтъ Европѣ разъ, що споръ нашъ вже старый,
Не вось-то отъ недавна зъ сорокъ осьма года,
Да знаютъ, що русеньцы народъ не новый—
Не вось-то полущена партія народа,—
Не вось-то Стадіоскій народъ, що восталъ
Слѣпымъ орудіемъ, щобъ Польшу присмиряти;
Не вось-то хлоповъ бунтъ, не вось-то мрачный шалъ
Священниковъ, чтобъ народъ въ темнотѣ держати.

Да знае Европа, що мы за свѣтломъ вси!
Боремъ и боремся со свѣтла ворогами,
Що накидаютъ намъ языкъ не нашъ — чужій,
И допчутъ наши права гордыми стопами.
Мечтатели границъ старыхъ, старого зла,
Даютъ намъ смертный ядъ изъ полныхъ чашъ испити,—
А кажутъ Европѣ: „Русь то темнота!
Не хоче жизни струю зъ польскихъ рукъ пріймити“.

И галаеуютъ лишь о кнутахъ и Москвѣ,
О шизмѣ и бригидкахъ, и рубляхъ въ Россіи,
И що имъ ще вертится въ мутной головѣ.
Да знае Европа, яки они слѣпыи?
А въ сердци ихъ ко намъ самый лишь чистый ядъ!—
А вы, побѣждены, безсильный деспоты,

Не надѣйтесь, же царство лжи, и темный ядъ
Возможе царство правды, свѣтла — поборjти!

Теперь вже всѣ Словяне, и Европа вся
Узнала, що любовь, и що братерство ляше!
Теперь вже око въ око выдимъ мы врага!
Кто скаже, якъ ся споръ теперѣшній розвяже?!
Скажи намъ Днѣстре славный Днѣстре нашъ старый,
Чи пойдешь ты на западъ Вислу покрѣпити?!
Чи народъ рускій нашъ предасть завѣтъ святый,
Пойде якъ подлый рабъ во вѣкъ ляхамъ служити?!....

Н.

— **Письмо изъ Саксоніи о лужицкой семинаріи** (1). Въ саксонскомъ королевствѣ, въ юго восточной части, съ незапамятныхъ временъ живетъ маленькое славянское племя — лужичане. Саксонское правительство употребляло всякія средства, чтобы германизировать это бѣдное племя, оторванное отъ остальнаго славянскаго міра; германизированіе производилось, главнымъ образомъ, въ школахъ. Въ народныхъ лужицкихъ школахъ обученіе и теперь идетъ на нѣмецкомъ языкѣ; учителямъ именно вмѣнено въ обязанность германизировать лужичанъ, т. е. учить ихъ преимущественно нѣмецкому языку; учитель, хотя бы онъ былъ и лужичанинъ, не имѣетъ права говорить съ дѣтьми на родномъ языкѣ; священники лужицкіе обязаны были проповѣдывать слово Божіе на нѣмецкомъ языкѣ. Кажется, все было сдѣлано для того, чтобы убить ничтожную по численности славянскую народность. Но всѣ эти мѣры повели только къ тому, что лужичане сильнѣе начали сознавать свою національность, и съ большею любовью начали изучать свой родной языкъ. Для этой послѣдней цѣли они отправляются въ Прагу, гдѣ есть люди, знающіе всѣ славянскія нарѣчія. Одинъ лужичанинъ, не знаю его имени, основалъ на свой счетъ семинарію въ Прагѣ для 12 воспитанниковъ, именно съ тою цѣлію, чтобы дать лужичанамъ возможность изучать свой языкъ, а так-

---

(1) Лужичанъ въ кор. саксон. не болѣе 30 т.

же исторію и литературу другихъ славянскихъ народовъ. Основатель семинаріи поручилъ основанное имъ заведеніе извѣстному Ганкѣ. По смерти Ганки попечителемъ семинаріи избранъ Эрбенъ, извѣстный филологъ-славистъ, архиваріусъ пражскаго королевскаго архива. Кромѣ того, воспитанники выбираютъ изъ своей среды болѣе способнаго и болѣе свѣдущаго товарища, который руководитъ ихъ въ учебныхъ занятіяхъ. Обыкновенно, по субботамъ, въ семинаріи, бываютъ бесѣды, или литературные вечера, на которыхъ могутъ присутствовать и посторонныя лица. Я былъ на одной изъ этихъ бесѣдъ. Въ небольшой залѣ, вокругъ стола, сидѣло одиннадцать юношей, въ разнообразныхъ костюмахъ. Старшій воспитанникъ читалъ рукописныя сочиненія на лужицкомъ языкѣ, остальные слушали чтеніе съ напряженнымъ вниманіемъ. Потомъ воспитанники читали свои сочиненія. Одинъ прочелъ повѣтствованіе о войнѣ 13-го года, взятое изъ народныхъ преданій. Авторъ, между прочимъ, разсказывалъ, какъ лужичане, напуганные слухами о жестокостяхъ русскихъ козаковъ, ушли въ лѣсъ и унесли съ собою все, что только могли; но когда козаки обошлись миролюбиво съ оставшимися въ деревнѣ, то лужичане возвратились въ деревню. Старшій воспитанникъ прочелъ извѣстную сербскую поэму: „битва на Косовомъ полѣ," переведенную на лужицкій языкъ. По моей просьбѣ, онъ же прочелъ переводъ оды Державина «Богъ» и нѣсколько мелкихъ стихотвореній Пушкина, переведенныхъ также на лужицкій языкъ. Языкъ лужичанъ очень близокъ къ сербскому. Лужичине сами себя называютъ сербами. Нѣмцы и теперь называютъ ихъ древнимъ именемъ „Винды", а языкъ ихъ *«виндскимъ языкомъ»* (windische Sprache). Нѣмцы, какъ извѣстно, въ политическихъ видахъ, извратили названія славянскихъ народовъ, славянскихъ городовъ, рѣкъ, и т. п. Такъ они называютъ Русиновъ—Ruthenen, Чеховъ—Böhmen, Львовъ—Lemberg, Влтава—Молдава. Лужичане, или Винды, не забыли, что они народъ единокровный сербамъ, и теперь они смотрятъ на сербскую исторію, какъ на свою собственную. Въ этомъ маленькомъ обществѣ я понялъ, какъ сильна у западныхъ славянъ любовь къ своему родному, и какъ глубоко и разумно ихъ сочувствіе къ остальному славянскому міру. Эти бѣдные юноши, воспитывающіеся на счетъ благодѣтельнаго патріота, живутъ одни, безъ всякаго присмотра, ведутъ себя отлично и учатся прилежно. Нѣтъ

при нихъ ни надзирателя, ни эконома; одна старуха завѣдываетъ домомъ, продовольствіемъ и всѣмъ, что нужно для школы въ матеріальномъ отношеніи. Въ комнатѣ, гдѣ происходили бесѣды, было чисто и тепло, горѣла лампа и стеариновыя свѣчи. Во всемъ виденъ былъ порядокъ, чистота и хорошее содержаніе воспитанниковъ.

Ив. Лашнюковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

№ 5. **Универсалъ** Сигизмунда Августа о присоединеніи земли Волынской къ коронѣ Польской, въ которомъ король, подъ угрозою конфискаціи имѣній, повелѣваетъ дворянамъ согласиться на соединеніе и подтвердить согласіе присягою.

№ 6. **Документы**, относящіеся къ монографіи Іоасафата Кунцевича, полоцкаго уніятскаго архіепископа: 1) Отвѣтъ Льва Сапѣги канц. лит. на письмо Іоасафата. 2) Письмо арх. Іоасафата къ митрополиту Іосифу Рутскому о непреклонности къ уніи жителей разныхъ бѣлорусскихъ городовъ, объ интригахъ и возмущеніяхъ противъ ея и Кунцевича и проч. 3) Письмо папы Урбана VIII польскому королю Сигизмунду III, съ убѣжденіемъ не оставить безъ наказанія витебскихъ жителей за умерщвленіе арх. Іоасафата. 4) Письмо уніятск. митр. Іосифа Рутскаго кардиналу Бандину о разныхъ наказаніяхъ, присужденныхъ витеблянамъ за совершенное преступленіе. 5) Письмо папы Урбана польскому королю Сигизмунду, котораго восхваляетъ за наказаніе убійцъ архіепископа Іоасафата. — Стран. 65—91.

№ 7. **Рѣчь** Ивана Мѣлешка, каштеляна смоленскаго, произнесенная на варшавскомъ сеймѣ 1589 года, въ присутствіи короля Сигизмунда III. Стр 91.

ОТДѢЛЪ II.

Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ (продолженіе). Стр. 30.

О польскомъ аристократическомъ элементѣ въ Юго западной Россіи (окончаніе). А. ВОРОНИНА. Стр. 30.

Паденіе шляхетскаго господства въ Украйнѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, въ XVII столѣтіи (продолженіе). П. КУЛИША. Стр. 49.

Іоасафатъ Кунцевичъ полотскій уніатскій архіепископъ (окончаніе). К. ГОВОРСКАГО. Стр. 75.

О князяхъ Корыбутахъ Вишневецкихъ (окончаніе). С. СТУПИШИНА. Стр. 93.

ОТДѢЛЪ III.

Образчикъ международнаго миролюбія и правдолюбія поляковъ. (Отвѣтъ львовской «Народной Газетѣ.») Стр. 33.

Критическій разборъ и опроверженіе статьи г. Падалицы, помѣщенной въ №№ 17 и 27 Виленскаго Вѣстника, противъ кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Стр. 48.

ОТДѢЛЪ IV.

Общія соображенія о народныхъ у насъ школахъ. М. ЮЗЕФОВИЧА. Стр. 63.

Замѣчательное открытіе въ области жизни (приложеніе къ предъидущей статьѣ). Ѳ. ЛЕБЕДИНЦЕВА. Стр. 71.

Встрѣча Отрывокъ изъ историческаго романа начала XVII вѣка (продолженіе), П. КУЛИША. Стр. 75.

Римско-католическая пропаганда въ Болгаріи. Стр. 87.

Демонстраціи поляковъ, живущихъ на Волыни. ВОЛЫНЯНИНА. Стр. 100.

Замѣтка о проэктѣ ксендза іезуита (окончаніе). М. КОЯЛОВИЧА. Стр. 116.

Крестный ходъ въ Кіевѣ, въ день св. Владиміра (15 Іюля). Стр. 120.

О церковно-приходскихъ училищахъ кіевской епархіи. Протоі. КРАМАРЕВА. Стр. 127.

Корреспонденція и извѣстія изъ угорской (венгерской) и галицкой (червоной) Руси, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ другихъ заграничныхъ славянахъ и извлеченія изъ періодическихъ внутреннихъ и заграничныхъ изданій: а) Письма изъ венгерской Руси: Письмо 1) Гуштъ Іюля 12 (24) и 17 (29).— б) А. Д. Изъ Пряшева.— в) Адрессъ львовской русской академіи священнику Наумовичу. — г) Отвѣтъ свящ. Наумовича на адрессъ львовской академіи. — д) Письмо изъ Жолкви въ редакцію львовской газеты «Слово», по поводу статьи «Перемышлянинъ и Перемышлянка.» — е) Сосѣдамъ (стихотвореніе, на галицко-русскомъ нарѣчіи).— ж) Письмо изъ Саксоніи о лужицкой семинаріи. Стр. 134—151.
